

Алексей Сухановский

Тыко Вылка
Сын Полярной звезды

Алексей Сухановский

Тыко Вылка. Сын Полярной звезды

**Этюды жизни Ильи Константиновича Вылки,
ненецкого художника,
сказителя и «президента Новой Земли»,
рисованные на полотнах его родины**

2009

Дорогие друзья!

Вы держите в руках первую книгу из серии «Библиотека Печорского края», начавшей свою жизнь в год 80-летия Ненецкого автономного округа. Она не случайно посвящена «великому самоеду», одному из ярчайших представителей ненецкого народа — Илье Константиновичу Вылке. В нем отразились лучшие черты коренного населения Крайнего Севера. Мудрость, достоинство, талант определяют сущность этого замечательного человека. Но людей он покорял прежде всего добротой и терпением. Встреча с Тыко Вылкой для многих была памятным событием в жизни...

Сегодня образ «ненецкого Ломоносова» не потускнел, не утратил своей свежести и не изменил своей самобытности. С нами его великолепные картины, его воспоминания и сказки. С нами и его малая родина — арктический архипелаг, оставленный России в наследство «президентом Новой Земли» Ильей Константиновичем Вылкой.

*С уважением,
Валерий ПОТАПЕНКО,
глава администрации
Ненецкого автономного округа*

Дорогие земляки!

«Россия сложилась из наших имен...» Поэтическая строка выразительна и точна. Имя Ильи Константиновича Вылки, конечно, не краеугольный камень в перечне имен державы, но это — Имя!

Первый ненецкий художник, народный сказитель, глава Новоземельского островного Совета, непревзойденный охотник, отец семейства, воспитавший десятерых детей... Нужны ли еще какие-то характеристики для того, чтобы понять величину и многогранность личности этого выходца с самого «края света»? Наверное, нет...

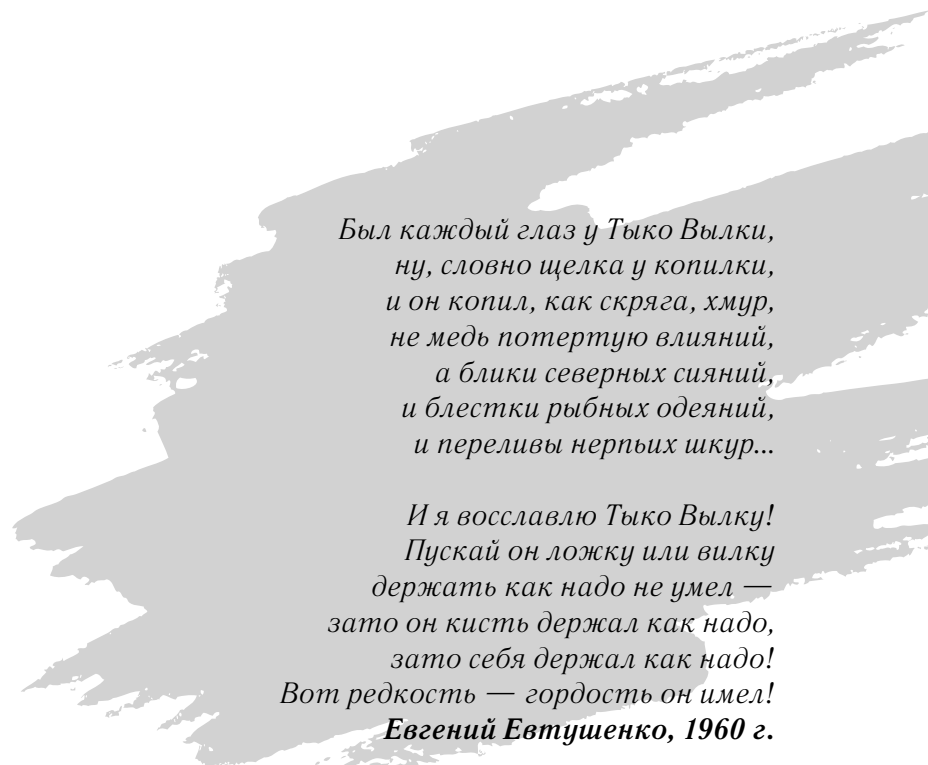
Илья Константинович явил собой лучшие черты ненецкого народа: трудолюбие, жизнестойкость, терпение, ответственность за других. Так не забудем же, говоря об этом, что наша Россия — вековой союз народов, спаянный историей и великими именами. Тylko Вылка занимает среди них достойнейшее место...

*Искренне ваш,
Игорь КОШИН,
председатель
Собрания депутатов
Ненецкого автономного округа*

Содержание

Нгер-Нумгы — Прикол-звезда (холст, грунтовка, ок. 1883 г.).....	9
Этюд первый. Снежная яма (камень, лед, кровь морзверя, 1900-е годы).....	10
Этюд второй. Новоземельская сталкериада (кожа, мех ошкуя, тиснение, 1910-е годы).....	38
Этюд третий. Месяц Большой Тьмы (базальт, фирн, ветровая эрозия, 1920-е годы).....	76
Этюд четвертый. Житье-битье (туман, ветер, птичье перо, 1930-е годы).....	108
Этюд пятый. Новоземельская крепость (вода, металл, огонь, 1940-е годы).....	146
Этюд шестой. Предчувствие Полигона (небо, облака, самолетная инверсия, 1950-е годы).....	186
Этюд седьмой. Большая земля — маленький человек (дерево, кумач, 1960-е годы).....	224
Теплая земля (четыре гвоздя, 28 сентября 1960 года).....	249
Р. S.: от автора (дорожный набросок на снегу, 2008 год).....	251
Графика жизни Тыко (Ильи Константиновича) Вылки.....	253

Был каждый глаз у Тыко Вылки,
ну, словно щелка у копилки,
и он копил, как скряга, хмур,
не медь потертую влияний,
а блики северных сияний,
и блески рыбных одеяний,
и переливы нерпих шкур...

И я восславлю Тыко Вылку!
Пусть он ложку или вилку
держат как надо не умел —
зато он кисть держал как надо,
зато себя держал как надо!
Вот редкость — гордость он имел!
Евгений Евтушенко, 1960 г.

Нгер-Нумгы — Прикол-звезда (холст, грунтовка, ок. 1883 г.)

Ни грани, ни предела. Не было ничего, кроме туманной сизой мглы.
Ни точки, ни тени. Цепкий взгляд промысловика тонул в беспредельном.
Ни просвета, ни искорки в небе, хмарью павшем на оледенелое море. Иголка в берестяной картушке
матки-компаса подрагивала, впиваясь в север.

Соленый воздух — инеем на засаленной, вытертой малице. Пот пересчитывал морщины на грязном лбу,
косо расклеивая пряди волос. Изношенный жизнью ненец греб, изредка поглядывая через плечо, прислу-
шиваясь к движению воздуха.

Карбас тихонько пробирался штилевой губой. По-птичьи вскрикивали весла, кусая подмороженную воду.
В ее ртутном зеркале — только старая лодка, а в ней — люди, шкуры, шесты, сани и свернувшиеся мехо-
выми баранками собаки.

С порывом ветра гребец поднял глаза. В разрытом сугробе тумана — индиговое небо и серебряное око
Полярной звезды. Чистый, пристальный, верный зрак Нума полуночного.

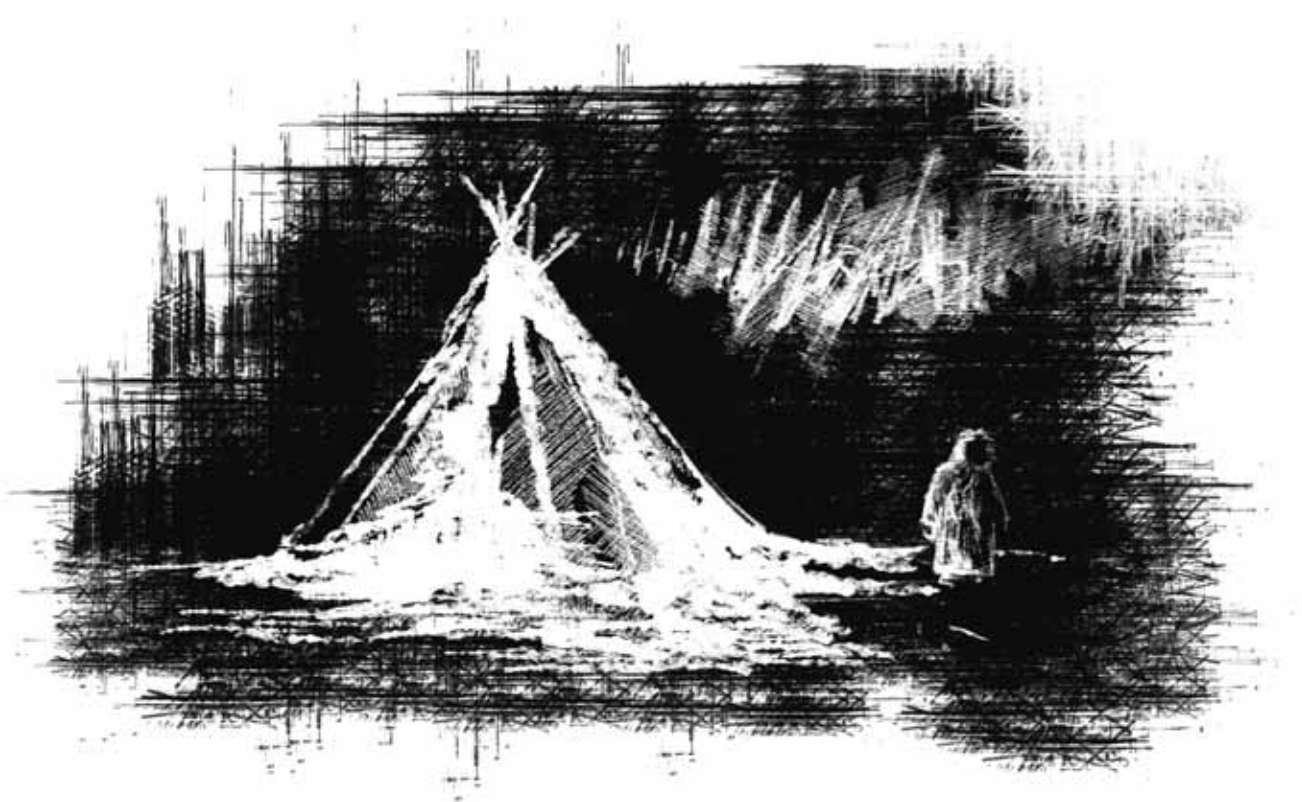
Молчало море. Молчали пловцы. Всхлипывали весла, цепляя хрусткий нилас...

Мужчина беспокойно ощутил на себе взгляд. Жена смотрела на него как-то странно. Новая жизнь ше-
вельнулась в ней, отозвавшись на небесную улыбку Нгер-Нумгы... Салютно черкнул по созвездию мете-
ор — искристый автограф судьбы: человек идет!

Илья Константинович Вылка, «великий самосед», известный всей стране, через жизнь напишет: «Мой
отец, Константин Вылка, через Карские ворота перешел на Новую Землю своим карбасом. Он был бедный.
Поселился на Новой Земле и женился».

Он родился в то время, когда география планеты была не полна: целые архипелаги стояли в студеном во-
дах не познанными, не названными. Он из того поколения, имена которого легли на географические карты.
Потому по ним течет ледовая река ледника Вылки и над свинцом бухты Ильи Вылки высится гора Ильи-
Вылка. Стоит над ними в сполохах полярного сияния поморская Прикол-звезда. Стоит — не гаснет...

«И родился я на Новой Земле...»

Этюд первый. Снежная яма (камень, лед, кровь морзверя, 1900-е годы)

Сквозь карские льды

«Пропадаем!»

Это слово без счета раз завершало человеческие судьбы на стылой коре океана.

Сказать — как курок спустить, когда ствол в башку смотрит.

«Пропадаем!» — это приговор без кассации, черными кругами в глазах на белых льдах писанный.

Мухами в сметане бредут-барахтаются восемь человек. Без пути и дороги. Компас — враль: кажет — в рай, ведет — в могилу. Сполыха путают бьющуюся в нем стрелку. Вера одна — Полярной звезде. Не обманет Прикол-звезда: все поморское штурманское знание веками к ней привязано.

Безбожный край, каленая морозами преисподняя, где свирепым духам даже Нум не указ — далек, стар, ленив...

Загребают люди звонкое крошево, падают, карабкаются, надрываются непосильным походом... Во льдах только один путь — вперед! А уж куда они тебя несут — дело третье...

Ах, как корил себя Борисов, расчетливый, осторожный, северной жилы человек: казалось, все предусмотрел, а оказался в пропадях. И самого, и людей на край поставил в пятистах верстах от базы в Поморской губе. Пройдя на полярной яхте Маточкиным Шаром — страной фиолетовых гор над сине-зеленой водой — в Тюленьей губе попал

в ледовый капкан. Топорами яростно рубили коварный лед! Тщетно... На недельном пути по уносному льду бросили почти все имущество и припасы, оставив себе одно: желание выжить. Потому — вперед, только вперед!

— К берегу, мужики, к берегу!

— Не отставай да помогай!

— Идем, братцы, покуда живы!

Сил хотя б с пол-ложки да с золотник бы непустячной надежды — глазами муть цедить, зубы сжимать и ногами шевелить. Остановился — умер.

Жажда во льдах — не диво, та же мука пустынная. Снег — не еда и не вода. И не сыт, и жажду не утопил. Стынь на зубах, и только. Лишь свежая, теплая кровь битого зверя дает силы, бодрит, гонит усталость и гибельную лень. Изловчились добыть свежатины, схарчили тюленя, отогрелись у горящего жирника — смерть отлучилась по нужде за скрежещущие торосы...

Как они красивы! Но красота их обманчива, как грациозная поступь полярного волка-сармика.

Льды — чистейший аквамарин! Льды — живые

и страшные в своей адской толчее! Давка — со скрежетом и грохотом, словно эскадра броненосцев навалилась друг на друга втаранную! Скалятся трещины, парят разводья, грохочут, вздымаясь, ропаки. Льды клокочут, варясь в арктическом котле и буровят студеной воду океана! Льды — могучие и прекрасные — застывают во внезапной тишине и вспыхивают пронзительными красками в лучах проглянувшего солнца. Но это — стихия, не знающая жалости.

Сквозь льды и отчаяние шли, очернев лицами от сырого холода, усталости и напряжения. Погибель давила их в костлявой жмени... Разжеванные льдами остались позади яхта «Мечта», мечта пройти Маточкиным Шаром меж ознобных новоземельских теснин, сглотнул ледовый омут и сани, и припасы, и остервеневших собак. Но кануло, не блеснув, впотьмах и то, что на краю гибели делает людей зверьми. Поморская единщина, сила характеров, упрямая вера в товарищей стали мостом к островной земле на зыбких льдах. Без них нельзя. Ослабшему, голодному, мокрому, обмерзшему в ледяном панцире одежды, упавшему духом и одной версты по открытому космосу Новоземелья не пройти — вечный сон окоченелый на каждом шаге сторожит-поджидает... Падали на опостылевший снег, в изнеможении хватали ртами воздух, дыша со стоном.

Так и шли бы, пока не пропали б в безысходности, да завиднелся чум сквозь могильный туман. Блазнит? Нет! Самоедское жилище маяком выстало в лиловой сутеми.

Ружейный выстрел тукнул в тишине, возвратясь ответным голосом промысловой винтовки. И «на ура», как на штыковой приступ, побежали в белый берег, боясь, чтоб не пропало это чудное виденье...

Теперь они сидели на ненецких нартах, грызя сухари со свежим нерпичьим жиром, заедая их снегом. Оголодали скитальцы, страхом тертые, в море соленом моченые, ветром сеченые, и уже готовы были околеть в безвестии. Лишь теперь они не боялись прочитать в глазах друг друга смертный приговор Арктики. Спаслись, спасены...

Молодежь, краем уха улавливая русскую речь о злключениях, вполголоса переговаривалась: «Хорошо, что наши старики со становища пошли сюда, на Савину реку, промышлять». А скитальцы думу о худшем исходе гнали, как дым из мокодана: забери ее, ветер! Такая удача...

Только тут разглядел Борисов своих спасителей: ба, знакомые все лица! Да и откуда здесь другим взяться? Все такие же, как и пять лет назад при первой встрече в Маточкином Шаре: Константин Вылка, Андрей Халко Вылка, Илья Вылка, Григорий Вылка, Павел Лагей, Андрей Черный, Григорий Черный и — ох ты мне-ченьки! — сам «праотец новоземельский», 85-летний старик Максим Пырерка тож! Узнавание в тундре — вспышка, радостная, теплая почти наощупь.

*Полнеба взято северным сияньем,
Горящей ризой неба над землей.
Даль Севера полна молочной мглой,
Застыло море круглым очертаньем.*

*Нет счета снежно-ледяным созданьям.
Скала звенит. И ветер над скалой
Из снега строит небу аналой,
Поет псалмы и тешится рыданьем.*

*От облака бежит проворно тень.
Мечтая о приснившемся обеде,
Лежат, как груды, белые медведи.*

*Не мрак. Не свет. Не час. Не ночь. Не день.
На вышнем небе ковш из желтой меди.
И смотрит в высь, подняв рога, олень.
Константин Бальмонт, 1897 г.*

И. К. Вылка.
Мыс Дровяной.
1950-е годы.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

— Ну, живы теперя, мужики!
— Пронес Никола Угодник над бездной...
— Мало не попали к рыбам в корм...
— Э-э, паря, поминали-отпевали ноне, да не нас!

Первая волна

Экспедиция Борисова едва не повторила печальную участь многих, дерзнувших проникнуть в тайны terra incognita Арктики. Новая Земля — безлюдная, первозданная, абсолютно неизвестная — была замком без ключа, минным полем без проходов, где за ошибку платят непомерно. И сегодня, глядя на архипелаг с самолетного борта, ощущаешь ледянящую оторопь. Под крылом — темно-серые бугры шероховатых гор под блещущими языками ледников и глетчеров, скально обрывающихся в изумрудное море. Картина эта завораживает...

Новая Земля — действительно земля, полярный континент, как Антарктида: ледники с нее ползут в океан ослепительно-белой змеиной шкурой. Чистота звонких красок язычески искренна. Масштаб архипелага — космический, ограниченный лишь одним — океанским безбрежием. Это и впрямь страшная красота, которая сама смотрит на тебя в упор, не мигая...

Грозна, величественна, торжественна царственная Новая Земля. Тому, кто тут впервые, трудно отвести взор от этого колдовского лютоземелья... А вот штурман, отставив стакан с дымящимся чаем, легко перечеркивает арктическую вселенную курсом полетного маршрута. Достает дареную конфету, иронически читает название на фантике: «Мишка на Севере» — и, засмеявшись, бросает сладость в рот: а то!

Солнце бьет в астрокупол, падая лучом на зеленый погон. Вспыхивают золотые звездочки. Грызут небо винты. Тянут моторы песню-дорогу. Белые медведи внизу и ухом не ведут, слыша далекий пролетный борт...

Россию полтора века назад тоже мало интересовали новоземельские пейзажи. Государственным интересом было одно: обрести форпост в Западной Арктике. У геостратегов свой пасьянс — карты сопернику не сдают: «землицы прирезать» — это святое на русском пути «встречь солнцу», начавшемся со времен ушкуйников Великого Новгорода.

Считается, что Новая Земля открыта русскими мореплавателями в XIV–XV веках. Поморы исстари называли этот архипелаг Маткой, а в песенных легендах — Гусиной Землей. Северный же остров встарь метко поименовали Ледяным...

Скользя по карте современной Новой Земли, глаз не раз споткнется на топонимах «черный» и «крест». Первое, пожалуй, от цвета пород, слагающих острова. А второе — от обилия крестов на архипелаге, некогда принадлежавшем только животным, но не человеку. В ту пору цивилизация была еще слишком слаба, чтобы спорить с природой...

«Живая энциклопедия Севера» Ксения Петровна Гемп, говоря об архипелаге, подчеркивает его нелюдимый характер: «Полярная ночь длится почти три месяца, ртутный столбик опускается ниже 50 градусов, лед покрывает озера и море у берегов 9-10 месяцев в году, лето влажное. Ветры почти постоянные. Особенно страшен и беспощаден «новоземельский сток». Холодный ветер с силой бросается с гор в долины, летом поднимает с земли гальку и песок, а зимой — снег, вздымает воду озер и моря, крутятся и несутся смерчи. Поморы говорят: «ни зги не видно». Оглушают грохот и гул в горах, стон, вой, свист и визг ветра. А тяжелая морская волна шумит и бьет в скалистые берега. Высоко взлетают брызги и пена. Зимой ветер взламывает припай, громоздит льдину на льдину, ропаки достигают 5-7 метров высоты».

Тыко Вылка видел грозную красу своей земли оком художника: «Айсберги в море плывут, как гуси. Цветики у нас особо яркие, а воздух прозрачный, и при солнце снег и льды на горах искрятся и румянеют. Птицы на скалах о чем-то разговаривают, радуются, спорят. Ушкуй — зверь большой. Мясо и шкура у белого медведя тяжелые, а шаг у него легкий, мягко ступает, я у него шагу учился... Песец — зверь красивый, ловкий, а злее его нет. В воде много разных водорослей — Русанов их собирал и питался иногда, и нам советовал».

Английская экспедиция Пета в 1580 году находила в Карской стороне православные кресты и могилы безвестных промышленников. В 1670-х годах академик Н. Я. Озерецковский в путешествии по Северу Рос-

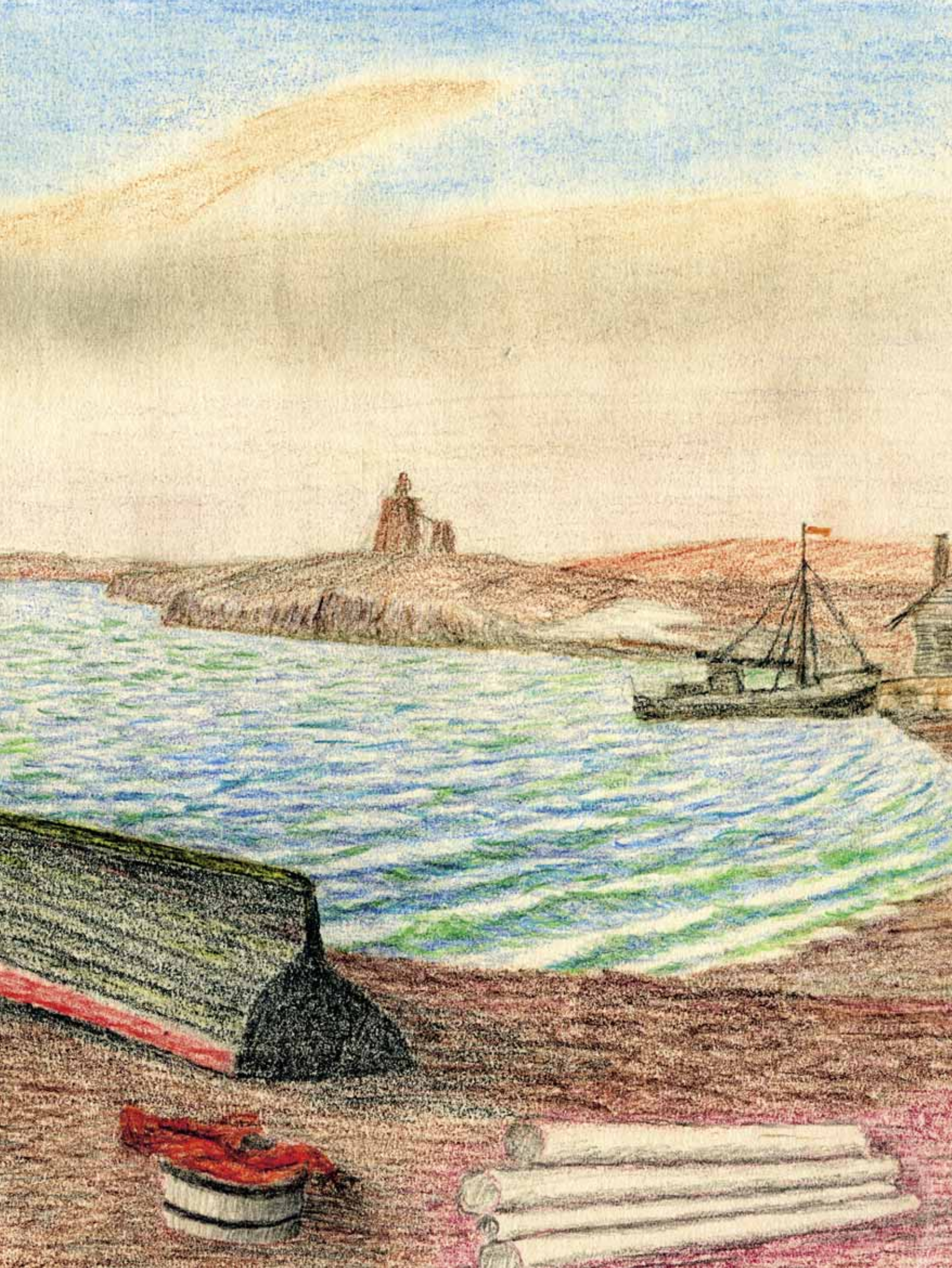

▲ Самоеды. Печорский край,
1910-е годы.
Из архива РУ ФСБ РФ АО

Мыс Подрезов.
Новая Земля, 1914 г.
▼ Из фондов ГАОПДФ АО

И. К. Вылка.
Губа Белушья.
Новая Земля.
1950-е годы.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

сии встречался с мезенским помором Федотом Рахмановым, 26 раз зимовавшим на Новой Земле! Как тут не вспомнить к слову поморского «патриарха Груманта» Ивана Старостина, промышлявшего на Шпицбергене 39 лет... А в письме Георга Ганса, датированном 1578 годом, сообщалось, что на архипелаге проживают не только русские, но и самоеды.

Впрочем в «Дневных записках...», сделанных академиком Лепехиным в 1772 году в путешествии по Северу России, отмечается: «На Новой Земле завсегда жительствоуют люди, но токмо с тою разницей, что никто здесь не утвердил и утвердить собственную волю не захочет постоянное жилище. Все жители сей земли суть пришельцы, мореплаватели и звероловы из разных поморских деревень и уездов Архангельской губернии, стекающиеся сюда, дабы по принятому обыкновению проводить в новоземельском звероловстве время более или менее года, и потом с добычей возвратиться восвояси...»

Известно, что первыми на островах попытались поселиться раскольники-старообрядцы, а позже — семья новгородцев Строгановых, бежавшая от гонений, и еще семья Пайкачевых, в которой люда было двенадцать человек. Их трупы летом 1764 года обнаружили промышленники во главе с Афанасием Харнаем: «Вдруг видит — лежат все Пайкачи бездыханные, в белых смертных саванах, а сами черные, как уголья...» Прожив на берегу губы Черной всего два месяца, все они погибли от цинги. Как и прочие...

Архипелаг оказался недоброй и нелюдимой землей: родовые корни в нее не прорастали ни на вершок... Академик Карл Бэр, посетив его, отчеканил: «Я не мог подавить в себе мысли, будто теперь только что наступает утро мироздания и вся жизнь еще впереди». Да, острова люди увидели такими, какими были они в день шестый, будто Господь только что отошел от великих трудов своих на краткий отдых, любуясь на дикое и прекрасное детище природы.

Еще ни один ребенок не родился на этой земле, не слыхала она ни смеха ребячьего, ни плача младенческого. Зато хорошо знала смерть людскую. Хуже войны эта земля в океане...

Первопоселенцем и первым постоянным жителем Новой Земли принято считать большеземельского ненца Фому Вылку, перебравшегося на острова в небольшом карбасе вместе с женой, двумя сыновьями и двумя дочерьми в 1867 году. Из остатков старой избы русских промышленников ненцы выстроили себе жилище, устроили в нем нары, обили стены шкурами, соорудили очаг. Деревянный чум получился — ой, хорошо! Но на месте семья не сидела — кочевала с Гусиной Земли в Малые Кармакулы, а оттуда правила берегом в Маточкин Шар... Печорские самоеды, добираясь в новоземельские пределы, как правило, не задерживались здесь долее чем на зимовку.

«Жестокие погоды начинаются в Филиппов пост и продолжаются до Великого поста, почти около трех месяцев. Бури продолжаются часто по неделе, иногда же до десяти дней и по две недели. В то время весь видимый воздух занимается густым снегом, кажущимся наподобие курящегося дыма. Человек же, потерявший из своих глаз становище, не может в то время на пустом месте не заблудиться, потому что со всех сторон ничего, кроме снежных частиц, видеть не может и в таком случае холодом и голодом погибает...» — сообщает о жестоком характере Новоземелья один из арктических путешественников XVIII века.

В 1872 году на архипелаг перебрались еще несколько ненецких семей. Были среди поселенцев и одиночные самоеды-промышленники. Так, в устье реки Савиной, на восточной стороне, проживал с товарищами Константин Вылка — отец Тыко Вылки по прозвищу Ханец, что значит «охотник»...

Арктические скитальцы

Спустя годы Илья Константинович запечатлит обыкновенную, бесхитростную историю своей семьи.

Его дед, Ямбо, происходил из ненцкого рода Яров и жил на Ямале. Он был бедняк, работал пастухом у богатых оленеводов. За работу получал плату оленями, но если волк зарежет хозяйского олешка, то следовал вычет за ущерб.

Однажды стая сармиков набросилась на стадо, разогнала его и убила нескольких животных. Расплатиться было нечем. Ямбо-Рослый бежал в Большеземельскую тундру.

Живший здесь род Вылка принял беглеца с условием: отныне ты не Яр, а Вылка. Так! Ямбо женился на Анне, и у них появился сын Ханец.

▲ Константин Вылка с сыновьями
(в центре — Илья). Новая Земля, 1910-е годы.
Из фондов АОКМ

В. А. Русанов (слева) на Новой Земле,
становище Маточкин Шар, 1908 г.
▼ Из фондов АОКМ

Тыко Вылка всегда подчеркивал отцовскую опытность в охоте и морском промысле, его верность дружбе, заботу о семье и родных. Ханец-Охотник, крещенный Константином, был грамотным и грамоте же учил своего сына Тыко-Олешка, крещенного в один день с отцом Ильей.

«Вылка Ханец был бедняк и работал у богатого оленевода пастухом. Он жил вдвоем со старухой матерью. Старуха была слепая. Жили они очень бедно.

Когда Ханец остался без оленей, богач бросил его в Югорском Шаре с матерью без продовольствия. Один только Лаптандер Хохрома помогал ему едой, дал ему ружье... Однажды Хохрома к ним приехал, мяса, шкур привез, пороху и олова пуль на десяток. Он сказал:

— Я дам тебе лодку. Ты здесь без еды пропадешь. Тебе надо ехать на Новую Землю. Карбас как-нибудь почини и поезжай. На Новой Земле будут теперь колонисты. Тебе нужно туда записаться...

Однажды к поселку пришел путник. Пришедший был Хыльтё-Понурый Вылка:

— Меня тоже оставили. Оленей у меня нет. И как теперь жить буду — не знаю. У меня жена и сын, втроем живем.

Еще Хыльтё сказал:

— Нам нужно жить вместе. Наладим карбас как полагается. Вместе поедем на Новую Землю. Где умирать — все равно... У меня есть четыре собаки.

— Собаки на Новой Земле очень нужны, — сказал Ханец.

Он был согласен ехать. Вместе охотились на нерпу. Продавали ее оленеводам. Купили мешок муки, пуль, кремневое ружье и мешков. Из мешков сшили парус для лодки. Весна прошла хорошо. Однажды снова приехал Хохрома:

— Ханец, ты нашел себе помощника. Теперь вдвоем-то вам хорошо. Поедете на Новую Землю. Там хорошо. Хохрома дал пороху и свинца на десять пулек:

— Ну, теперь прощайте. Живы будем, так, может быть, увидимся.

Погода установилась тихая. Ханец и Хыльтё нагрузили карбас и поплыли по направлению к Вайгачу. Сутки гребли. На другой день прибыли в Карские Ворота. Утром подул ветер с юга, попутный ветер на Новую Землю. Натянули парус. Две женщины край паруса руками держат. Временами волна заливаает борта лодки. Впереди показалась Новая Земля. Поздно вечером доплыли, остановились у мыса Логинова.

Утром увидели четырех оленей и убили их. Олени жирные, сало толстое, мясо вкусное. Старухи едят сырое мясо и улыбаются. Одно говорят:

— Мы теперь живем!

Морских зайцев много, моржей много. Ханец и Хыльтё стали охотиться. Теперь надо искать русских: пушнину продать. Нашли судно в губе Саханиха. Все продали, чего нужно было, всего накупили. Хорошо стали жить и зимовать. Всего много!»

Портрет самодской девочки с Новой Земли — один из фотографических опытов Ильи Вылки. 1911 г. Из фондов ГАОПДФ АО

«Земля пустая, а промысла много»

Новая Земля первобытно изобиловала живностью: песцами, лисицами, белыми медведями-ошкуями, дикими оленями. Летом небо оживало от бесчисленных стай гусей, гагар, гаг, чаек, уток. Прибрежные воды кишели рыбой: гольцом, треской, омулем. Было море богато и зверем: моржами, морскими зайцами-лахтаками, белухами, тюленями, нерпой...

Не зря говаривали об этих островах старые промышленники-поморы: «Матка богата, недаром ее Маткой зовут... Сала хошь — на то там тебе моржи залежки раскидывают, ошкуй выстает, заяц морской попадается — это тебе побережный промысел. За горным пойдешь — дикого оленя много прыгает, гуси, гагары, утки линять прилетают, да столько, что и счесть нельзя — палками колотим. Пух собирай — пожалуй, побитую птицу соли, из разбойного зверя сало топи...»

Поморские технологии новоземельского промысла были отработаны до мелочей в течение веков — от инструментария до бытового устройства. Моржовая охота шла до начала сентября, пополняя артельный склад моржовыми клыками-тинками, шкурами-харавинами и салом — до 20 пудов с одной туши! Охотились

И. К. Вылка.
Скалы.
1950-е годы.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

гарпунами и ружьями. Битого моржа вытаскивали на лед или берег при помощи катка, а то и ворота и тотчас принимались за свежевание. Снятый жир клали в бочки-баклашки, а очищенные от сала харавины солили в судовом трюме. Жир прямо на берегу перетапливали на ворвань, дух стоял — хоть стой, хоть падай...

Белух поморы ловили сетками, обычно перегораживая устья небольших рек на пути миграции животных.

Ненцы на Новой Земле промышляли в основном песца, диких оленей и морского зверя, которого били до той поры, пока не замерзали заливы-губы. Добытое целиком шло в дело: из шкур морзверя нарезали ремни, шили упряжь для нарт, выделанные нерпичьи шкуры шли на пошив традиционной новоземельской летней обуви. Сало и жир — корм собакам, песцовая приманка, освещение чума и лекарство от простуды. Охота на оленя давала основу для питания, а шкуры до последнего клочка использовались для шитья одежды, обуви, покрывшек чума, шли на изготовление ремней. Песцов добывало все взрослое население

острова, повсеместно расставляя деревянные ловушки-кулемы. Пушной товар был предметом торговли и ценился выше всего, в то время как сами ненцы мехов не носили, лишь женщины иногда украшали свои паницы песцовыми хвостами, отчего качество сдаваемых шкурок нимало не страдало...

Рыбный промысел у берегов Новой Земли известен с XVII века под названием «гольцовый» и считался по важности вторым после моржового. Занимались им поморы, ловившие рыбу на продажу, и ненцы, рыбачившие для своего котла. Уловы порой были столь богаты, что «суда, стоявшие в одном становище и общими трудами устраивавшие забор на рыбу, делили гольцов не счетом, а целыми карбасами, и даже вовсе не делили их, а брали каждый сколько кому нужно, то есть на сколько хватало соли и места на судне»!

Новоземельский голец был желанным товаром на архангельском торжище. Поморы сбывали его и в самом Петербурге под видом «мелкой варзугской семги» — хитровали. Но рыбу не просто брали — сметали бочками!

Накануне начала российской колонизации Новоземелья здесь появились норвежские промысловики, действовавшие с традиционным для них размахом и браконьерским трудолюбием. Владимир Русанов во время своей экспедиции по Новоземелью в 1909 году у выхода из Крестовой губы, на мысу Прокофьева, нашел норвежскую промышленную стоянку. Ее обитатели занимались гольцовым ловом. «На берегу лежали закупоренные и совсем приготовленные к отправке бочки, наполненные продуктами промысла: частью — салом и жиром морского зверя, частью — гольцами... Печальная картина на русской земле. Там, где некогда в течение столетий промышляли наши русские отважные поморы, теперь спокойно живут и легко богатеют норвежцы».

Тыко Вылка этот эпизод вспоминает так:

«Вдруг мы увидели лодку, стоящую на якоре. Через некоторое время показалась изба. Из трубы шел дым. Русанов сказал: «Гребите подальше от берега!» Из домика вышел человек, высокий, черный. Подошел к берегу и стал махать нам рукой, чтобы мы остановились. Русанов сказал: «Кто это? Пойдемте к берегу!» Мы пристали. Санко Вылка бросил якорь. Высокий человек принял якорь и закрепил. Русанов заговорил. Человек молчит. Русанов заговорил по-французски — тоже не понимает. Я выскочил на берег и сказал: «Гудо, гуд аптэн!» Тут старик сказал: «Гудо, гудо, яй норге Хаммерфеста, норге, норге!» Это были норвежцы. Русанов сказал, что они — хорошие люди. Старик повел нас в дом пить кофе и есть птичьи яйца. Из домика вышли еще два человека и встретили нас. Они знали имя Русанова и подтвердили, что он — хороший человек, что Русанова норвежцы знают...

Мы их спиртом угостили. Стали поразговористей. Показали нам, как они белых медведей добывают. У них за избушкой — из мяса приманки. К приманкам на колышках привязаны пустые консервные банки в ряд, будто колокола на звоннице у нас на Карамакулах. Медведь подойдет, банками побрякает, норвежец откроет окошечко в избушке, нацелится — и медведь готов.

Норвеги говорили: «Новая Земля состоит из трех кусков». Еще до Русанова я пешком ходил, собаками ездил, лодкой плавал, у стариков-ненцев спрашивал: кроме Маточкина Шара нет больше пролива? Между губой Крестовой и заливом Незнаемым сквозного пролива не получилось.

Русанов спросил норвегов: «Сколько лет вы здесь живете?» Старик ответил: «Три года живем. Мы хотим занять одну половину острова. Русский царь не может построить дома. Земля пустая, а промысла много». Русанов ответил: «Русские скоро дома построят...»

Безымянный норвежец из Хаммерфеста во многом был прав: Новая Земля целые века оставалась богатейшей арктической целиной, нежилой и непаханой нивой.

Первые исследования берегов Новой Земли были проведены в 1553 и 1556 годах во время плаваний Хуго Виллоуби и Стива Барроу к полуострову Гусиная Земля и губе Саханиха. Первую рекогносцировку и частичное картирование пролива Маточкин Шар выполнила экспедиция Федора Розмыслова в 1768–1769 годах. В 60-е годы XVIII века промышленник Савва Лошкин впервые за одно плавание с двумя зимовками обошел на судне все Новоземелье. Велика Матка! Год за годом вкладывали свой труд в изучение ее Ф. П. Литке (1821–1824) и П. К. Пахтусов (1832–1835).

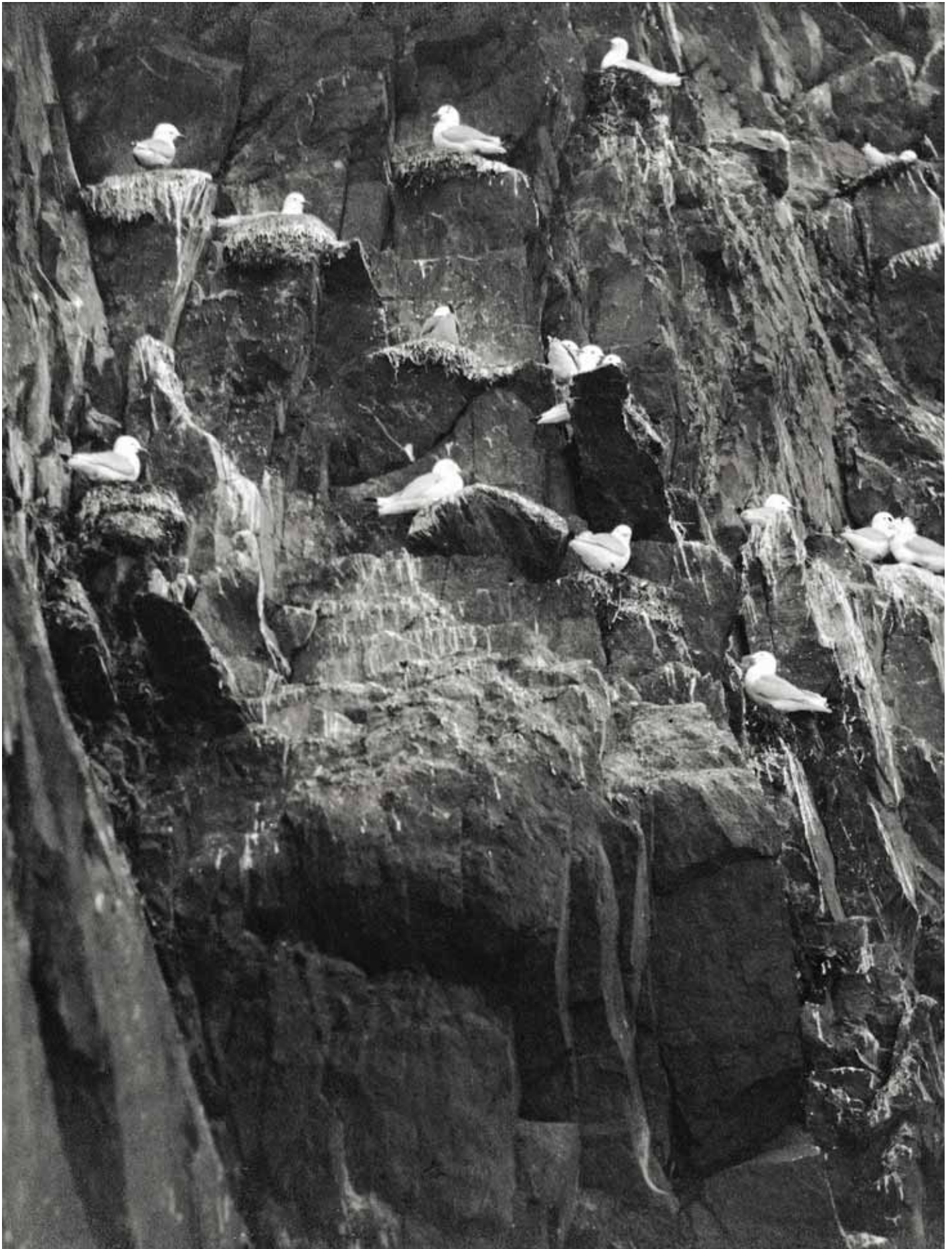
И все-таки полярные архипелаги оставались ничейной землей — открытые, но не освоенные, не охраняемые. Экономических выгод они не сулили. Но промысловое хищничество норвежцев стремительно истощало охотничье-промысловые и рыбные ресурсы Новой Земли. А это разрушало фундамент потенциальной экономики островов, будущность этой части российской территории. И это тоже предопределило судьбу Ильи Вылки...

В 1870 году к берегам архипелага пришли два русских военных корабля. На борту одного из них находился великий князь Алексей Александрович. Брат императора на свои деньги поставил в проливе Костин Шар «промышленническую избу». С этого шага, не закреплённого документами, началась государственная колонизация Новой Земли. А двумя годами позже сюда на постоянное жительство переселили несколько самоедских семей. Лихое начало — всего лишь попытка, а не полдела. Освоение Арктики никогда не давалось наскоком и простыми решениями. Дело вершилось трудно — от столкновения частных и государственных интересов до бытовой вражды поморов и самоедов-промышленников... Нравы лютоземелья жестки, как его острые скалы...

Обживали его испокон так: голова — в Архангельске, руки — на островах. Осязаемое начало положило в 1877 году строительство спасательной станции в Малых Кармакулах на побережье залива Моллера и переселение туда шести самоедских семей для промысла и присмотра за сохранностью построек и спасательного вельбота. Снабжение их съестными и огнестрельными припасами поручили Архангельскому окружному правлению Общества спасания на водах. На следующую зиму на Новой Земле остались 42 человека с детьми. В их числе и семейство самоеда Фомы Вылки, к тому времени безвыездно жившее на островах уже девять лет. 6 декабря 1878 года в семье первопоселенца, смотрителя спасательной станции Евстафия Алексеевича, и жены его, Александры Ивановны, Тягиных на свет появилась первая уроженка Новой Земли — дочь Нина. А тремя годами позже в Малых Кармакулах впервые спаслись от смерти во льдах три промышленника, брошенные судохозяином на промысле у реки Саханихи...

Тыко Вылка в последние недели своей жизни почти эпическим слогом записал то, что знал по рассказам ненцев-стариков, приехавших на острова вместе со штурманом Тягиным. «Хекути-Иван Лагей говорил: «Тягин к нам, ненцам, относился очень хорошо. В 1910 году в Мурманске, в Екатерининской гавани, я встречался со стариком. А молодым был я у Тягина солдатом в Кармакулах». По рассказам Лагея Хекути, он был самым близким другом Тягина: «Из Архангельска нас повезли на трех кораблях на Новую Землю постоянными жителями, проводником был хорошо знакомый с Новой Землей Федор Воронин, начальником зимовки — Евстафий Алексеевич Тягин. Прибыли на Новую Землю. Федор Воронин знал Кармакулы, где много зверя, птиц (кайры), на островах много пуха гаги, рыбы гольца. Евстафий Алексеевич Тягин говорит: «Вот мы приехали, сколько птиц — миллионы летают, зверя много. Теперь все это хозяйство ваше будет, вы и добывайте, и ловите, сдавайте государству. Это добро никому не давайте на сторону. Вы теперь не будете работать на печорских богачей, а сами будете хозяевами на этом острове, и я с вами зимую...» Такое рассказывал мне старик Лагей. Я же сам Тягина не видел. Только поставленный им крест с надписью «Тягин, 1877 год» видал. Еще видел тягинскую пушку с ядрами. Эта пушка долго, до 1918 года, хранилась. Ненцы и русские пользовались этой пушкой, когда приходил рейсовый пароход, встречали салютом с пушки, так же встречали Новый год. В 1919 году на Новый год зарядили много пороха. Пушка не выдержала. Взорвалась. «Голоса Тягина» не стало...»

Первые десять лет освоения архипелага — примерочные. Государственная машина тяжела в раскачке. Все, что делалось на далеких островах, было делом общественным. В освоении этих земель не столько было заинтересовано государство, не представлявшее всей своей выгоды от этого дела, сколько северные промышленники и судовладельцы, не раз поднимавшие вопрос о колонизации Новоземелья. Архангельский губернатор М. М. Кониар ходатайствовал в царственном Питере за будущее «арктической земли-

Птичий базар.
Новая Земля,
1914 г. Из фон-
дов ГАОПДФ АО

цы» и добился соответствующего решения Комитета министров. Оно было принято 19 июля 1881 года. Официальное освоение архипелага началось. Но скрипят бюрократические шестерни: и сказка долга, и дела нет... А лютые стоки треплют ветшающую станцию в Малых Кармакулах — закладной камень освоения. «Не было установлено правильных расчетов с поселенцами за доставляемые им припасы, вследствие чего большая часть продуктов промыслов попадала в руки иностранных и русских промышленников. Они скупались у самоедов за бесценок или еще хуже — выменивались по обману на водку. К поселению не были привлечены предприимчивые русские промышленники. Самоеды, оказавшиеся еще и неспособными к морскому промыслу, оставались без надлежащего надзора», — свидетельствовал архангельский чиновник и хронист Новой Земли Б. И. Садовский. Дела не поправило и строительство в 1882 году одной из первых в России полярных метеорологических станций в Малых Кармакулах.

В 1888 году Новую Землю посетил архангельский губернатор князь Н. Д. Голицын, основав новую колонию в устье Маточкина Шара с поселением там четырех семей самоедов.

Главой губернии был учрежден новый порядок снабжения колонии, и за поселением закреплен специальный чиновник. Эта первая попытка создать некую экономическую схему Новоземелья — проба государственного пера: поживем — увидим. Освоение шло путем поиска и анализа. Губернатор Голицын, обобщив полученный опыт, сделал вывод: самоеды совершенно не способны к оседлой жизни, лучше поручить задачу русским промышленникам, и тем «упрочилось бы обладание России этими островами». Минфин идею не поддержал...

Русские и ненцы, завезенные на Новую Землю, были обречены на жалкое существование. Не все здесь решали энергия и воля людей. Свирепая природа архипелага была стихией, легко опрокидывавшей надежды. Люди нищенствовали. И все их помыслы были о погожих днях, об удаче на охоте, о еде, о шкурах для тепла, одежды и мены на спирт: наглотаться «огненной воды» и счастливо грезить о том, как русский Бог босиком или ненецкий Нум в мягких моховых тобоках пройдет по душе... Жизнь ли это?..

Государство все еще не могло подобрать экономического ключа к новоземельским кладовым. Колонисты с их проблемами попадали в сферу внимания эпизодически. Транспортная схема так и не родилась. Люди на островах не были защищены ни экономически, ни юридически. Норвежская речь по-хозяйски уверенно звучала на тихих побережьях архипелага...

Рентабельное лютоземелье

Губернатор А. П. Энгельгардт также начал свое правление краем с поездки на Новую Землю. Было это в 1894 году, а годом позже по его воле в заливе Рогачева было основано новое становище: Белушья Губа. Поселили там восемь семей, в общей сложности — тридцать четыре души. В их числе был и русский промышленник Василий Кириллов с женой и сыном.

В записках современника отмечалось, что «Энгельгардт был сторонником исключительно самоедийской колонизации островов». Он первым из государственных деятелей детально изучил образ жизни новоземельских ненцев, расселявшихся не кучно, а по разным пунктам. Правильные выводы этот человек подкреплял правильными делами: выстроил действительно рентабельную экономику Новоземелья (чистая выручка новоземельцев составляла от тридцати до шестидесяти процентов от сданных продуктов промыслов!), создавал промысловые становища, наладил полноценное снабжение колоний и морское транспортное сообщение с ними.

В результате на архипелаге начала прорисовываться должная хозяйственная гармония. Расходы на содержание поселенцев с лихвой покрывались продажей добытого ими. Десятая доля выручки шла на развитие островов. Прибыль же делилась между ненцами-промышленниками пропорционально вкладу каждого. Благодаря этому многие из них обзавелись качественными ружьями-скорострелками и даже предметами роскоши. А один из самоедов, накопив 900 рублей, пожелал иметь в Малых Кармакулах собственный дом, который ему и был доставлен в навигацию 1896 года. Сбережения ненцы держали в архангельском отделении Госбанка, поскольку в наличных деньгах не нуждались — они были обеспечены всем необходимым для жизни.

Русская православная церковь взяла на себя попечительскую заботу о новоземельских поселенцах, приобщая самоедов к грамоте и духовности. В 1888 году в Малые Кармакулы пароходом доставили деревянную

◀ А. А. Борисов.
Лунная ночь.
Медведь на
охоте. 1899 г.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

одноглавую церковь с иконостасом и пятью колоколами завода Оловянного, построенную за счет добровольных пожертвований. Годом позже там был учрежден монашеский скит, причисленный к Николо-Корельскому монастырю. Новых колонистов встречали не только колокольным звоном. Издалека были видны и памятные кресты, поставленные начальником спасательной станции Евстафием Тягиным и архангельским купцом Масленниковым...

Губернатор Энгельгардт отмечал в своих записях: «Забота наша о новоземельских самоедах простиралась до таких, например, подробностей: в числе колонистов были, между прочим, брат и сестра, достигшие возраста, когда первому требовалась невеста, а второй — жених. На Новой Земле таковых не оказалось, и по просьбе родителей в числе первых поселенцев привезли им... жениха и невесту...»

Но едва покинул в 1901 году Энгельгардт пост губернатора, как развитие новоземельских поселений остановилось, а самоеды вновь впали в нищету. Освоение Новой Земли мало походило на великое покорение изобильной Сибири. Больно камениста грядка...

Удивительно яркое описание новоземельской природы и быта ее поселенцев оставил нам художник и писатель Степан Писахов, впервые увидевший архипелаг с борта парохода: «Горы Три Брата закрыты тяжелыми снежными тучами. Пила-гора стояла свободная. Белая полоска, как тропинка, шла по уступам хребта горы. По этой тропе легко подняться до вершины... Низко идущие тучи местами закрывали землю и море.

Бывая на юге, я нередко слышал восклицания: «Ах, как красиво!» Красота Новой Земли иная. Сады на берегах Средиземного моря, ботанический сад в Каире — это казалось звучным, нарядным, как карусель пестрая с шарманкой.

Об Арктике кто-то хорошо сказал: «Кто побывал в Арктике, тот становится подобен стрелке компаса — всегда поворачивается к Северу».

В те годы были три становища, куда заходил пароход: Белушья Губа, Малые Кармакулы и Маточкин Шар. Были промысловые избушки в разных местах и на Карской стороне. Пришлось видеть избушки-вежи. Часто это было подобие шалаша из леса-плавника и старых оленьих шкур. В такую избушку забирались только спать или переждать непогоду.

Белушья Губа. С берега слышалась ружейная стрельба и ударила пушка. Это приветствовали наш пароход. По берегу носились собаки, подбегали к воде, входили на шаг-два в воду и лаяли разногласно, звонко. Собаки, приехавшие из Архангельска, отвечали им лаем с взвизгиванием...

«Владимир» отгремел якорем, прогудел свистком и стоял в тихой бухте. С берега торопились гости...

Спокойные линии невысоких гор, редкие пятна снега. Несколько серых домиков, чумы. У самого берега — склад. Захотелось идти по этой земле и слушать тишину...

В Белушьей Губе я впервые увидел ползучие деревья. Ива в местах, защищенных от холодного ветра, подымает ветки. Ствол ивы плотно прижат к земле. Я видел много цветов — ярких, пахучих. Их век короткий, как коротко и лето за Полярным кругом. Но цветы успевают вырасти, расцвести, дать семена...»

При архангельском губернаторе И. В. Сосновском, распорядившемся в 1908 году заключать с островитянами договоры на прием продуктов промыслов и снабжение их припасами, обязательным условием стало официальное запрещение сбывать добытое на сторону — норвежцам и русским скупщикам. Отныне шкуры белых медведей, белых и голубых песцов, недопесков, крестоватиков, оленей, красных лисиц, белух, серки, морского зайца, лысуна, нерпы, моржа, оленья шерсть, камусы, перо, медвежьи черепа, голец, медвежье сало, оленьи рога и даже живые белые медведи продавались в Архангельске только с публичного торга.

Мера была настолько эффективна, что убедила государственных чиновников в высокой рентабельности колоний. Губернская власть даже открыла кредиты для поселенцев под гарантии будущей промысловой добычи! Хотя абсолютные показатели объемов добычи оставались на порядок меньшими, чем у лихих русских и норвежских сезонников, по-прежнему ходивших к Новоземелью на свой страх и риск, ежегодная добыча промышленников архипелага в 1908-1910 годах уже не вмещалась на самый большой пароход Мурманского Товарищества «Королева Ольга Константиновна» грузоподъемностью 25 тысяч пудов. Такой же объем продуктов промысла вывозили с островов несколько частных сезонных судов. Особенно известными добытчиками слыли «шенкурята»: крестьяне Шенкурского уезда Архангельской губернии, специализировавшиеся на ловле гольца. На архипелаг они приезжали в июле первым пароходом со своими лодками и снастями и возвращались в сентябре в Архангельск, сдав рыбу на месте.

Губернатор Сосновский целенаправленно повышал эффективность новоземельских колоний, снижая стоимость завозимых на острова товаров, продвигал различные льготы для переселенцев. Ликвидировались, в частности, пошлины и акцизы на чай, сахар, табак, керосин и спички. Как результат — в 1909 году выручка выросла сразу в десять раз!

В том же году губернатор И. В. Сосновский посетил Новую Землю и распорядился отправить специальную экспедицию для исследования Северного острова, а особенно — Крестовой Губы, предполагая на-против острова Ермолаева «основать первое чисто русское становище в целях фактического закрепления острова за Россией». Оно получило название Ольгинский и было заселено четырьмя семьями шенкурских крестьян из деревни Немировской Смотровской волости, а позже туда прибыли семьи пинежского крестьянина Якова Запасова и не раз бывавшего на Матке печорянина Фотия Семенова. В 1912 году в становище Петухи с Вайгача перебрались шесть ненецких семей.

По сию пору считается, что губернаторство Сосновского было временем наибольшего благоприятствования в освоении Новой Земли, благополучия всего ее населения и, в частности, жителей первой островной столицы — Малых Кармакул.

Архангельские власти заботились не только о достаточном завозе продовольствия, но и о его разнообразии, помня об угрозе цинги. Пароходы «Чижов», «Великий князь Владимир», «Ломоносов», «Михаил Кази», «Сергей Витте», «Королева Ольга Константиновна» в разные годы доставляли на острова муку, соль, постное масло, чай, сахар, крупчатку, сушку, треску, умеренное количество водки, лук и даже творог. Но привычной для ненцев-переселенцев пищей были хлеб, крупы, оленина, мясо медведя, гусей и голец. Очень «уважали» здесь чай. Столь скудный рацион мог стать и становился причиной авитаминоза. Больных поили не лекарствами — свежей кровью оленя или нерпы.

Русские промышленники и самоеды-колонисты в то благое время чувствовали себя хозяевами на этой земле. Современники отмечают, что количество пришлых «варяжских» судов сошло на нет: с норвежцами не церемонились. Но в те же годы, несмотря на все внешнее благополучие жизни на Новой Земле, которое стояло за показателями рентабельности, там оставались старые проблемы: ненцы к обитанию в домах не были приспособлены, привозимый для них охотничий и промысловый инвентарь они «убивали» в течение одного года, в становищах царили повальное пьянство и жуткая антисанитария...

Степан Писахов в описании новоземельских будней прозаичен: «1905 год. Мой первый приезд на Новую Землю. Пароход ушел. Водку выпили. Опохмелились, кто как сумел: кто — баней, кто — кислым. Промышленники ушли на места промысла. В становище остались старики, старухи и ребята.

Первой гостьей ко мне пришла старуха Маланья. В нарядной панице из белых камусов, расцвеченной полосками цветного сукна, Маланья села на пол у самой двери.

— Здравствуй, художник!

— Здравствуй, Маланья! Проходи, сядь к столу.

Маланья, медленно раскачиваясь, затянула что-то мало похожее на песню.

— Аа... ааа... аа...

— Маланья, тебе нездоровится? У тебя живот болит?

— Что ты! Я здорова. Я пою.

— Пой, пой, я послушаю.

— А ты что не спросил, что я пою?

— Скажи, пожалуйста, Маланья, о чем ты поешь?

— Я, Маланья, к художнику в гости пришла. Художник мне чарку нальет. Я выпью, мне весело станет...

— У меня другая песня есть, — отвечаю я гостье.

— Какая у тебя песня?

Подражая пению Маланьи, я запел:

— Ко мне Маланья в гости пришла. У меня самовар кипит. Я заварю чай, буду гостью чаем угощать. Чай с сахаром, с вареньем, с сухарями, с конфетами, а водки у меня нет...

— Худа у тебя песня.

Обиженная гостья перевалилась через порог и, колыхаясь, пошла домой. На мой зов не отозвалась...»

Да, было бы неверно живописать картину Новоземелья того времени только красками победных реляций, любезных сердцу чиновника. Люди оставались такими, какими были на Большой земле. Пороки и добродетели в условиях удаленного архипелага только усиливались, принимая выпуклые, броские черты.

▲ Флотилия полярной экспедиции В. А. Русанова перед походом на Карскую сторону в Маточкином Шаре. Новая Земля, 1908 г. Из фондов АОКМ

Охота на припае. Становище Белушья Губа, 1949 г. ▼

Освоение островного края страдало типичными проблемами цивилизации, проникающей в дикие земли. Здесь не было открытого противостояния с местным населением наподобие времен покорения Дикого Запада или обустройства Русской Америки. Колонистам противостояли только природа и расстояния. Политическая сторона вопроса решалась вполне русским способом — массированным наращиванием сил присутствия. Экономический механизм создавался на ходу сообразно финансово-промышленному прогрессу страны. Россия в те годы была на невиданном взлете...

Государственное регулирование оказалось веским аргументом в развитии архипелага. Сюда поставлялось все — от сетей, ружей и пороха до метеостанций и народных библиотек. Здесь и создавалось многое — от фельдшерских пунктов до церковных школ. Шаг державы крупен, тяжел, убедителен. Пусть в целом экономическое содержание колоний оставалось делом невыгодным, требовавшим от губернской власти больших усилий по организации централизованных поставок на острова всего необходимого и по защите интересов колонистов на товарном рынке, но хорошо поставленное дело развивалось. Однако следующий шаг — отлаживание организационно-управленческой схемы — не был сделан. Причиной тому — события Великой войны, как тогда называли Первую мировую.

Даже первые полеты русского пилота Яна Нагурского над арктическим побережьем (от Крестовой губы до полуострова Литке), предпринятые в августе 1914 года на самолете «моррис-фарман» в поисках пропавшей экспедиции Г. Я. Седова, прошли абсолютно незамеченными и неоцененными.

Нагурский и сопровождавший его техник-моторист, матрос I статьи Е. В. Кузнецов переправили девять ящиков с частями самолета на берег у становища Ольгинского и приступили к постройке временного жилища — подобия избушки, крытой брезентом. Спали в спальных мешках на резиновых надувных матрасах. Сборка гидросамолета продолжалась более четырнадцати часов.

Ян Иосифович совершил пробный получасовой полет над бухтой. На борт взяли только самое необходимое: винтовки, одежду, продовольствие. Из губы Крестовой 8 августа 1914 года в 4 часа 30 минут утра Я. И. Нагурский и Е. В. Кузнецов полетели на север вдоль западного побережья Новой Земли.

«Тяжелогруженный самолет с трудом поднялся надо льдами, но затем стал быстро набирать высоту; перед нами открывались все более красивые виды. Направо находился остров с грядами островерхих хребтов и спускавшимися по ним ледниками, налево — белый океан, на котором кое-где виднелись темные пятна открытой воды. Ледяными верхушками сверкали живописные, фантастических форм айсберги. Они то были расположены ровными рядами, то беспорядочно разбросаны; по форме одни напоминали стройные обелиски или призмы, другие — странного вида коряги. Все они искрились, как бы обсыпанные миллионами бриллиантов, в лучах незаходящего солнца. Сознание, что я первый человек, поднявшийся на самолете в этом суровом краю вечной зимы, наполняло радостью и беспокойством, мешало сосредоточиться». Этот полет, так ярко описанный Яном Иосифовичем Нагурским, длился 4 часа 20 минут, его протяженность составила 450 верст.

Днями позже вместе с Нагурским в воздух поднялся капитан Г. И. Пospelов. Тот самый Пospelов, с которым Русанов и Вылка пробивались сквозь карские льды на «Дмитрии Солунском». Это была первая в мире авиационная разведка льдов Арктики...

Спустя время Новоземелье станет невысказано без авиасообщения... На одной из картин Тыко Вылки отображено это знамение времени: пузатенький смешной вертолет набирает высоту над новоземельским озером. Смотришь и отчетливо слышишь тархтенье его поршней...

Большие крылья над архипелагом вновь будут распростерты только через десять лет после полетов Нагурского — летчик Б. Г. Чухновский выполнит первую ледовую разведку для проводки судов Карской экспедиции. Пока же в небе — только птицы...

Почти восемь лет население Новой Земли было предоставлено самому себе: занимаясь промыслами, люди сбывали свой товар немедленно появившимся норвежцам. В эти годы Россия так и не смогла оставить за собой веками осваиваемый Шпицберген, поморский Грумант. Новоземельский архипелаг мог повторить его судьбу...

Впрочем, островной опыт хозяйствования, начавшийся как политическая акция, не пропал и был востребован новой властью немедленно, едва смолкли орудия Гражданской войны. Управление островного хозяйства Северного Ледовитого океана при Архгубисполкоме продолжило государственные традиции освоения арктических земель. В ведении Островхоза находились Новая Земля, Колгуев, Вайгач, Матвеев, Долгий, Моржовец и другие. Частная же инициатива по-прежнему вела лишь к хищнической добыче и оскудению ресурсов островной сокровищницы.

И. К. Вылка.
Новая Земля.
Ледник.
1950-е годы.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

О ее красоте Россия не знала до изумительных картин, поразительных этюдов и ярчайших книг художника Александра Борисова. Его отчаянная и беспрецедентная экспедиция состоялась вовремя, став прологом к новой волне освоения Арктики...

Зерна доброты — хлеб мудрости

Да, не горемык заплатанных повстречали едва не погибшие борисовцы у края припая — коренных истинных новоземельцев! Пусть, как все, не богатырской стати Константин Вылка, а сотня белых медведей на том свете по нему когти чешет, пусть у Тыко, как у всех, малица драная-засаленная и сажей перепачканная, хоть брось, но темные его глаза — живые, блестящие, думающие. Примитивны их орудия лова, жалки их доспехи, но — поразительной живучести ребята! Ведь кочуют они там, где жить не может никто. Только звери да птицы. Здесь, любезные, вам не Россия — условности излишни: не по одежке встречают. На тысячи верст — кричи-не кричи... Помочь, спасти — это здесь святое. А повстречал человека в ледяной пустыне — обрел праздник.

Вновь свела судьба (слепая ли?) Илью Вылку с художником Александром Борисовым, жившим в те годы на накале творчества: академики, классики, столпы отечественной живописи завидовали удаче молодого таланта из когорты Куинджи, северянину с красноборскими корнями, начинавшему жизнь-песню неизвестным соловецким богомазом...

Адреналин испытаний — лучшее средство против «звездной болезни». Борисов вновь и вновь карабкался вслед за Полярной звездой по сетям меридианов и параллелей, картинами оставляя свой след в жизни. И по-христиански сеял разумное, доброе, вечное. Не плевила разбрасывал — мудрые зерна, взошедшие даже на вечномерзлой целине дикого Новоземелья...

Встреча в белом безмолвии — это тепло: огня, человека, помощи. Из искры той встречи Вылки и Борисова затеплился и разгорелся огонь таланта первого ненецкого художника. Нет, не пламя, не пожар — уютный костер в очаге, добрый и правильный. Встань-ка ты, друг сердечный, в питерском Русском музее или в архангельском Музее Борисова напротив вылкиных картин бесхитростных, где лишь лед и стужа, и на душе твоей вдруг затеплится лето...

С пургой не спорят

«Выстрадано, пережито, не пропало даром», — подытожит новоземельскую эпопею Борисов. За его спиной остались десятки географических названий с именами подвижников, учителей, писателей, живописцев, столпов державы.

Перечисление географических названий Новой Земли — запечатленная история исследования архипелага. Сотни имен — от звучных до простых: министр финансов России Канкрин здесь наравне соседствует с промышленником Саввой Лошкиным, а «арктический сталкер» Илья Вылка неразлучен с любезным его сердцу геологом-полярником Владимиром Русановым. Вся история России за последнее полутысячелетие, как в энциклопедии, — здесь!

Оставил людям в Новоземелье Борисов свою избу — память зримую, но недолговечную, а вот о себе память — неизгладимую. В каждом, кто с ним встречался, и в сердце Тыко Вылки, взволнованного открытием новых горизонтов привычного мира камней, льдов и снега, новым взглядом на окружающий мир.

...Давно истер Илья борисовские карандаши, дареные пять лет назад в Матшаре, и волшебная бумага кончилась. Охота же к рисованию не пропала. Бывалый тундровик почувствовал в себе странное беспокойство. Он щупал дерево этюдника, ворс кистей, трогал пальцем «червяков» из тюбиков краски — хитрые вещи. Илья видел, как под борисовской кистью на плоском грунтованном холсте вдруг начинали бугриться знакомые горы, распускались цветы, светились льдины в угрюмой воде бухты.

Поглядишь близко — мазня. Издали — живое!

На бумаге — и вовсе колдовство: отец, как настоящий! Битый жизнью, изношенный скитаниями, корябанный невзгодами, расписанный морщинами вдоль и поперек, стеснительный и в то же время — себе

на уме. И даже видно, что выпил хорошую чарку водки! Кажется, тронешь рукой — щетиной уколешься, а потрогаешь — гладенько.

Карандаши и бумага Борисова попали в дельные руки, умевшие не только влет бить гуся и давать разума собачьей упряжке...

Родня поначалу поглядывала косо: талант среди ненцев того времени воспринимался как тревожащая непохожесть, а излишняя задумчивость настораживала: не станет ли мальчишка шаманом? Внутренний мир тундровика всегда выстраивался по прямой, как след от полоза: вещи виделись в реалиях, без зауми.

Нерпа — это еда.

Нет нерпы — это голод.

Голод — это смерть.

Логика бытия проста. Поводы для двусмысленности отсутствовали напрочь. «В чем прок от нарисованной нерпы, окатэ́та-безголовый?»

Художник Александр Борисов Вылку учил:

— На морозе картины писать можно только на едином дыхании. Как холодную речку переплыть. Бросился в воду и — гребь!

Помолчал, подумав, что выбрал для ненца, не знающего летней речной неги, весьма сомнительное сравнение. Продолжил:

— Писать здесь приходится на одном дыхании — как ходить в пургу: вздохнул и иди, налегая плечом на ветрище... Работать следует быстро, точно, сметливо. Тона меняются стремительно, оттенки текучи. Хватай на лету, как стреляешь на охоте: раз и — готово! Смотри, Илья, на морозе краска густеет, становясь подобной тесту, к холсту не липнет, длинный ворс кисти неудобен, обрезай его покороче, макай в скипидар да нажимай сильнее, пусть хоть древко в кулаке треснет, а чтоб в тепле краски не расползлись, береги их от снега. И помни: главное в живописи — тона, полутона, оттенки. На Севере их неисчислимо много, а их игра затейлива и мимолетна. Поэтому писать полярную природу куда как трудно! Рука и та мерзнет до бесчувствия, как ни береги ее в рукавице под малицей... Ну, трудись, и помогай те Бог!

Слушает Вылка, чай похлебывает, глазами посверкивая из-под длинной жесткой челки — речь, конечно, умная, но голова-то у него — своя! Природный практицизм ненца-новоземельца из чужого опыта выжимал только самое рациональное: не надо спорить с пургой — ее легче переждать. Хад — не зло, сток — не бедствие. Это ветер жизни: он прибирает, наводит порядок на Новой Земле, сметая с пути рыхлые снега, и тогда по всем островам человеку — гладкая и твердая дорога... Слушая, помалкивал: не из болтунов-торопыг...

Знавшие Илью Константиновича вспоминают, что картины Вылка чаще рисовал по памяти, редко когда с натуры, а в пожилом возрасте — с фотографий. Памятью на детали и цвета обладал завидной. У него были своя техника, своя манера работы и технология живописи, своя палитра — светлая и яркая в молодые годы и помрачневшая красками к концу новоземельского житья.

— Хоть руки к морозу привычны, а все-таки картину писать лучше в тепле, не торопясь, со вкусом. Чай же никто на улице не пьет. То ли дело в чуме! Или вот лучше — в доме, при лампе, в уюте, нога на ногу, с сахарком, под радио... Пока самовар не обсохнет! А?

И смеялся, довольный удачной находкой. Как этюд набросал!

**Этюд второй.
Новоземельская
сталкериада
(кожа, мех
ошкуя, тиснение,
1910-е годы)**

Портрет негромкого героя

С карандашных этюдов и набросков, собственно говоря, и начался путь «мальчика из снежной ямы» к всероссийской известности.

Русский мир Тыко Вылка воспринимал по-ненецки. Это непередаваемо и безассоциативно — иной взгляд на миропорядок. Вселенная для новоземельского ненца разложена «иным манером», нежели для человека с Большой земли. Но, идя навстречу незнакомцу, и здесь принято являть лучшие человеческие качества: открытость, дружелюбие, сострадание, деятельную заботу, готовность помочь. Тыко Вылка среди голых скал, у пушечно грохочущего моря, в реве снежной пурги и каленых морозов вырос именно таким.

Он и в преклонные года оставался все тем же. Больше молчал, без слов держась авторитетно, обращаясь к людям просто, бесхитростно будучи с любым вровень. Сам был много повидавшим на своем веку — жил посередь горя, вынес-выстрадал лиха, но себя не потерял — и других в твердости духа поддерживал. Его знали все, но звезд он с неба не хватал — пусть-ка висят, где приколочены...

Жизнь быстро обгоняла его на склоне лет, но он сохранял внутреннее спокойствие и невозмутимость, достойно встречая старость вдали от малой родины, где впервые подал свой голос.

Год своего рождения Илья Константинович точно не знал. Общепринято считать, что родился он на Новой Земле 15 февраля 1886 года,

хотя сам Вылка называл и другие даты: 1883-й и 1884-й годы. (Календарем простой народ тогда не пользовался, предпочитая вести счисление дней по привычной череде церковных праздников — русская литература «золотого века» тому свидетельством). От родителей, Константина Вылки и Евдокии Ледковой, имевших одиннадцать детей, получил мальчишка имя Тыко — Олешек. По ненецкому обычаю, отец перевязал пуповину новорожденному срезанной прядью волос его матери, потом вынес младенца из чума, положил на снег и присыпал снежком, чтобы тот никогда не боялся мороза, а ездовая собака, виляя хвостом, весело лизнула его в живот, словно клянясь в вечной дружбе новому человеку. Так начинали жизнь все ненцы...

Как заведено здесь, лет с семи ходил мальчонка с отцом на промысел, перенимая секреты охотничьего дела. Добытчиком вырос в отца — великолепно стрелял из ружья, не промахивался и из самодельного лука с желобком под стрелы, зверя издали чувствовал, погоду безошибочно предсказывал на пару дней вперед. Этим талантом он поражал русских промышленников и людей военных даже в старости: вылкино слово о погоде — крепче льда. Как сказал — так и будет...

«Летом-то сами чего напромышляем, а зимой отец — один добытчик в семье, — вспоминал Вылка. — В восемь лет отец дал мне лук с жильной тетивой и собаку Нохо. В ту же зиму стрелой убил годовалого белого медведя. Дотащить до чума не мог. Заночевал у добычи. Свернулся в клубок на снегу, собака легла в ногах...» «Нохо была славная собака, сильная, умная. В книжках читал — первая любовь не забывается, а у ненца — первая собака», — смеялся Вылка.

Новоземельская лайка корнями — с материка. Большая, добрая, ласковая к любому человеку: случайно наступи на нее, спящую в сугробе, она вскочит и начнет лизать твое лицо, выражая буйную радость — влюблена в человека! Вековым и жестоким отбором из породы выкорчевали злобу, культивировав в ней одни лишь трудолюбие и неутомимость. У ездовых собак лапы атлетов, широкая грудь и густой мех, не знающий блох. В упряжку впрягали по восемь, а то по десять лаек, и впрягали по-новоземельски — веером, а не материковым цугом...

В дальних кочевках Тыко Вылка научился обращаться со сворой ездовых псов, умея укротить самых свирепых и своенравных. Знал, как изготовить упряжь, как ночевать в снегу, как разделить нерпу или оленя, как пережить грохочущее бешенство новоземельского стока, валящего человека наземь, словно чурку. Легко правил нартами, прекрасно ориентировался в кажущемся однообразии островного ландшафта. Умел незаметно подползать к нерпе, ставить капканы на песца, подстерегать оленя, ловить гольца, собирать на отвесных скалах птичьи яйца.

Кстати сказать, заниматься последним — не по курятнику шастать. Отвесные кручи высотой в десятки метров усеяны птичьими гнездами. Толстоклювые кайры тысячами высидивают на них свое потомство. Осторожным и внимательным надо быть на этом промысле. Яйцо не всякое брать можно: только свежее, а не то, которое готово лопнуть птенцом. Вниз не смотреть, от атакующих птиц не отмахиваться — это первая заповедь: соскользнешь с такой высоты — мокрое место от тебя останется. «Только став взрослым, я понял, что, если бы упал, ничего бы от меня не осталось. Тогда с Пуховых островов я впервые увидел Карское море. И стало мне сладостно».

В четырнадцать лет один прошел на лодке Маточкиным Шаром! «Пролив этот дикий, скалы голые, туман над ними, а вышел на Карску — простор. Вода, льды, зверя много!» Врожденная тяга потомственного промысловика и великая любознательность влекли Тыко в дальние походы за десятки, за сотни верст от родного чума. Без карт и компаса. На подножном корму — питался тем, что добудет. Укрываясь собаками, спал в снежных ямах или в каменных расщелинах. Внимательно запоминал бухты и губы, смотрел, как лег

*Под сумеречным небом
Потухшая земля,
Где ягелевым хлебом
Засеяны поля.
Под ними — камень стужи,
Над ними — хмурый свод,
На них свободно кружит
Олений хоровод.
Ни грани, ни предела,
Лишь четкий окоём:
То белое на белом,
То зелень в голубом...*
Алексей Сухановский, 2005 г.

снег, как ветер растит сугробы, какой ветер срывает снег со скал, а какой одевает их в белые малицы, как движется и падает волна, как текут облака, каков их цвет над сушей и над морем, как на нем угадать приближение льдов, как они приходят и уходят, как движутся ледники... Все увиденное накрепко вошло в молодую память, впиталось в самую натуру, и потому любые изменения в природе он чувствовал интуитивно. А испытания сформировали в нем терпеливый и упорный характер человека, умеющего идти к цели и держать удар неудачи.

Открытый космос тундры был для него родной стихией. Глядя с высоты птичьих базаров вокруг, видел он необъятное блещущее море, тяжелые волны которого тяжело бьют в черные скалы, видел, как бирюзовые льдины, плача на солнце, плывут по изумрудной воде, видел синеву, распахнутую над головой, а вдали — сияющие снеговые вершины гор, таких далеких и могучих...

Сам он был в ту пору молодым охотником, добытчиком в семье, умеющим без усталости сутки напролет бегать по насту рядом с нартами, часами выслеживать зверя на морозе. У него был широкий пояс-тасма, украшенный кожаными накладками из ровдуги и латунными бляхами, вырезанными из старого самовара и патронных гильз, были и нож с костяной ручкой, мешочек для кремня и рожок для табака, и клыки ошкур — знак личной доблести и отваги (за свою жизнь Тыко добыл больше ста белых медведей!). «Плохой охотник стреляет в сердце. Чуть промазал — плохо, ошкур рвет собак, убивает человека. Он быстрый. Я стреляю в ухо, стреляю в шею. Наповал!»

Золотой нуди' ненэивана нид тэмтангу — Золотые руки на серебро не купишь...

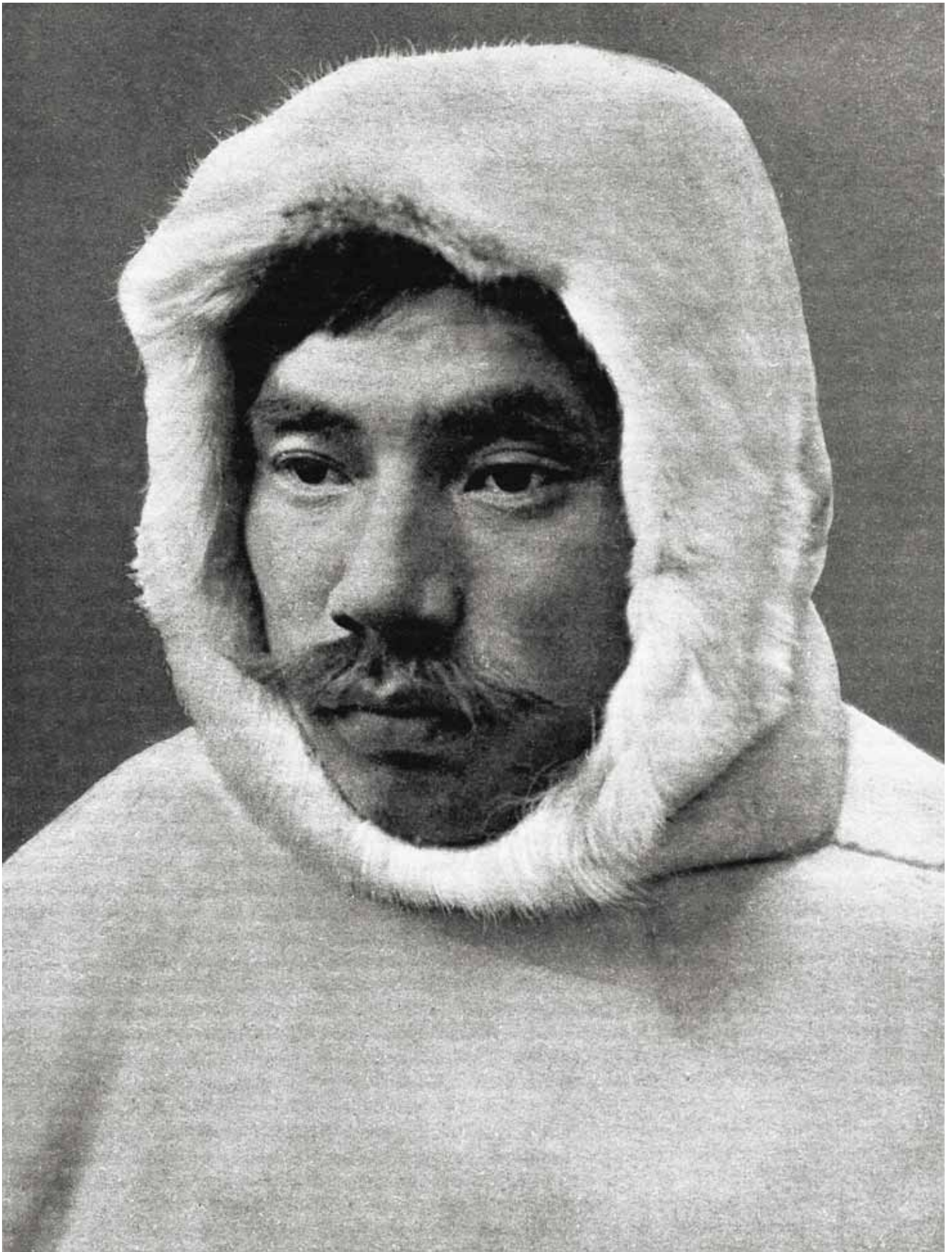
О быте новоземельской тундры Илья Константинович рассказывал так: «В детстве и юности я жил в чуме (приходилось и в снежной яме), где грязь, дым, никаких удобств. Одежда и обувь были из оленьих шкур, белья и постельных принадлежностей не знали. Рубашку из ткани я впервые надел в четырнадцать лет. Занимались мы охотой, били морского зверя, белого медведя, песца, ловили рыбу гольца. Меха и гольца ненцы сначала сдавали скупщикам за бесценок, часто — за водку и разные безделки. Но боеприпасы себе покупали в первую очередь. Затем меха и рыбу стали вывозить от нас на пароходе. Приезжали за ними представители канцелярии губернатора. От канцелярии нас снабжали боеприпасами и продуктами. Но продуктов до следующего рейса не хватало. До марта мы были сыты, а там опять без хлеба сидели. Голодали часто, если зверя и рыбы не было. Бывало, дети помирали. Особенно плохо нам пришлось в годы с 1900-го по 1907-й. Ружья у меня не было, стрелял я гусей из лука. Самодельный лук был. Стрелял метко. Хорошо видел, очков не носил да и знал, что не подстрелю птицу — голодом насидимся...»

Самоедский быт — не самый благоустроенный, но зато самый разумный. Здесь каждый занят своим делом: мужчина не станет варить еду, а женщина не пойдет кормить собак. Ненецкая Вселенная понятна и устроена просто: в ней — Нижний, Средний и Верхний миры. Внизу — черти и мертвые, наверху — Нум Великий, а люди — посередине, меж добром и злом. Высшие существа недоступны, и только радуга являет простому смертному край прекраснейших одежд Нума, едущего небом в своих золотых нартах. У него много дел. С тех пор как последними на Земле он сотворил людей и животных, у Нума совсем нет времени проводить что тут да как. Пусть духи Среднего мира управляются — уж больно беспокойны получились люди: все страждут да просят, да плачут... Вот и рубят топором ненцы из лежалой бревнины духов-сядеев, груболицых хэхэ. Семь ударов: тюк-тюк — готово. Мажут кровью, ублажая, секут ремнем, наказывая... Эти стерпят! А вот с духами Нижнего мира шутики плохи — те так и стерегут человека, вечно мысля сделать ему гадость. Берегись! Не ровен час... Но: хибя пина, тики ладорпада! — Кто робеет, того бьют!

Проба кисти

С годами Тыко обнаружил в себе совсем не самоедскую тягу к бумаге и карандашу. Точно не установлено, кто именно и что именно подвигло ненецкого мальчика увлечься этим бесполезным в тундровых буднях делом. В его «Записках о Новой Земле» этот неясный в общем-то момент изложен так: «В августе 1904 года я сидел у берега Карского моря. Было тихо. По небу тучи, облака ходят. Был закат солнца. Горы на воде отражаются. Куски льда плывут по течению. Я подумал: если бы я умел рисовать, срисовал бы эти горы! Думаю: я их попро-

Илья Вылка.
Архангельск,
1911 г. Из фон-
дов АОКМ

Тыся БЫЛКО

И. К. Вылка.
Птичий базар.
1950-е годы.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

бую нарисовать. Пошел в чум, взял бумагу, карандаш. И начал рисовать. Ничего не вышло. Три дня работал. Кое-что написал. Все лето помаленьку рисую. Картины собираю...»

В этих записках, опубликованных в 1912 году в февральском номере журнала «Путь», слишком выпирают глаголы художественного аргумента... Опереться на эти дневниковые наброски трудно. Более уверенно можно сказать, что умение рисовать пришло к Илье не сразу и наставников по этой части у него было несколько. Первыми из них, очевидно, стали ссыльный профессор М. Ю. Гольдштейн, художник А. А. Борисов, возможно, и исследователь Арктики К. Д. Носилов, зимовавший на архипелаге в 1887, 1888 и 1891 годах.

От Борисова, пробудившего в Вылке деятельный интерес к рисованию, ему досталась не столько наука, сколько страсть, ограниченная пониманием формы, цвета и колорита. В 1911 году журналист П. Перцев напишет о Тыко Вылке: «Случайное соприкосновение с далекой, такой бесконечно далекой стихией искусства (по-видимому, знакомство с известным полярным художником Борисовым) зажгло в нем какой-то таинственный огонек, который, должно быть, и называется «призванием», и страна оленей получит, может быть, в нем, наконец, своего изобразителя после целой вечности художественного безмолвия».

Похожего мнения был и фотограф русановской экспедиции А. А. Быков, оставивший потомкам серию фотографий новоземельской жизни 1910-х годов: «Наш Илья Вылка при более близком знакомстве оказывается недюжинным самоедом. Он мне показывает сегодня свои работы. По-моему, это прямо талант. И если бы его научить, один бог знает, что бы из него вышло. Интересно, откуда он выучился рисовать? Ясно видно влияние Борисова, долго жившего в Маточкином Шаре, хотя Илья говорит, что Борисов его рисовать не учил и будто бы он рисует самоучкой».

Тыко был самородком. Это несомненно. Огранку же произвели те неординарные личности, которых юному тундровику подарила сама судьба..

Свою лепту в становление Вылки-художника внес и З. З. Виноградов, тоже фотограф экспедиции Русанова. «Я от него узнал, что такое перспектива, сюжет, колорит», — скажет потом Вылка. Таким путем шли многие самобытные художники-примитивисты...

Сам Илья Константинович уверял, что однажды попробовал копировать картинки из календаря, взяв в руки уголек и дощечку. Рисовал с него морское сражение с турками, Ломоносова, идущего в Москву, протопопа Аввакума, грозящего из пустозерского костра забвением первому русскому городу Заполярья... Возился долго — не получалось. Но в итоге первый опыт удался, и тогда — продолжил! Первый рисунок Тыко продал какому-то норвежскому шкиперу за серебряный рубль. Он не отрицал, что к рисованию его подтолкнуло и знакомство с приезжими русскими, которые снабжали парнишку бумагой и карандашами, увозя на память его рисунки. Среди экзотических сувениров Новоземелья эти «дикарские» рисунки, надо полагать, шли первым сортом — было чем удивить приличную публику! А семейству Вылки рублик не лишний... Вскоре рисунков у Ильи накопился целый альбом. Ниня манзарана, ни норат — Кто не работает, тот не ест...

Когда закончились карандаши и бумага, смекалисто использовал цветные глины, каких на островах избыточно, и разведенный в воде ружейный порох. Этюды такие, правда, были недолговечны: глина, высохнув, трескалась и осыпалась, а порох вспыхнул при просушке картины у огня!

Знаменательным в жизни Тыко Вылки стал 1905 год: он начал заниматься картографией. Занятие не для едва умеющего читать парня! Откуда это умение? И для чего ему нужна была съемка Новой Земли?

«В 1905 году приехала к нам на лето экспедиция. Я тогда свою работу им показал. Они взяли. Они мне подарили цветных карандашей. Я очень доволен. Мне подарили карту Новой Земли. Еще подарили компас, дали градусник, бумаги, чернил, перьев. Потом зимой я ходил на Карскую сторону. Я задумал чертить карту. Я начал по компасу чертить: на карте не так совсем. Тогда я подумал: эта карта неправильная. Я задумал поехать на север и узнать, какие есть на Карской стороне заливы, острова, ледники — до Пахтусова острова. У меня собак было шесть штук. И я пошел чертить карту. Привязал крепко на сани бумагу, поставил компас. Доехал до Незнаемого залива...»

Мерз, голодал, изматывался многочасовым бегом, лез в опасные ледники, измерял расстояния и высоты, ночевал в снегу и расщелинах... В 1906 году, дойдя до мыса Крашенинникова по пути на Пахтусов остров, Вылка закончил составлять карту. В первый год съемки он прошел в северном направлении 50 верст, во второй — 220 верст, а в третий, ориентируясь лишь по Полярной звезде, — 500! И снова вопросы — почему и для чего? Ведь не для того же, чтобы отработать глазомерную съемку, которая потом будет высо-

▲ Российский турист
у самоедов.
1911 г.

Промысловый участок. Становище
Малые Кармакулы, Новая Земля,
▼ 1911 г. Из фондов ГАОПДФ АО

▲ Становище Белушья Губа,
Новая Земля, 1914 г.
Из фондов ГАОПДФ АО

Ошкуй — хозяин аркти-
ческих льдов. Новая
▼ Земля, 1950-е годы

ко оценена Русановым? Казалось бы, промысловик от рождения, нацеленный жить на потребности семьи, не должен предаваться «пустым занятиям». Ан нет!

Может, причина в том, что отец Вылки, как и многие ненцы, был отличным проводником экспедиций по неведомым берегам и нехоженным просторам Новоземелья. Это давало солидный заработок. Илья это знал. Как знал и то, что, сидя дома, из камня копейку не вышибешь... Пришлые люди наймут зрячего человека, а слепой останется в чуме пустую кость посасывать...

Тили-тили-тесто!

Выросшего в женихи Тыко отец послал в 1907 году на Печору подыскать себе невесту, поскольку свободных девушек на Новой Земле не было. Женидьба Илье была — так-сяк. Но отцом сказано — поехал. Сел на рейсовый пароход в чем был — в рваной малице, дырявых пимах, брюках из нерпы — и отправился в Архангельск. Багажа не имел. Прихватил только папку с рисунками, на всякий случай. Он не знал, что эти его «художества» были, пожалуй, более ценны на Большой земле, чем все немудрые сокровища его семьи.

На борту Вылка заинтересовал кого-то из пассажиров первого класса своими творениями. Некий молодой господин отобрал несколько работ, справился о цели путешествия молодого самоеда и категорически заявил, что в таком виде «ехать жениться» нельзя: неумытый, нестриженный, нечесаный. Как можно-с? За рисунки дал двадцать пять рублей, тужурку, брюки и ботинки. А старое барахло посоветовал скормить рыбам. Ночью смрадная одежда узлом полетела за борт...

Невесту предстояло искать в печорской столице — селе Усть-Цильма. Но подходящей девушки Тыко не нашел. Сказать по совести — не очень-то и надрывался.

Мария Савватьевна, жена Вылки, рассказывала: «Жениться он не хотел. Но раз отец говорит — надо ехать. Ну, приехал на Печору, кой с кем познакомился, говорит: «Мне надо невесту». Знакомая старуха говорит: «Сведу тебя, знаю невесту». Привела к одной. Она, говорит, девушка хорошая, только у нее в середине червячок есть. Вылка испугался. «Мне, — говорит, — с червячком не надо!» Ему говорят, что червячок этот потом пройдет, не все время будет. А он не послушал и стал искать другую невесту. Нашли другую. Надо было ехать далеко за ней. Ехали долго. Доехали, а там уже в чумах живут. Зашли в чум и сели. И невеста вошла, села. Посидела и говорит: «Не пойду за тебя замуж, потому что ты ни одного слова со мной не сказал». И ушла. Он очень доволен был...»

Жен у Тыко Вылки в течение жизни было несколько. На Новой Земле по ненецкому обычаю женился на вдове погибшего брата, Прасковье. После ее смерти жил с молодой красивой неночкой Августой Ледковой, но, как гласила молва, не все у нее было с головой в порядке, да и «крепко любила моряков». Вылка ее выгнал — позорищем в глазах всего архипелага его глава быть не хотел. Женщина при переселении части ненцев с Новой Земли отправилась на Большую землю, в Нарьян-Мар, и на второй день плавания бросилась в море с кормы под винт парохода...

Последней женой Тыко Вылки была Мария Савватьевна, приехавшая в Белушью Губу в военные годы. Сначала она работала поваром у военных, а потом помогала Илье Константиновичу справляться с хозяйством. По возрасту была ему как дочь, а в «хозяине» своем души не чаяла. Так и сжились... Ладная пара была: нож в поножах.

А тогда, на Печоре, жениху Вылке дали от ворот поворот. Ну нет, так нет — и весь ответ. С тем и отправился в родное стойбище. А там его ждала та встреча, которая сыграла в его жизни очень важную роль.

«Тет Выл' нгарка хуна мэбнандэ?»

Ханец Вылка, будучи грамотным и деятельным человеком, преуспевал не только в охоте. Многочисленные экспедиции и колонизационные проекты Новоземелья сделали востребованными его знание архипелага, умение ходить на далекие расстояния и благополучно возвращаться обратно. Услуги проводника хорошо оплачивались, и Ханец-Охотник метко стрелял и в недармовой, честный рублик... «Сталкером» он был надежным, репутацией пользовался хорошей — и ему доверяли. В традициях этого, нового для архипелага, ремесла рос и Тыко. Именно освоение его родного края русскими людьми с Большой земли подарило ему то знакомство, которое выросло в сотрудничество и крепкую дружбу между наставником и учеником.

▲ Четвертый пленум Новоземельского островного Совета депутатов трудящихся (И. К. Вылка третий слева в первом ряду). Становище Белушья Губа, 1935 г. Из фондов АОКМ

Полярная станция Маточкин Шар, 1910 г.
▼ Из фондов АОКМ

«Мы живем у морской бухты. Никто к нам не приходит, никто и не уходит. Однажды с большого моря двухмачтовое судно с шумом идет, с громом идет. Звук мотора стучит-гремит. Двухмачтовое судно оставалось. С двухмачтового судна шлюпка поплыла, прямо к берегу подошла. Русский Русанов прибыл...», — вспоминал Илья Константинович Вылка в своей песне первую встречу с человеком, нанесшим его имя на географическую карту Новоземелья.

Этого человека он помнил до последних своих дней. Владимир Александрович Русанов. Геолог и гидролог, полярный исследователь с прекрасным образованием и обширными познаниями, энергичный, коммуникабельный, эрудированный, легкий на подъем, терпеливый в труде, человек разносторонних интересов и генератор смелых идей, Русанов придерживался прогрессивных взглядов на мир и людей. Такая личность магнетически притягивает к себе, умея благородно распорядиться даром влиять на окружающих...

В 1907 году Владимир Русанов, будучи еще студентом, на исследовательском судне «Жак Картье» французской экспедиции Кандиотти впервые прибыл на Новую Землю, намереваясь заняться геологическими изысканиями в окрестностях Маточкина Шара.

Тыко Вылка увидел его таким: «По наружности он выглядел бедным человеком. В то время он ездил с экспедицией Молчанова по Маточкину Шару на Карскую сторону. Вел их проводник Ефим Хатанзейский. Я в то время ездил в Печору. Второй раз Русанов приезжал на Новую Землю с французской экспедицией Бенара в 1908 году. Он снова ходил по Маточкину Шару в Карскую сторону и доходил до Незнаемой губы. Их водил мой отец, Ханец Вылка. Помощником у отца был Митрофан Хатанзейский. В то время я ездил на маленькой лодочке с Захаром Захаровичем Виноградовым по Маточкину Шару в Карскую сторону.

В течение лета фотограф Виноградов много рассказывал мне, как появились горы, море, облака, грозовые тучи, дождь. Когда мы возвращались обратно, ударил сильный ветер. Виноградов испугался и говорит: «Надо пристать к берегу». А я все вперед гребу. У Виноградова все карманы были полны водой. Мы благополучно прибыли домой. Через три дня приехала экспедиция Русанова. Захар Виноградов сказал: «На следующий год надо взять проводником Тыко Вылку».

И снова обращается он к песне-памяти, сочиненной в 1914 году: «Русанов так сказал: «Старший из четырех Вылок, где он находится?» Мой отец-старик, он так сказал: «Мой старший сын вот, рядом». Русский Русанов так говорит: «В этом году сына повезем вокруг Новой Земли». Мой отец так сказал, он так мне сказал: «Как ты хочешь, пойдешь или нет?» Я так сказал: «Пожалуй, поеду». Русанов русский в лодку меня посадил, хорошо посадил на двухмачтовое судно».

Это было трудное путешествие Маточкиным Шаром, полное испытаний и опасностей. Тыко Вылко проявил себя не только грамотным и предусмотрительным проводником, но и полноценным членом экспедиции. Русанов видел, что не ошибся в талантах и характере этого молодого человека: он сможет стать настоящим исследователем родной земли. Порой Русанов приходил в восторг от умений Ильи!

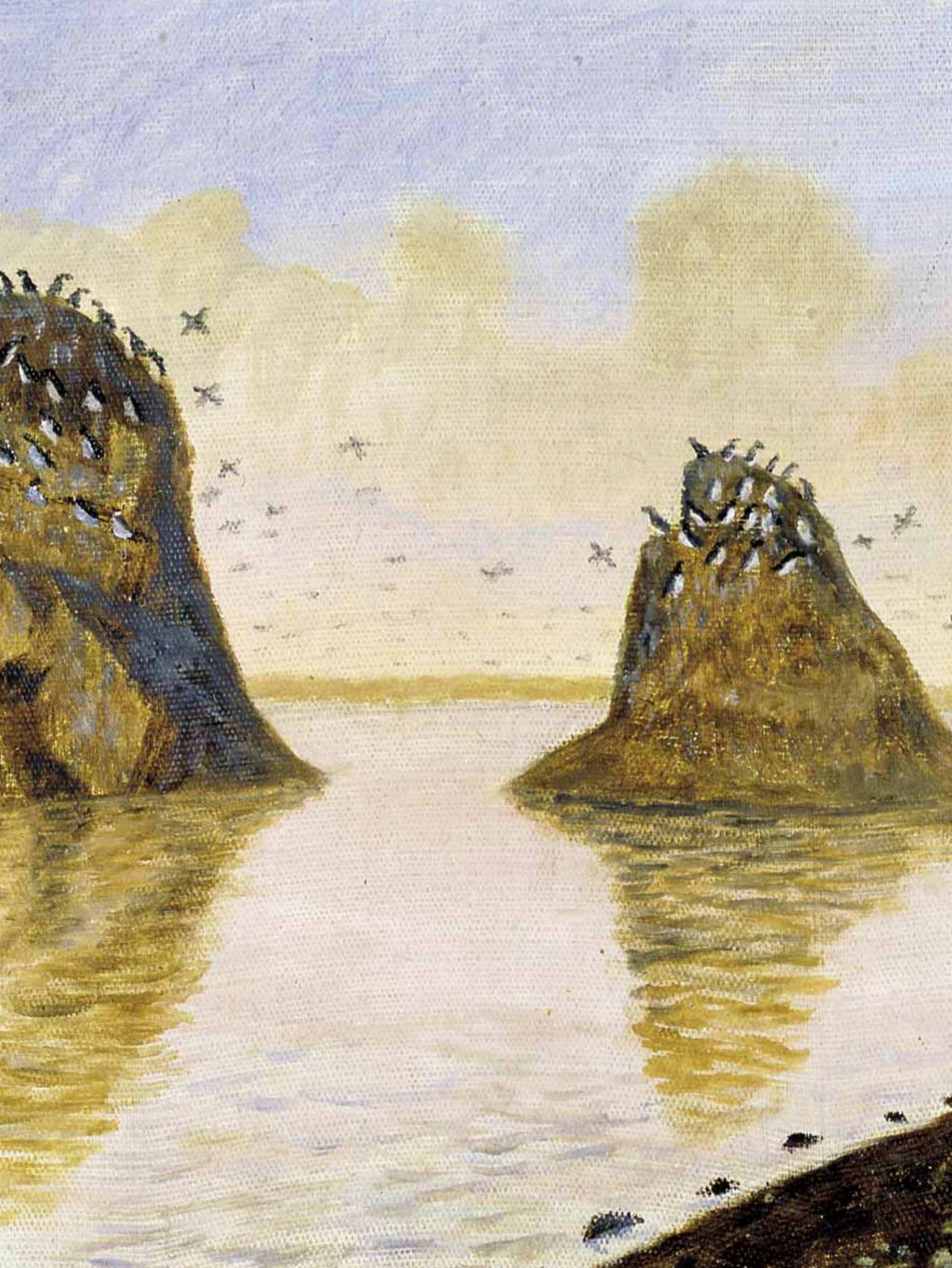
Новая Земля, открывая свои красоты и тайны, не забывала потереть их жесткой наждачкой... В одном из брошенных становищ, открыв дощатую дверь, увидели полусгнивший труп промышленника, павшего головой на неоконченный дневник. В нем только и разобрали: «Иван Яшков». Такое открытие — тоже постижение Новой Земли, прекрасной и яростной стихии...

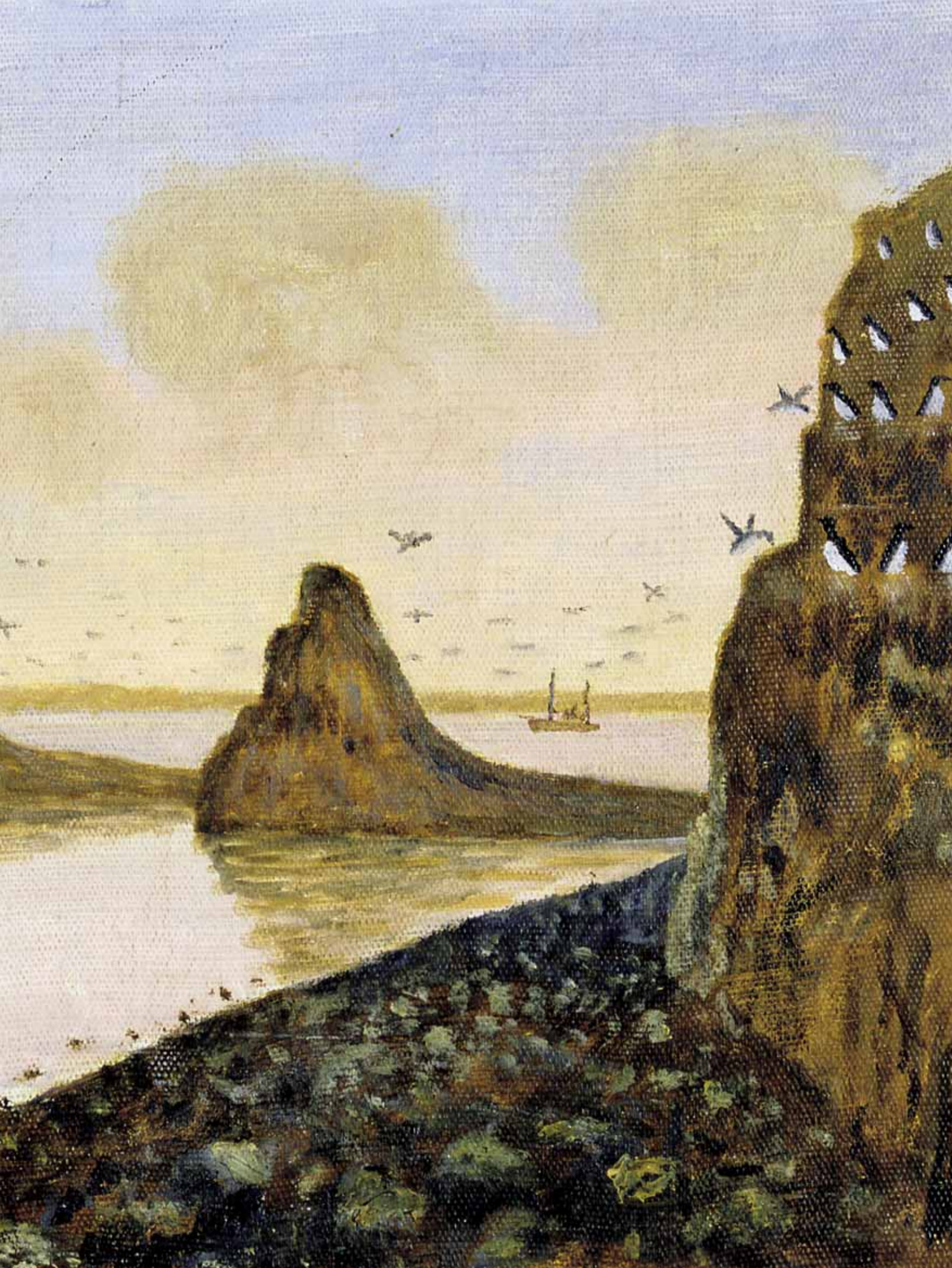
Русановская экспедиция отмеряла километры пешим шагом, с тяжелой поклажей карабкаясь по камням и ледникам, рискованно шла водой, наскоро законопатив старую шлюпку. Всюду — дикая краса архипелага, словно наскоро изваянная умелой рукой. Снега, льды. И кресты, кресты, кресты... Источенные колким снегом, словно иезуитским абразивом.

Усталость наваливается медведем. Стынь смертно пробирает глубже костей. Груз неподъемный, а конца пути нет. Порой сдохнуть проще, чем двигаться дальше... Но они идут, плывут, надеются — такова доля первопроходцев. «Через судно перекачиваются волны. Одна волна целиком закрыла судно. Собаки завывали. Меня тоже накрыла вода, но я успел схватиться за борт. Чуть-чуть меня не выбросило. Страшно!»

В этом походе, полном испытаний, главным открытием Владимира Русанова стал Тыко Вылка. Впрочем, открытие было взаимное. Об этом свидетельствуют слова из песни Вылки: «Длинное лето десять русских я веду вместе с Русановым среди плавучих льдов. Целое лето на двухмачтовом судне мотор стучит. С русским Русановым была дружба хорошая. Было у нас две головы, а сердце одно». А, спев, подытожил: «Это прямо ярабць (плач)».

Удивительно русское ощущение невозвратимого...

И. К. Вылка.

Птичий базар.

1950-е годы.

Из фондов ГМО

«Художествен-

ная культура

Русского Севе-

ра»

Гимназический экстернат

Тыко Вылке повезло на благородных и широких натурой людей, которым сам он честно помогал, коих бойкой своей натурой удивил, и забыт ими не был.

В новоземельских экспедициях Тыко Вылка был незаменим. Его всегдашняя готовность к работе, неутомимость, честность и умение учиться на ходу — с первого слова или из-под руки — восхищали Русанова и его спутников. Возможно, тогда Владимир Александрович и принял для себя ответственное решение участвовать в судьбе молодого талантливой ненеца. Это было не желание поразить столицы «экземпляром народности Крайнего Севера», а стремление открыть способному ненецу цивилизованное пространство для реализации его талантов.

Запись Русанова: «Вечер я пробыл у самоедов, пили чай, беседовали и окончательно решили, что Илья Вылка, сопровождавший нас в экспедиции, поедет со мной учиться в город...» Русанов взял Илью с собой в Москву, намереваясь за год вложить в него курс гимназических наук, а там — следующая плановая экспедиция на Новую Землю. Дальше, думалось Владимиру Александровичу, сам пойдет: архипелаг обживается, найдет и Тыко себе дорогу! Так, по большому счету, и вышло...

На пути в первопрестольную Русанов обратился к архангельскому губернатору Ивану Васильевичу Соновскому, настойчиво продвигавшему колонизацию Новоземелья, с просьбой выделить средства на образование молодого человека. Губернатор выделил шестьсот рублей. Этих средств было маловато, но и на том спасибо! Русанов не огорчился, зная, что свет не без добрых людей.

Появление Тыко Вылки в Москве художник Василий Васильевич Переплетчиков описывает так: «Как-то утром осенью 1910 года пришли ко мне два незнакомых человека: один — высокий блондин, свежий, энергичный, живой, другой — низенький, коренастый, с лицом монгольского типа. Это были начальник новоземельской экспедиции Русанов и самоед Тыко Вылка. Тыко — языческое имя Вылки, его христианское имя Илья. Он приехал в Москву учиться живописи. Он никогда не видел города, и вся его прежняя жизнь проходила среди северных ледяных пустынь Новой Земли. Пока мы разговариваем с Русановым, обсуждаем план жизни и обучения Тыко Вылки, он самым благовоспитанным образом пьет чай. Его манера держать себя совсем не показывает, что это дикарь. Одет он в пиджак, от него пахнут новыми сапогами, и только когда он ходит, то стучит по полу ногами, как лошадь на театральной сцене. Ему приходилось в своей жизни больше ходить по камням, по снегу, по ледникам, чем по полу.

Вечером этого дня я уехал на заседание, Вылка остался ночевать у меня в мастерской на диване. Заседание кончилось рано, я возвращался домой. Подъезжая к своему переулку, увидел на дворе, против того дома, где я жил, пожар. Пожар уже кончался, ярко догорал дровяной сарай. В моей мастерской на диване, свернувшись калачиком, лежал Тыко Вылка. Он не спал. Рядом с диваном лежали его вещи, связанные предусмотрительно в узелок на тот случай, если бы дом, где он был, загорелся. На улице играли сигнальные рожки пожарных, гремели проезжающие пожарные трубы, и вся мастерская была освещена зловещим красным заревом пожара.

— Ну, что? Страшно? — спрашиваю я Вылку.

— Страшно! У нас на Новой Земле этого не бывает!»

Русанов нашел в Москве бесплатную квартиру для Вылки, подыскал среди знакомых и добровольных репетиторов, согласившихся без оплаты давать уроки. Вылка стал заниматься в училище живописи, ваяния и зодчества. Теперь уже не нужно было рисовать на обратной стороне оберточной бумаги из-под чая...

Мелкое неудобство для жителя Заполярья — «плохой климат в Москве: очень жарко!» Настоящее открытие южного климата Илья Константинович сделает только в апреле-мае 1937 года, когда по путевке съездит на Кавказ в кисловодский санаторий Наркомзема. Но подлинным откровением для него, художника, станет природа южного края — яркая, броская, сочная! Пир звонких красок чистейших тонов! Вылка потом признается: «Я даже перестал доверять своему зрению».

Художник Василий Васильевич Переплетчиков выделил Илье Вылке в своей квартире комнату и учил его работать карандашом, акварелью и красками. Здесь Вылка рисовал с неподвижной натуры, учился брать верные тона, искал оттенки и нюансы, стремясь к точности и убедительности рисунка. Провожая Вылку в Архангельск, Переплетчиков советовал Русанову: «Очень желательно, чтобы во время экспедиций он

имел бы больше времени для рисования. Теперь, обладая достаточными знаниями, он может изображать местность, делать наброски фигур. С ним уже можно считаться как с некоторой художественной величиной. Умения у него хватит, чтобы дать иллюстрацию к путешествию...»

Художник Абрам Ефимович Архипов показал Илье, как нужно рисовать углем и масляными красками. Учил: «Главным в живописи остается мысль художника. У нее в повиновении и цвет и композиция!» Вылка не возражал — впитывал и пробовал.

Переплетчиков и Архипов учили его классической тональной живописи, показывая, как надо смешивать краски, как с помощью светотени передавать объем. Вылка, работавший в чистых локальных цветах, пробовал и — проваливался! Он никак не мог оторваться от того, что уже составляло его природное мироощущение, органично отражаясь в изобразительной манере. Его вода могла быть серой, горы — золотыми, а лед — синим... Едва он отступал от своего видения окружающего мира, как все летело кувырком. Картины были — не его! Чужие, нелепые, откровенно ученические. Попытки наставников «поправить» оригинальную манеру письма молодого художника приводили его к полному бессилию выразить замысел.

Стиль Вылки, к сожалению, посчитали творческим результатом метода проб и ошибок, который подлежал кардинальной коррекции в духе современной живописной школы того времени. Акцентирование на зрительном впечатлении, яркая сюжетность ставились во главу угла. Авторское представление о мире как о едином целом наставниками воспринято не было. Соученики Тыко не были столь терпеливы, как учителя. Сыпались насмешки, его работы называли «бредом самоеда».

Школьные науки шли не в пример лучше. Тыко Вылке преподавали сразу несколько учителей. Мария Васильевна Эртель занималась с Ильей русским языком и математикой («И. К. очень нравились сказки, короткие рассказы... Мы читали рассказы Толстого, произведения Пушкина, Лермонтова, Тургенева, мне доставляло истинное наслаждение читать ему...»), Варвара Сергеевна Воскресенская — географией, профессор Григорий Александрович Кожевников — ботаникой и зоологией, межевой инженер Э. В. Варсановский — основами геодезии, а старший товарищ по новоземельским путешествиям З. З. Виноградов, подарив фотографический аппарат, научил Илью азам светописи.

Ученик оказался благодарным и способным. За несколько месяцев в разной степени полноты он освоил простейшие правила арифметики, основы географии и русского языка, топографическую съемку и таксидермию. Варвара Воскресенская в период с ноября 1910 года по февраль 1911 года прочитала своему ученику курс физической географии на базе учебника А. Кронберга. Подопечный проявил прилежность, сообразительность и способности к быстрому запоминанию. В основе прогресса в освоении материала были знакомство с русским языком и навыки умственного труда. Системные занятия давали свои положительные результаты.

Инженер Варсановский, преподававший Вылке с февраля по начало апреля 1911 года, отметил его успехи в геометрии, в овладении приемами буссольной и угломерной съемки. Дать ученику более глубокие познания было трудно, поскольку Вылко очень слабо знал арифметику, а алгебра для него вообще была шумерской клинописью. Тем не менее, Варсановский дал Илье основные понятия о геометрических величинах: длине, площади, объеме, об углах и их измерении, треугольниках, их равенстве, о многоугольниках, окружности и круге... Что касается непосредственно геодезии, то здесь Тыко усваивал науку в рамках от понятий о плане до съемки астробией, от инструментов полевой съемки до устройства полевого бинокля... Что ухватил, с тем и остался: ел-не ел, а за столом посидел...

Ярмарка тщеславия

Когда 21 марта 1911 года в Московском музее кустарных ремесел открылась персональная выставка Тыко Вылки, споров вокруг нее было много.

В основе критики лежала разница в мировосприятии. Ничего иного не было. «Русское слово» отозвалось восторженно: «Родиться на Новой Земле, возле какого-то полумифического для нас Маточкина Шара и, явившись в Москву на вечную ее ярмарку художеств, пытаться передать странное очарование тех далеких родных мест — вот судьба, которую нельзя назвать обычной! Лавр искусства, оказывается, выдерживает стужу в 50 градусов и может дать ростки за чертой Полярного круга...» Критики отмечали, что самобытные картины ненецкого художника — это «струя новизны и свежая манера выражения среди декаданса, реф-

лексирующего в сытой скуке». Имя Вылки немедленно привязали к знаменам борьбы художественных течений. Тыко стал попреком, жупелом, эталоном... Калиф на час. Столичная богема беспардонна в своих притязаниях на вечность.

Новоземелец же оставался прост, искренен и непосредствен: «По небу тучи ходят, облака ходят. Горы в воде отражаются. Куски льда плывут по течению...» Он так и не понял: чего от него хотят? Столичным «мэтрам» Вылко был подчас смешон в своей простодушности. Листая свежий, только-только из типографии академический альбом зоолога Альфреда Брема с видами полярных животных (медведей, тюленей, оленей), он, указывая пальцем, говорил: «Этого я ел и этого тоже ел...» Классический примитивизм Вылки год спустя Москва вспомнит, очаровавшись полотнами Нико Пиросманишвили, открытого миру художником Михаилом Ле Дантю...

Художник и сказочник Степан Григорьевич Писахов от обучения Ильи отказывался: такого учить — только портить. Описывал московскую эпопею Вылки без ахов и охов, со скепсисом наблюдая экзальтированную возню жадной до экзотики мелкотравчатой столичной публики:

«Познакомился с ним в 1905 году на Новой Земле. Показал мне Тыко свои работы. Картины Вылки меня поразили глубоким пониманием полярного пейзажа. Картины были исполнены карандашом и акварелью. Исполнение было неровное. Рядом с утонченнейшими акварелями, напоминающими работы лучших мастеров, были резко набросанные черные горы, скалы. В них надо было вглядеться, смотреть надо было иначе, чем на обычные, привычные глазу пейзажи.

Особенно радовали и запомнились «Жонка ловит рыбу» и «Ночь летом». «Жонка ловит рыбу» — непосредственная передача виденного, прочувствованного. Мягкие линии невысоких гор обступили залив. Лодка. Ряд поплавков. Рыбачка наклонилась над сетью. «Ночь летом» — маленький островок, тихая вода, над островком — два легких розовых облачка.

Уже тогда это был большой мастер. Работы Вылки поражали неровностью: то по-детски неумелые, то сильные, полнзвучные, как работы культурнейшего европейца, в тонком рисунке, легких и прозрачных тонах. Но все это было. Большим мастером был Вылка до поездки в Москву.

Оставил я Вылке краски. А на просьбу «научить», как мог, убеждал не учиться. Вылка стремился на Большую землю, в Москву. Хотелось отговорить, посоветовать окрепнуть в своих работах, в своих достижениях и тогда ехать.

К сожалению, в Москве Илья Константинович пережил много горьких минут. Слишком самобытен он и верным природным чутьем сам находил свою дорогу. Говорил я Вылке, что мы, приезжие, не знаем Новой Земли так, как он знает, и без наших указаний он лучше сделает. Но захотелось нашим меценатам вывезти в Москву Вылку, показать как чудо...

Увезли на целую зиму. С Новой Земли, от скал, льдов, штормов, от зимы-ночи с северным сиянием, от лета-дня с солнечными ночами. Увезли в сутолоку так называемой «культурной жизни». Все поражало Тыко Вылку, впрочем, тут уж он стал Илья Константинович. Увидав впервые леса и кусты на берегу, Вылка приуныл: «Ой, какой земля лохматый!»

В Москве, став центром внимания, а чаще просто любопытства, Вылка сразу взял верный тон и любопытствующих рассматривал как показывающихся. Самое большое впечатление произвела на него опера: «Как скаска, лущсе сем сон видишь!» А вот кино тогда не понравилось. Узнав, что «жизненность» кино происходит от быстрой смены картин, заявил: «Обман один».

Много курьезов было. Не пощадили Вылку «культурные люди». Какая-то барышня или вдова хотела замуж за него выйти (временно). Посмотрел Илья Константинович на перетянутую в корсете фигуру и просто заявил: «Не хосю, ты ненастояся зенсцина. Тут — тонко, тут — сыроко».

А обучение? Тут очень неладное случилось. Заняться серьезно, внимательно отнестись к Вылке, иметь в виду его первые дни в болоте, виноват, в культурном мире, было некому или не было времени. Стали учить по общему рецепту. Для Вылки этот рецепт оказался убийственным. С одной стороны — выставка рисунков и «картин» и успех, и шум в печати, с другой — его же учат как совсем неумеющего. Неохотно показывал Вылка свои московские работы.

— Ну сто, тут больсе хозяин делал. Да и худо это.

Хозяином он звал учителя.

Из Москвы вернулся Илья Константинович просто великолепным: черный плащ с золотыми пряжками, на голове — котелок, и в пенсне (это, как многие, для «умного вида»)! Приехав на Новую Землю, он вышел

▲ Водопад имени фотографа
Поплавского. Новая Земля, 1914 г.
Из фондов ГАОПДФ АО

Атака белого медведя.
Новая Земля,
▼ 1950-е годы

И. К. Вылка.
Река Нехвата-
ва.
1950-е годы.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

на берег во всем описанном парадном виде и важно стал рассматривать через пенсне своих сородичей, пораженных неожиданным видом их Тыко. Долго ли продержалось бы это рассматривание «диких» приезжей «знаменитостью», не известно, но один матрос посмотрел, посмотрел на это, подошел ближе к Илье Константиновичу, огрел его по уху, да крепким словом махнул, добавив:

— Поздоровайся с родными!

Перевернулся кубарем наш франт. Слетел котелок, слетело пенсне, слетела и спесь, из Москвы привезенная. Все это на Новой Земле лишнее. Поднялся Вылка, подошел к родным, поздоровался просто, как и следовало. Жаль только, что вот некому было также по уху дать с художественной стороны. Вместо непосредственного творчества занялся Вылка писанием «картинок» ... Покупают, попросту берут, кто увидит из приезжих, — платят табаком, консервами. Хочется Вылке устроить выставку своих работ, хочется собрать их побольше, да как соберешь, как не отдашь?

Прошлым летом встретился с Вылкой в Белушней губе. Все тот же Тыко Вылка, так же топорчатся усы. Одет во френч, на карманах френча наклеены пряжки от черного плаща. Показал Вылка свои работы — лучшие уже были отобраны у него.

— Я все спрашивал про тебя — зыв, говорили. А последние годы уз громко слышно стало. Все здал, а ты и приехал!

В разговоре Вылка спросил, стоит ли ему продолжать рисовать. Вопрос большой, вызванный беспощадной самокритикой. В таких случаях всегда легко убедить не бросать работу. За рисунки дают табак, молоко... А еще лучше собрать побольше рисунков да послать в краеведческое общество. Быть может, устроят выставку или пошлют на выставку, или смогут продать.

Понадобился Вылка кинооператорам для съемок. Разом сообразил, что надо делать, и очень хорошо разыграл сборы на охоту: запряг собак, собрал все нужное, выехал на большой припай снега у берега и «помчался на охоту». Потом проделал все, как на охоте: высматривал зверя, стрелял и т. д. И наконец — «возвращение с охоты». Играл Вылка с увлечением, знал, что его увидят в Москве и за границей...

Разбил Илья Константинович очки, выписал новые. Может, и правда нужны ему очки, а может — для форсу. Глаза у самоедов хорошие. Самоед Ефим только в 92 года стал жаловаться:

— Глаза тупы стали, за зиму два раза промазал (промахнулся в зверя)...»

Веселый сказочник и печальный житель Писахов наперед видел драму талантливого самоеда: Москва бьет с носка, поиграется и бросит, а тому — жить... В годы архангельской жизни Вылки их с Писаховым часто видели гуляющими вместе по деревянным мостовым. Их дружба была скреплена житейской мудростью обоих...

Московские сны

В свободное время Вылка любил бывать в Третьяковской галерее, любоваться картинами великих художников и непременно — борисовскими полотнами, на которых с радостно колотящимся сердцем узнавал родные места и знакомых людей. «Хорошо было там душе моей!» Он ходил в оперу и слушал симфоническую музыку.

Спустя годы художник В. В. Переплетчиков напишет: «Вылка, несомненно, талантливый человек. Он не только талантливый художник. Он талантлив вообще. У него хороший музыкальный слух и память. Он знает массу сказок. Интересуется механикой. Умеет управлять бензиновым мотором на лодке и знает его механизм. Очень интересуется электричеством и раз, когда никого не было в комнате, развинтил горящую электрическую лампочку.

Он знает жизнь птиц и зверей на Новой Земле и знает это не из книг, а по собственным наблюдениям. Он интересуется ботаникой, в экспедициях познакомился с геологией и знает названия камней...

Вылка живет в Москве. Он быстро освоился с трамваями. Ездит на уроки и много работает. Московская жизнь его очень интересует.

— Сто такое? Селовек (человек) с мешком (мешком) ходит по улице, глядит на окна и крисит (кричит)? Сто такое? — спрашивает меня Вылка как-то утром.

▲ Самоедский чум
на Карской стороне.
Новая Земля, 1919 г.

Охота на гусей.
Новая Земля,
▼ 1954 г.

▲ Новоземельская собачья
упряжка. 1911 г.
Из фондов ГАОПДФ АО

Становище Малые Кармакулы,
Новая Земля, 1911 г.
▼ Из фондов ГАОПДФ АО

— Это татарин продает и покупает старое платье.
— Сегодня опять на улице купец крисал, — говорит мне на другой день Вылка, — и на другой улице тозе крисал.

— А сто такой сарай большой, порозний (порожний), длинный, каменный?

— Университет.

— А сто такое больсая-больсая труба стеклянная? В ней купцы торгуют...

Я догадываюсь, что это пассаж.

Рядом с впечатлениями от новой, загадочной, любопытной для него московской жизни живут у Вылки в душе впечатления от родины. Иногда он, видимо, скучает, тогда рисует избу своего отца, снеговые горы за избой, красный кирпич, сложенный у крыльца, отца и брата.

Мне слышно из соседней с моей мастерской комнаты, где работает Вылка, странные, тягучие, печальные звуки. Это Вылка за работой поет песни: песнь войны, песнь охоты, песнь смерти. Эти необычайные звуки переносят своеобразной тягучестью в далекие снеговые пустыни, в бесконечные полярные ночи. Эти звуки тоски прекрасны и музыкальны.

Во сне он часто видит своего отца, братьев и, должно быть, у него самого мелькает мысль о смерти: доживет ли он, Вылка, до возвращения на Новую Землю? И ему ночью снятся сны, которые он мне рассказывает потом по утрам.

— Видел во сне, что сам помер — испугался, жалко стало. Вижу, по лестнице народ на небо лезет: начальники лезут, дети лезут, бабы лезут. Долез и я доверху, а мне говорят: «Куда ты лезешь? Ты еще не помер, после полезешь». Я обрадовался, вниз полез, насили до земли добрался, народ шибко лезет — не пускает. Очень рад был, что не помер.

Откуда-то достал маленькую металлическую дудку и старается наигрывать на ней свои самоедские мотивы.

Он страстный любитель музыки и с величайшим удовольствием ходит в оперу и на концерты. Драматического театра он не признает. В Архангельске Вылка видел «Дядю Ваню»; пьеса ему не понравилась, единственное место в пьесе, на которое он обратил внимание, — это стрельба, она ему понравилась.

Проходит зима... Вылка совершенно освоился с московской жизнью. Учителя им довольны... Когда он приходит на урок географии, а учительницы еще нет, он ложится на ее постель и сладко засыпает, и она, возвращаясь, находит Вылку спящим сном ребенка на своей чистой, белой подушке.

Ему страстно хочется походить на европейца, он сшил себе модный пиджак, носит высокие крахмальные воротнички, пестрый галстук, завел себе плащ.

Художник Архипов подарил ему котелок, в руках у Вылки тросточка. В этом наряде он по воскресеньям важно гуляет по Сухаревской площади и рассматривает старинные вещи...

Он купил себе игрушечный пистолет и пробкой стреляет мух у себя в комнате, этим он удовлетворяет свой охотничий инстинкт. Мух он раньше называл птичками, ибо на самоедском языке слова «муха» нет, потому что нет мух на Новой Земле. И только тут, в Москве, он узнал, что есть насекомые, которые называются мухами.

Он был как-то на Воробьевых горах и застрелил там воробья. В одной из газет было сообщено, что он тут же съел его вместе с перьями. Когда я сообщил об этом Вылке, он очень негодовал на это неверное сообщение:

— Я его не ел! Я его домой принес и на дворе бросил!

Пришла весна. Пора ехать в Архангельск, а потом дальше, на Новую Землю. Курс ученья Вылки в этом году окончен. Ему не хочется уезжать из Москвы.

— Люди хорошие здесь, в Москве, — говорит он мне, — очень хорошие, добрые! Ты мне как отец был, заботился, и хозяйка, где я жил в комнате, заботилась, и учителя заботились, и учительницы заботились. К Москве теперь привык, все здесь знаю, как на Новой Земле. Театр люблю, музыку люблю, кинематограф люблю...

Он чуток и наблюдателен, и всегда сумеет тонко подметить свойства и характер того человека, с которым имеет дело, и часто, наблюдая его, это дитя природы, я видел, что он помалкивает, замечает и мотает кой-что себе на ус. В его определениях нашей жизни было всегда много юмора и наблюдательности. Как-то Вылка был в магазине «Мюр и Мерилиз».

— Понравился тебе магазин?

◀ С добычей!
Новая Земля.
1954 г.

— Птичий базар! — отвечает Вылка, притом его монгольской глазок иронически прищуривается. Птичьим базаром в полярных странах называют скалы, где гнездятся тысячи птиц, и шум от голосов этих птиц слышен за семь верст.

— У вас в одном трамвае больше народу, чем у нас в целом становище, — говорит Вылка, когда его спрашивают о густоте населения Новой Земли.

Этот «дикарь» обладает большим запасом душевной деликатности. Как-то на одном домашнем концерте Вылка, важно сидя в первом ряду, внимательно слушал музыку и пение. Известный актер начал читать рассказы Чехова. Вдруг Вылка встал и вышел в соседнюю комнату.

— Ты что это? Почему ушел и не слушаешь? — спрашиваю я его.

— Да толстый мужик очень смешно читает, я стал смеяться, а потом вздумал, как бы толстый мужик не обиделся, я и ушел.

Какая судьба ждет этого талантливого человека? Возможно ли совместить такие две крайности, как европейский склад жизни со всеми ее знаниями, удовольствиями, ядом волнений и впечатлений с жизнью в далеких полярных пустынях, где ночь тянется три месяца при свете северных сияний, где иногда дует «сток» при пятидесятиградусном морозе и камни летят по воздуху от ветра, где тюлени выходят на берег послушать, если кто поет песню на берегу (так любят они музыку), и по ночам переключаются во тьме человеческими голосами; человеческими же голосами кричат и плачут, когда их убивают самоеды-охотники; где природа цельная, гармоничная и нетронутая, как в первые дни мироздания; где маленькая горсть людей отрезана от всего мира в течение девяти месяцев; где почти нет инфекционных болезней; где люди благодаря чистому полярному воздуху живут долго-долго на белом свете.

Архангельский губернатор Иван Васильевич Сосновский принял живое и горячее участие в судьбе Вылки; благодаря ему Вылка мог учиться в Москве целую зиму 1910–1911 годов, не зная материальных забот.

Зиму 1911–1912 годов Илья Вылка провел на Новой Земле, он был должен использовать те знания, которые получил в Москве. Он должен был заниматься живописью, собрать зоологические и ботанические коллекции, а потом опять вернуться в Москву и снова продолжать свое образование. Но его жизнь сложилась иначе...»

Весной 1910 года Вылка приехал в Архангельск, где ранее обучался на моториста, и поступил на курсы штурманов, готовясь принять участие в комплексной экспедиции Русанова вокруг Северного острова Новоземелья.

«Человек каменного века»

Третий поход Русанова на шхуне «Дмитрий Солунский» к берегам Новой Земли (экспедиция 1910 года) стал этапным для исследователя, принес ему всероссийскую и мировую известность, а Тыко Вылка был награжден за свой вклад в изучение малой родины нагрудной золотой медалью на Анненской ленте.

В том году в Архангельске проходит его первая выставка рисунков, а вторая — весной 1911 года в Москве. О нем пишут губернские и московские газеты, а наставники Вылки видят его профессиональным художником или полярным исследователем. Те и другие — в фаворе процветающей и развивающейся России!

Успех молодого рисовальщика неслучаен. В то время по всей Европе происходит переосмысление художественного опыта живописцев с обращением к народному опыту, к национальной эстетике изначального народного творчества — от корней нации. Классика, взлелеянная на традициях древних средиземноморских культур, вдруг начинает бежать в одной упряжке с примитивной «мазней» доморожденных талантов. Выставки многих талантливых художников-самоучек стали популярны в столицах, произвели фурор в Европе. Легкий налет эпатажа только добавлял газетным репортерам куража и возбуждал интерес публики. Звание «живописец» демократизируется, в ряды «избранных» художников зачисляются и те, что «от сохи и от безделья». Где было знать ненецкому парню, что подняла его на пьедестал именно эта мощная, задорная волна интереса к творчеству «низов» и прочих «художников выходного дня», рисующих только из потребности самовыражения? Да и нужно ли ему было это знание? Зачем? Он — «талантливый художник-самоед». Ему платят деньги, кормят и учат. Такое и в самых сладких снах на родном Новоземелье не грезилося...

За год до этого, когда из дальнего похода вернулась русановская экспедиция 1909 года, отчет ее официального руководителя Ю. В. Крамера членами Общества изучения Русского Севера был встречен холод-

A. E. 98 12
IV

◀ А. А. Борисов.
Мой обзор при
переезде из
Пустозерска
до Югорского
Шара, 1898 г.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

но, а его сообщение об открытии на архипелаге самоеда-художника, «способного в будущем затмить самого Александра Борисова», вызвало иронию. Сейчас же симпатии были на стороне новоземельца. Фортуна осыпала его с пугающей щедростью. В 1910 году губернатор И. В. Сосновский, благоволивший самобытному таланту, вручил императору Николаю II альбом с рисунками Ильи Вылки. Там были не только акварели, но и фото-портрет Тыко в белой малице, вырезки публикаций из «Русского слова», подробный фоторепортаж о жизни молодого новоземельского художника. (Правитель территории знал, как надо продвигать колонизацию Новоземелья — не цифрой единой, лоск показать надо! Сегодня бы сказали — PR...)

Совпадало, как срасталось! Свидетельством этого успеха экспедиции Русанова и его помощника Вылки — докладная записка губернатора о награждении участников Новоземельского похода к Новой Земле:

«Как я уже имел честь докладывать Вашему Высокопревосходительству, снаряженная мною летом минувшего года под начальством геолога Русанова 2-я Новоземельская экспедиция Главного Управления Землеустройства и Земледелия не только выполнила поставленную ей задачу — обследовать северо-западное побережье, но совершила, кроме того, исключительное по своей трудности и опасности плавание вокруг всего Северного острова Новой Земли...

У самой северной оконечности Новой Земли, мыса Желания, судно экспедиции (парусно-моторная шхуна «Дмитрий Солунский») было застигнуто льдами, отрезавшими обратный путь на юго-запад, и с трудом пробралось вдоль берега в Карское море, оказавшееся также заполненным льдом... Двенадцать дней продолжалось такое плавание на протяжении 500 верст от мыса Желания до Маточкина Шара. Не раз при этом «Дмитрию Солунскому» угрожала опасность быть затертым или раздавленным льдами с роковой для экспедиции перспективой зимовки без достаточного запаса провианта на безлюдном, суровом, представляющем собою сплошной ледник северо-восточном берегу Новой Земли. Немалыми затруднениями и опасностями сопровождалось также прохождение по заполненному льдами Маточкину Шару.

Совершенное Новоземельскою экспедицией 1910 года плавание, несомненно, займет видное место в истории полярных путешествий. Важнейшими практическими результатами, достигнутыми названной экспедицией, явились обследование северо-западного побережья Новой Земли в колонизационно-промысловом отношении, составление весьма важных в научном отношении коллекций по геологии, палеонтологии, ботанике, энтомологии, зоологии и пр.

При личном моем представлении Государю Императору Его Императорскому Величеству благоугодно было подробно расспрашивать меня о деятельности названной правительственной экспедиции и выразить свое удовольствие по поводу достигнутых ею блестящих результатов. Столь милостивое внимание дает мне смелость ходатайствовать о представлении к награждению начальника этой экспедиции В. А. Русанова, препаратора Четыркина, капитана «Дмитрия Солунского» Пospelова, проводника самоеда Ильи Вылки, штурмана Ремизова и всей судовой команды...

Илья Вылка, по природе своей человек весьма неглупый, любознательный и благородный, обладает недюжинным художественным талантом. Поднесенные мною Государю Императору картины этого художника-самоучки удостоены милостивого внимания и одобрения Его Величества, осчастливившего Илью Вылку пожалованием охотничьей винтовки.

Весьма интересными и ценными также оказываются карты различных неисследованных частей Новой Земли, вычерченные Вылкою...»

Ответ из Петербурга в Архангельск пришел следующий: «Государь Император, по представлению и согласно заключению Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах, Всемилостивейше соизволил пожаловать к 6 сего мая самоеду колонисту Маточкина Шара Илье Вылке золотую нагрудную медаль с надписью «За усердие» на Анненской ленте».

Что касается упомянутой выше охотничьей винтовки, подаренной царем, то это был пятизарядный штуцер системы Винчестер, к которому была приложена тысяча патронов. Поистине царский подарок! И такой нужный в новоземельском житье...

Русанов, замышляя новые полярные проекты, судя по всему, отводил в них место и Вылке, видя в нем надежного помощника и натуру, рожденную для арктических исследований. Когда в 1910 году в Маточкином Шаре состоялась случайная встреча экспедиций В. А. Русанова и Г. Я. Седова, Георгий Яковлевич, уже тог-

да собиравшийся на Северный полюс, заметил у коллеги шустрого проводника и вознамерился взять его с собой в поход к макушке планеты. Русанов не соблаговолил... Седов не настаивал — понял...

Вылка излагает этот «торг» двух начальников-полярников так: «Георгия Яковлевича я видел у Русанова. Пили чай и беседовали. Седов предлагал мне ехать с ним в экспедицию. Владимир Александрович мою ногу задел ногой. Разом понял я, что он не желает отпускать меня. Когда вышли из палатки Седова, Русанов сказал: тебе не следует с ним ехать, у него военная дисциплина строгая. Нам вместе надо работать...»

Неистовый Георгий Седов (револьвером тряс в последнем своем дрейфе, укрощая команду!) еще оставит искру памяти на архипелаге. В 1913 году художник Василий Переплетчиков на последней странице «Книги посещения Ольгинского поселка в Крестовой губе на острове Новая Земля» нашел примечательную запись: «1912 г., авг. 27 дня, по пути к Северному полюсу завернули к гостеприимным ольгинцам на необходимый отдых. Отраднo видеть было, что Ольгинский поселок с 1910 года заметно разросся. Одно только жаль, что метеорологическая станция потерпела аварию от шторма и прекратила свое действие. Проверил время колонистов, и оказалось, что они, пользуясь солнечными часами, мною установленными в 1910 году, жили лишь на 20 минут сзади. Желаю от души дальнейшего счастливого пребывания лихим колонизаторам Крайнего Севера. Старший лейтенант Седов». Последняя запись, сделанная Георгием Седовым на твердой земле...

Так Вылка остался с Русановым. Владимир Александрович умел разбираться в людях. Не ошибся и в Илье.

«Ежегодно продвигался он на собаках все дальше и дальше к Северу, терпел лишения, голодал. Во время страшных зимних бурь целыми днями ему приходилось лежать под скалою, крепко прижавшись к камню, не смея встать, не смея повернуться, чтобы буря не оторвала его от земли и не унесла в море. В такие страшные дни гибли одна за другой его собаки. А самоед без собак в ледяной пустыне — то же, что араб без верблюда в Сахаре. Бесконечное число раз рисковал Вылка своей жизнью для того, чтобы узнать, какие заливы, горы и ледники открыты в таинственной, манящей дали Крайнего Севера. Привязав к саням компас, согревая за пазухой заочеченные руки, Вылка чертил карты во время самых сильных новоземельских морозов, при которых трескаются большие камни, а ртуть становится твердой, как сталь», — писал Русанов о своем помощнике.

И Тыко Вылка в своем наставнике души не чаял:

«Русанов был смелый, сильный и веселый человек. С ним мы не боялись никаких трудностей. Тяжелые карские льды нас не держали. Он верил, что я знаю свою Новую Землю, знаю пути по побережью и через ледники. А трудности бывали часто...

Однажды нам преградили путь айсберги. Перед нами стояли две ледяные горы выше нашего судна. Между айсбергами был узкий проход. Через него была видна дальше чистая вода. Владимир Александрович сказал капитану: «Толкнем льдины, может быть, двинутся в стороны, проход станет шире». Шхуна ударилась носом в льдину, корпусом толкнула другую. Все упали на палубу. Я тоже упал. Судно наше почти проскочило проход. Вдруг обе льдины покачнулись. Корма высоко поднялась, судно с силой подалось вперед и выскочило на чистую воду. Очень страшно было. Было видно, как два айсберга позади стали бороться с карскими льдами. Две ледяные горы опрокинулись в море, а их корни, основания, поднялись вверх. Море вокруг кипело. Мы смеялись: «Теперь деритесь, а мы ушли!»

Русанов стал проводником Вылки в огромном русском мире. А Тыко не только вел своего старшего друга новоземельскими просторами, но и учил его жить и выживать здесь. Когда-то Русанову и в голову не могло прийти, что он будет делать «ужасные» вещи: присаливая, есть сырое мясо и пить теплую кровь животных, смаковать «олений шоколад» — печень, считать за деликатес вымя с молоком важенки, выбивать нежный мозг из оленьих костей, ценить за лакомство губы и языки северных оленей... Дорогой мой читатель, если ты знаешь настоящий вкус этих замечательных блюд нехитрой полярной кулинарии, то брезгливо морщиться не станешь. Действительно вкусно! А кроме того, еда эта — энергия здоровой жизни, где в бессолнечном краю ходит-бродит смерть-цинга, ища голодных и ленивых...

В беспримерных экспедициях 1910—1911 годов вокруг Новоземелья, комплексно исследовавших перспективы колонизации архипелага, Тыко Вылка показал себя не только грамотным, знающим проводником, но и человеком, абсолютно приспособленным к жизни в суровом краю.

Легендарное плавание бесхитростно описано рукой Тыко Вылки в неоконченных мемуарах 1945 года:

«Русанов прибыл на большой парусно-моторной шхуне «Дмитрий Солунский». На этот раз он сам был начальником экспедиции. На борту находились все члены экспедиции. Из бухты Поморской мы пошли

на север к мысу Желания, чтобы обогнуть Новую Землю с севера. Заходили во многие губы и заливы. «Дмитрий Солунский» оставил нас у полуострова Адмиралтейства на большой шлюпке, а сам ушел в Архангельскую губу.

Шлюпка наша была моторная, но при спуске на воду был сломан гребной вал, и нам пришлось на веслах грести до Адмиралтейской губы. Испытав много трудностей, мы потом еле добрались до «Дмитрия Солунского». Несколько дней мы отдыхали в Архангельской губе, затем пошли дальше, к мысу Желания.

Когда вышли, погода была благоприятная. Шли под парусами. Немного прошли по Русской гавани, и вдруг разбушевался сильный ветер, переходящий в ураган. Вода поднималась столбами, будто смерч. Владимир Русанов говорит: «Какое полярное море сердитое! Недаром в старину так много людей гибло среди айсбергов». В самом деле, впереди нас плавали айсберги, оторванные от береговых ледников, и угрожали нашему кораблю гибелью.

Умело маневрируя, мы проходили между ними. Когда мы подошли к Оранским островам, ветер стих. На обеих мачтах «Солунского» подняли флаги. В. Русанов, восторгаясь успехом, сказал экипажу: «Сегодня мы находимся у самой крайней точки севера Новой Земли. Тут русской экспедиции до нас не было!»

«Дмитрий Солунский», ведомый Русановым, берет курс дальше. Ночью море закрылось, туман, тихо, утром матросы разбудили меня, говорят: «Вылка, почему половина неба белая, а где мы находимся — темная?» Я ответил: «Белое небо — это отражение сплошного льда, а темное небо — это чистая вода». Вскоре мы вошли в сплошной лед. Пробриться было нельзя. Пришлось вернуться к мысу Желания и простоять на якоре весь день. Быстро изменилась погода, подул ветер с запада, принесло много льда.

Принимаем решение: выходить с восточной стороны Новой Земли. Добираемся до ледяной грани, и опять дальше нет ходу: Карское море забито льдом.

Пришлось в ледяной гавани отстаиваться на якорях. Пока стояли, мы с Русановым съехали на берег поискать полезных ископаемых.

Вдруг видим — три оленя. Русанов говорит: «Давай убьем оленя, накормим команду свежим мясом». Я убил одного оленя. Русанов взял на плечи всю тушу и потащил на «Солунский», я нес только голову и шкуру. На другой день ветер изменил направление, подул с востока. Льды начали надвигаться на берег. Мы быстро снялись с якоря и опять пошли к мысу Желания.

Стали на якорь. Потом бросили второй якорь, потому что подул неожиданный ветер с запада. Двое суток бросало нас из стороны в сторону, два якоря еле держали. На нас надвигалась масса льдов. На четвертый день подул слабый ветерок с севера, и нам пришлось выйти на Карскую сторону.

Другого выхода не было. Продвигались между тяжелыми карскими льдами. Владимир Русанов круглые сутки не спал, все стоял на носу судна, а капитан Поспелов находился на мачте и высматривал разводья среди льдов.

«Дмитрий Солунский» еле двигался. Судно было большое, а сила мотора была всего 50 лошадиных сил. Между ледяных полей, в разводьях, по ночам замерзал тонкий ледок, на носу «Солунского» как стекло звенело.

Команда «Солунского» очень боялась зазимовать, боялась, что тогда нас унесет на Северный полюс. Многие плакали. Русанов говорил: «Не надо бояться, на нашем судне есть машина, хоть слабая, но все-таки мы идем вперед. Вы вспомните, какие вчера громадные айсберги мы победили. Может, у кого имеется гармошка, играйте, песни пойте, все забудете свой страх». Мы подошли к островам Пахтусова. Между островами береговой лед еще стоял неподвижно. Тут нас прижало к береговой кромке льда, команда не вытерпела, взяла винтовки, выскочила на лед охотиться на медведей, их много ходит.

Русанов кричит им: «Убейте хорошего медведя на жаркое!» Матросы убили двух медведей, притащили на судно, с отливом лед отошел от кромки, образовалась узкая полоса воды, мы пошли по этой канаве. Добрались до мыса Пять Пальцев, «Солунский» зашел в бухточку, стали на якорь. Я сказал: «Печально здесь зазимовать, никто не напишет, а если и вспомнят, то не узнаешь». Русанов говорит: «Мы дальше пойдем. Когда я отбывал ссылку в Усть-Сысольске, то много читал о полярных мореплавателях, меня тянуло на север, как магнитную стрелку. И вот я который раз здесь и говорю тебе: Новая Земля будет хорошая земля!»

Глаза Тыко Вылки цепки и зорки. Руки его творили чудеса. Деловитость и сообразительность прирожденного промысловика изумляли русских полярников. Иногда казалось, что этот скромный парень в мали-

Константин
Вылка с сыном
Степаном. Ста-
новище Маточ-
кин Шар, Новая
Земля, 1908 г.
Из фондов
АОКМ

це может выжить даже на необитаемом острове. Да, собственно говоря, архипелаг и был безлюдной землей. Небольшой эпизод из путешествия «Дмитрия Солунского» тому подтверждением:

«Мы с Русановым спустились на берег. Вдруг он схватил меня и спрашивает: «Что там такое? Разве тут растет лес?» Я взглянул. Два огромных диких оленя пасутся! Рога у них, как лес... Я выстрелил в того и другого. Один упал, другому я попал в ногу, нога сломалась. Подбежал Русанов и говорит: «Ну и молодец! Ну и молодец! Теперь мы всех мясом накормим». Но ни у одного из нас не оказалось ножа, чтобы разделать оленей. Русанов побежал к лодке за ножом. Он ушел, а я подумал: «Раньше отец говорил: когда нет ножа, раздeldывай камнем».

Я нашел тонкий камень, сделал нож. Разрезал оленю живот и выпустил внутренности. Оленя я разделал. Пришел Русанов с матросами: «Зачем ты меня обманул? У тебя, оказывается, был нож!» Я показал ему два камня: «Вот мои ножи». Русанов сказал: «Ты, оказывается, человек каменного века...»

Владимир Александрович в своих записках характеризовал Вылку так: «Человек он смелый, отважный, решительный. Отличный охотник — бьет гуся пулей на лету. Он читает книгу природы так же, как мы с вами читаем книги или газеты. В экспедициях он незаменим как помощник и проводник. Это «живая карта Новой Земли».

Прощаясь с друзьями на трапе последнего парохода, покидающего архипелаг, Тыко не сдержал печали: — В эту зиму Вылка не пойдет слушать музыку в опере.

Порыв ветра сорвал с губ и унес слова утешения. Напрасные слова...

Будущее теперь было в руках его самого. И он это понимал.

Уютный мир Большой земли был там, за смытым хмарью горизонтом. А за спиной — контрастирующее с этой гармонией Новоземелье. Малая родина, которую надо обживать, обустрaивать, окультурировать... Словом, надо было жить.

Карта сердца

Русановские карты архипелага были для своего времени великолепны. Настоящее открытие! Будем снисходительны к схематичным работам А. Дженкинсона, к атласу «Teatrum orbis Terrarum» А. Ортелиуса (XVI в.), где архипелаг изображен примитивно: поперек себя шире. Но зато на них нанесены замечательные топонимы, озвученные иностранцам русскими поморами: Nova Zemlya и Vaigatz. И ведь уловили смысл, записав New Land, — занесли на картографические скрижали!

В отличие от всех, кто когда-либо занимался новоземельской картографией — от Уильяма Барроу, Виллема Баренца, Исаака Массы и Эрика Пальмквиста до Григория Поспелова, Петра Пахтусова с Августом Циволькой и Степаном Моисеевым, а также Августа Петерманна, Владимир Русанов на практике знал и представлял себе архипелаг как объект картографии. Исследователю в 1907–1911 годах довелось побывать во всех частях Новой Земли, дважды пересечь Северный остров, совершить плавания у Маточкиного Шара.

Первый опыт топографической съемки на архипелаге исследователь произвел в 1909 году, опубликовав по итогам работы две карты. Первая показывает участок побережья от Глазовой губы до губы Митюшихи, включая сушу поперек Северного острова между Крестовой губой и заливом Незнаемый (масштаб: 24 версты в дюйме). Вторая — план внутренней части Новой Земли между Крестовой губой и Незнаемым заливом (масштаб: 1:252000), составленный в связи с поисками поперечного хода через остров с востока на запад по системам сквозных долин. Здесь впервые показаны внутренние районы островной суши с детальной гидрографией и тщательно выведенным рельефом.

Верной оказалась и русановская методика. Он не производил в ходе своей экспедиции точной инструментальной съемки и потому не посчитал этичным вносить поправки в подробную карту Новоземелья, изданную Главным гидрографическим управлением в 1897 году. Наносил на карту только совершенно не обозначенные ледники, озера, реки и горы, очертания и географическое положение которых сумел определить методом маршрутной съемки.

Русановская экспедиция 1910 года обошла на судне вокруг Северного острова, и по ее итогам Владимиром Александровичем была составлена карта в масштабе 1:125000. Этот труд, обобщивший уже известное с новыми данными, открыл новую эпоху в изучении территории Новоземелья. На карте впервые были обо-

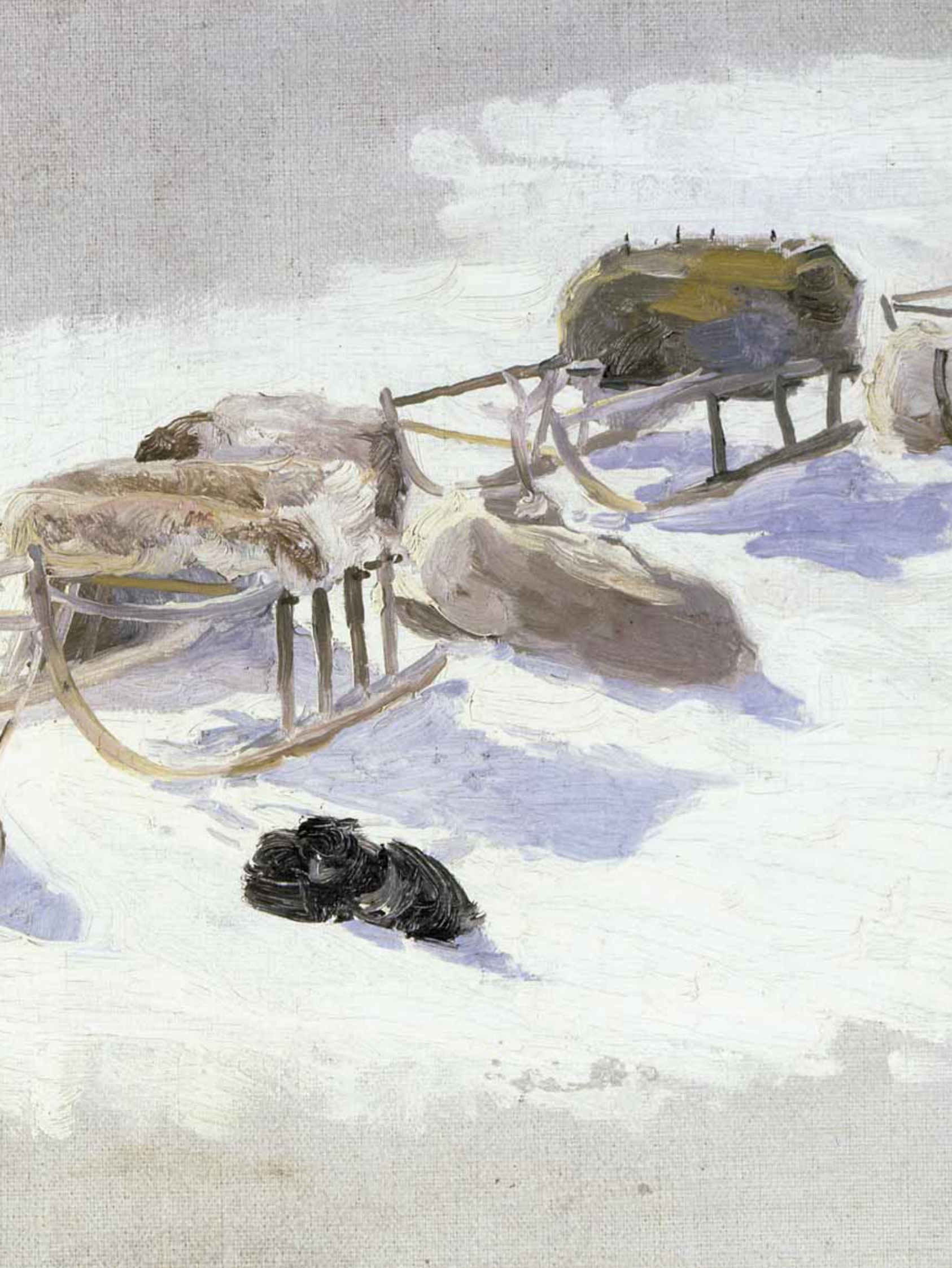

▲ Штаб новоземельской ВМБ
в Белушьей Губе.
Новая Земля, 1948 г.

Меткий выстрел.
Новая Земля,
▼ 1950-е годы.

А. А. Борисов.
Олени на при-
вале в Боль-
шеземельской
тундре, 1898 г.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

значены внутренние наиболее труднодоступные районы, в том числе и ледники, дотоле представляемые весьма расплывчато. Карская сторона стала обретать более ясные черты. На восточном побережье появились новые заливы и бухты.

В то же время Русановым была опубликована «Карта восточного побережья Новой Земли между 73 град. 30 мин. и 75 град. северной широты, составленная новоземельским самодом И. К. Вылкой в 1910 году».

Тыко Вылка фактически продолжил съемки П. К. Пахтусова в северном направлении, сняв более 150 км местности. Эта часть архипелага считалась наиболее сложной для выполнения топографических работ. Любопытно, что талантливый ученик Русанова «ликвидировал» пролив между верховьями заливов Медвежий и Цивольки, намеченный картографами 30-х годов XVIII века, положил на карту залив и ледник Ога, залив Альберта (ныне — залив Новый)...

Владимир Русанов работу Ильи охарактеризовал так: «Если соотношение частей и размеров площадей у Вылки в некоторых случаях требует исправления, то общая конфигурация берегов по большей части схвачена им довольно точно».

Сегодня, наложив чертеж, созданный Тыко Вылкой, на современную карту, можно увидеть, насколько легко опознаются объекты побережья, отсутствовавшие на картах до экспедиции 1910 года.

Комплексную экспедицию Русанова в 1911 году Илья Вылка повел к Новой Земле в третий раз. На парусно-моторной лодке «Полярная» 14 июля они отправились из Белушней губы вокруг Южного острова. Плавание выдалось нелегким, полным морских опасностей, усугубленных техническими поломками. Много раз экспедиция была на грани крушения, а самим полярникам грозила гибель. Русановский дневник, бережно хранящийся в Музее Арктики и Антарктики, — свидетельство драматических событий этого плавания:

«Нелегко было плыть у неизвестных и опасных берегов, у льдов и среди густого тумана. К тому же ветер несколько не ослабел, несмотря на туман, и когда мы вышли в открытое море, то нас начало сильно покачивать, волна была небольшая, но мелкая и очень неприятная.

На небольшом полуострове, оканчивающемся Черным мысом, образующим юго-западный конец Новой Земли, в безымянном, безвестном заливе я был привлечен тремя высокими, темными, наклоненными столбами. Оказалось, это были кресты. Страшные новоземельские бури уже давно сорвали их поперечные бруссы, обломали верхушки и, как голодные звери, со всех сторон изгрызли дерево. А жаль — на этом дереве были надписи, вырезанные большими и глубокими славянскими буквами. Но теперь уже не разобрать ни имен, ни чисел, ни лет. Бури и годы навсегда унесли с собою мрачную тайну этих надгробных крестов».

На выходе из Черной губы экспедиция Русанова столкнулась с тяжелыми льдами, заполнившими пространство вплоть до Петуховского Шара.

«Лед в среднем возвышался на один метр над водой и казался сильно изрытым и разрушенным волнами. Многие льдины были нагромождены друг на друга. Подводное основание каждой льдины занимало гораздо большую площадь, чем белая надводная поверхность. Двигаться среди такого льда было очень неудобно. Нужно было вести судно с большим вниманием, а то легко было не заметить длинный подводный ледяной выступ и посадить на него судно».

Одолев этот очень непростой участок пути, лодка вошла в залив Рейнеке. Он один из самых больших на Новоземелье. Вылка говорил, что он велик, как море.

«До нас никто не знал его истинной величины и очертания. Только вход этого залива был нанесен на карту, да и то неточно. Нанесение всего залива на карту значительно изменит конфигурацию южной оконечности острова и еще резче подчеркнет изрезанность береговой линии и простираение ее в северо-западном направлении».

Барахлящий мотор лодки внушал опасения и осложнял продвижение экспедиции вокруг южной оконечности Новой Земли.

«Дело скверно... Положим, официальная и обязательная часть программы выполнена. Снят и обследован не только Петуховский Шар, но и залив Рейнеке. Однако меня это мало утешает. Я хочу во что бы то ни стало выполнить собственную программу: обойти с юга Новую Землю, обследовать восточное побережье, куда еще не ступала нога ни одного натуралиста, и Карским морем пройти в Маточкин Шар».

Надеясь на лучшее, русановцы направились к Карскому морю.

«Обрывистые берега южной оконечности Новой Земли в области Никольского Шара местами достигают 80-100 м над уровнем моря, а местами спускаются очень низко и частью состоят из серых известняков, а частью окрашены в ярко-красный цвет. Погода прекрасная, легкая зыбь с востока. Солнце, хотя и не особенно теплое, но ласковое. Нигде никаких признаков льда. В полдень прошли большой остров — Кусовую Землю, низменную, холмистую, с желто-зеленоватой поверхностью и обрывистыми темными сланцевыми берегами».

«Полярная» пробирается у северных берегов Карских Ворот, обходит многочисленные острова и мелкие проливы, проходит узким проливом, называемым Железными Воротами, где над водой нависли крутые, высокие скалы, и вступает в Карское море. Впереди к востоку расстилалось сверкающее, ласковое, слегка волнующееся и совершенно свободное ото льдов море.

После того, как прошли Каменку с остатками зимовки Пахтусова и могилами его спутников, мотор лодки окончательно сдал. Поставленные паруса повисли тряпками — штиль. Ночной ветер наполнил их, грозя порвать полотнища, сшитые на живую нитку. В заливе Абросимова экспедиция утопила фансбот с вещами и потеряла из-за сильного северо-восточного ветра двенадцать дней в угнетающем бездействии под проливным дождем.

При стихшей погоде экспедиция ночью вошла в залив Литке. Тьма устрашала, но Илья Вылка вел «Полярную» вглубь залива. Русанов осторожничал и предлагал дожидаться рассвета, однако Тыко смог убедить Владимира Александровича в том, что впереди — приглубая бухта. Он нашел ее по шуму прибоя.

Продвигаясь к северу, экспедиция Русанова обследовала заливы Шуберта, Брандта и Клокова, описала их берега и горы, нивелировала морские террасы. Накануне сентября на Новой Земле уже — начало зимы. Валил густой мокрый снег, затруднявший описание и разведку окрестностей.

Вечером 8 сентября «Полярная» встала на якорь у южного берега Маточкина Шара, у развалин зимовья Розмыслова.

Исследователи одолели свыше полутора тысяч километров, проведя метеорологические и гидрографические измерения. Осмотрели множество бухт и заливов, непрестанно ведя картографическую фиксацию побережья. Это было большое и опасное путешествие, наполненное тревогами, трудами и открытиями. Береговая линия архипелага раз и навсегда четким контуром и новыми географическими объектами легла на карту, перечеркнув старые представления о Карской стороне.

Судя по публикации в журнале «Землеведение», это была не последняя Новоземельская экспедиция в планах Русанова. 8 января 1911 года на заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии Владимир Александрович выступил с докладом, в заключение которого познакомил собравшихся с проектом санной экспедиции от Крестовой губы до мыса Желания через весь Северный остров, рассчитанной на три месяца, «и указал на те препятствия и затруднения, какие могут при этом встретиться». Нет сомнений, что не последняя роль в этом исследовательском походе отводилась Илье Вылке...

Дело, начатое Русановым с помощью Вылки, было завершено летом 1952 года, когда Главное управление геодезии и картографии СССР выполнило сплошную аэрофотосъемку Новой Земли. В нее вошли и те внутренние районы, где никогда не ступала нога человека. Подробные карты-километровки архипелага появились несколькими годами позже... Покров с новоземельских тайн сошел, по историческим меркам, в одночасье.

**Этюд третий.
Месяц Большой
Тьмы
(базальт, фирн,
ветровая эрозия,
1920-е годы)**

Вечный зимовщик

Полет мечты был сбит одним слепым выстрелом в упор. Большая земля для Вылки стала отрезанной смертью двоюродного брата. Отдыхая после охоты, Андрей положил винтовку в опасной близости от костра. Казенник накалился. Патрон разорвался. Нелепая пуля убила человека наповал...

По ненецкой традиции Тыко должен был жениться на вдове брата, Прасковье, и взять к себе шестерых осиротевших детей. Он так и поступил, сделав выбор между «должен» и «хотелось бы» в пользу милосердия. Чего это ему стоило, не узнает уже никто...

Художник В. В. Переплетчиков так писал об этом сложном периоде жизни Тыко Вылки: «Осенью 1911 года я получил от него письмо следующего содержания: «Его Высокородие Василий Васильевич! Дорогой мой приятель! Ты учил меня, очень помню тебя. Жил с тобой, жил дружно. Желаю тебе быть здоровым, когда-нибудь еще приеду к вам в Москву. Я ездил по Карскому морю, по Ледовитому океану. Когда я пришел на Новую Землю, мне показалось скучно. Туман, холодно. Плывут снега в горах.

Отец, братья все живы. Один двоюродный брат застрелился — попал патрон на огонь и убил его. Жена, дети остались — были все девушки и мать».

Женился он на вдове потому, что решительно некому было кормить ее и шестерых девчонок. Теперь он был занят звериными промысла-

ми, но успевал заниматься живописью, что видно из присланных им в Москву работ. Он прислал осенью 1912 года Зоологическому музею Императорского Московского Университета коллекцию чучел убитых им на Новой Земле птиц, а также отправил в Москву собранный там гербарий.

«В одном из своих писем, — продолжает В. В. Переплетчиков, — он сообщает мне, что зимой делится своими знаниями с самоедами. «Теперь я очень много понял, так как образованный, — пишет он, — зимой много рассказываю о всем земном шаре, все рассказываю про Москву, как живут культурные люди».

В 1913 году Василий Переплетчиков побывал на Новой Земле у своего ученика. Безрадостной, но теплой была эта встреча — они оба все понимали без лишних слов.

«К пароходу подходит первый карбас. Тыко Вылка в плаще с медными застёжками, в чиновничьей фуражке, но без кокарды, с золотой медалью на красной ленте важно и внушительно стоит среди карбаса. Он похож не на ненца, а на таможенного чиновника. Остальные ненцы — в малицах. На палубу по трапу всходит Тыко Вылка.

— Здравствуй, дорогой, как здоровье?

— Плохо. Корью болел, потом воспалением легких, а потом сердце болело, недели две как поправился, а то все лежал.

— Работал зимой?

— Да, немного картины рисовал, не очень много.

— Не слышал ли о Седове чего, о Русанове?

— Нет, я ходил на Карскую сторону, до Пахтусова острова доходил, никого не встретил. В Маточкином Шаре тоже ничего не слышали.

Ненцев между тем набирается на палубе все больше и больше. Некоторые сидят в паровой рубке, их расспрашивает об обстоятельствах зимней жизни чиновник, ведающий делами колоний Новой Земли.

— Отчего песцов нет? — спрашивает он.

— Мыши много было. Мышью песцы питались, не шли в капкан на приманку.

— А медведи?

— Медведей тоже мало было, рыба сайка от наших берегов ушла, а медведь эту рыбу любит.

Туристы на шлюпке съезжают на берег. Приставать довольно трудно — берег крутой, кругом снег. Земля еще не оттаяла и не просохла и имела совершенно такой вид, как в средней России в начале марта. Около изб лежат ездовые собаки, на приезжих они не лают — только поглядывают искоса...

Вылка сходит по трапу вниз, отец его, Константин, сидит на веслах, а на носу карбаса стоя подплясывает вдребезги пьяная ненка, она того и гляди упадет в море.

— Эй, тетка, осторожней! Лучше сядь! — кричат ей с парохода, у всех замирает сердце.

Но «тетка» не обращает на крики никакого внимания, она танцует, жестикулирует и разговаривает сама с собой.

Вылка уныло стоит в карбасе. Глаза его полны слез.

И отъезжающим долго были видны удаляющийся карбас, гребущий Константин, грустно стоящий Вылка и неутомимо пляшущая на носу карбаса женщина...»

Вечная зимовка кажется хуже царской каторги. Цингой выгрызает душу, заплывав тлеющий фитилек надежды...

Из новоземельского небытия Вылка пишет в Москву дорогим ему людям. Словно бросает в безнадежное море бутылки с записками в никуда... Сохранилось три таких послания его в столицу, на Воздвиженку, в дом 4, квартиру 37, Марии Васильевне Эртель, обучавшей Тыко в московский период его жизни.

«Пришел на Новую Землю, так показалось очень скучно после Москвы. Было холодно: туман, льды, снег. Объехал Южный остров, были штормы, туманы, ветры. Все же прошли. Родные были очень рады...

*Свой дикий чум среди снегов и льда
Воздвигла Смерть. Над чумом — ночь полгода.*

*И бледная Полярная звезда
Горит недвижно в бездне небосвода.
Вглядись с туманный призрак. Это Смерть.*

*Она сидит близ чума, устремила
Незрячий взор в полуночную твердь —
И навсегда Звезда над ней застыла.*

Иван Бунин, 1904 г.

Я вас не забуду, буду помнить, часто помнить о вас. Счастливо поживать. Помните меня и пишите...»

Новоземельская жизнь небогата событиями, и все новости глухомани возвращаются во круг промысла, погоды и происшествий.

«В апреле, на Пасхе, женился на вдове Прасковье Ивановне, у нее шесть дочерей — все были мои племянницы. Я их кормить буду. Муж был мой двоюродный брат, нечаянно умер — застрелился.

Живу хорошо. Мороз достигает 45 градусов. В ноябре-декабре темно было, ходил за оленем на Карскую сторону. Когда дома был, занимался чтением, рассказами. Февраль-март — убил четырех медведей. После Москвы скучно, потом привык. Весной занимался ботаникой, топографией и препарировал. Буду присылать цветы и чучела. Сейчас живу в Архангельске. Скоро выезжаю на Новую Землю. В этом году приехать не могу. Если промысел пойдет побольше, то можно приехать. Все-таки помню Москву. Ваш ученик Илья Константинович Вылка. Колонист Маточкина Шара, теперь Белужьей Губы. 1912 год».

Последнее письмо Эртелям — письмо-обещание 1913 года — торопливое, горячее, полное чувства: «Я буду присылать вам цветов новоземельских. Вы получите осенью хорошее письмо от меня, большое. Как я на Новой Земле живу, что увижу — все напишу, всю новоземельскую жизнь...»

Жить Вылка внезапно перебрался из Белушки на Карскую сторону. Поссорился с начальниками. «Больно говорлив самоед стал после Москвы. Думает, царем обласкан, так все можно-с? Смутьян, каталажка по нему плачет...»

Сам Илья Константинович вспоминал: «В 1914 году стали строить в Белушьей Губе новую большую церковь, привезли все строительные материалы. Я сказал, что лучше построили бы несколько домиков для охотников — плохо живем, один бог будет хорошо жить, помощи от этого никакой не будет. Начальство очень разгорячилось на меня. Я испугался и удрал со всей семьей на Карскую сторону. Там прожил до 1918 года, других поселенцев там не было. Пурги новоземельской не боялись. Поставили чумок и живем. Потом из плавника построил избу...»

Целые годы в жизни Вылки по меркам Большой земли — небытие. Они словно жаканами выбиты из биографии — дыры, через которые увидишь только обычную для Новоземелья борьбу за существование, за еду, за добычу, дающую хоть какой-то товар для обмена на крайне необходимое...

Ольга Андреевна Ледкова, приемная дочь Тыко Вылки, при встрече с журналистом Виктором Толкачевым рассказала о том времени: «Отец на берегу повышенку нашел, говорит, буду дом делать из плавника. Но сначала в чуме жили. Тесно. Помню, у нас лукошко с посудой было. Отец как-то его задел — и нет посуды. Мама говорит ему: как станем чай пить да суп есть? А он отвечает: ничего, все будет. Собрал оленьих черепов, дырочки в них деревом заделал, вот и чашки. А ложки смастерил из лиственницы. Лето настало. Избушку из плавника построил. Печка железная сначала была, потом каменную поставил, как у русских. Но как с окошком быть? Он маме говорит: «Белое полотно есть у тебя?» Натянул — все-таки светит. И погреб под полом появился. Лед туда привез — всегда у нас мясо летом было».

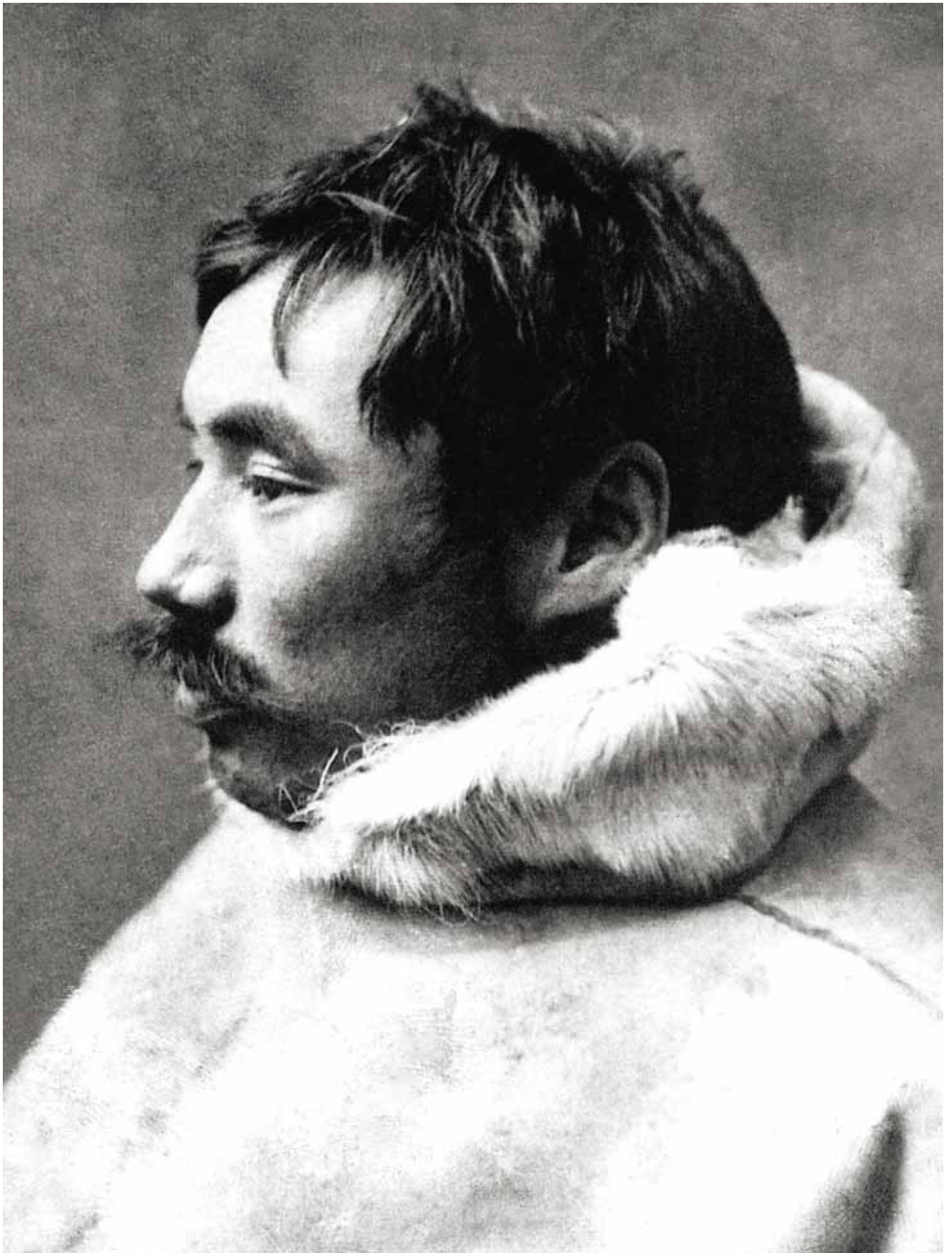
Тундровая юдоль оставалась все такой же упорной и бесконечной борьбой за выживание. Плохое, мучительное время пришлось пережить Вылке на промысле: на грани голодной смерти и гибели.

Он не был первым, кто, узнав мед творчества, был заткнут вниз головой в деготную бочку. Сколько сгинуло в неизвестности ненцев — замечательных полярных проводников новоземельских экспедиций! В никуда ушел талантливый резчик по кости Михаил Прокопьевич Вылка, чьи работы выставлялись в Париже. Всеми забытый, не оставив ни одной записанной строчки, умер любимейший тундровым народом ненецкий поэт Василий Пыерка. А сколько других, о которых мы уже, к стыду и сожалению своему, дорогой мой читатель, не узнаем никогда...

Молча, привычно цеплялся за жизнь Вылка, сброшенный щелчком судьбы на самое ее дно, дальше которого — только смерть.

«В снежной яме жил. Старую нерпичью шкуру ел. Сначала на огне нагревал, чтобы мягкой стала, потом ел. Голодали ненцы. Многие умерли. На Новой Земле был голод. Однажды подстрелил чайку. Она упала под гору. Я пустился доставать чайку. И пошел. У меня в руках была длинная палка, чтобы придерживала: снег был твердый, днем было тепло, ночью — мороз. Вдруг я упал. Так катился — никакого ума не было. Уж думаю — теперь не жив. У меня был длинный нож. В последний момент придумал нож вы-

Илья Вылка в Архангельске. 1911 г. Из фондов ГМО «Художественная культура Русского Севера»

И. К. Вылка.
На Карской
стороне, в рай-
оне зимовки
Розмыслова.
1950-е годы.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

нуть. И вынул. Изю всех сил в снег ударил. До черенка вошел в снег. Я остановился. Отдыхал тут. Потом я стал кругом смотреть: уж до ног волна хватает. Чуть в море не свалился! Ползком пополз вверх и пошел домой... Случалось, кушал ягель, как олень. Нужно было сосать его, а не глотать. Какой он вкусный и питательный! Этому меня научил отец...»

Великая война, революционный беспредел и неразбериха Гражданской войны на Большой земле аукнулись на архипелаге полным его забвением. Дело освоения северных островов, брошенное на полдороге, захирело.

Власти не было. Жаловаться некому и просить было не у кого. Каждый выживал, как мог. Выживал и двужильный Тыко Вылка. Надо было промыслять зверя, ловить рыбу, кормить жену и многочисленных детей. Так должна была пройти вся жизнь... Казалось, он смирился с этой участью — пройти по тропе предков. Чтобы явить настоящее мужество, совсем не надо ходить на войну... Надо было отправляться навстречу опасностям промысла, бродить по краю движущегося припая, по оскаленным льдам, прислушиваясь к присутствию зверя и внезапным переменам погоды, чтобы вернуться к семейному очагу, сгибаясь под тяжестью добычи. О смертельно опасных приключениях дома не рассказывал — что интересного в том?

«В январе однажды ходил по воде Ледовитым океаном. Убил одну нерпу. Ветер сильный был. Я вернулся домой. Мне не удалось до дому доехать. Думаю: на берег попаду. Подошел к берегу. Соскочил на берег. В тот момент волна поднялась. Я упал в воду. Лодку понесло по морю. Кое-как вышел на берег. Весь промок. Увидел товарищей. Я крикнул. Они меня не слышали. Я пошел к ним. Сказал: «Я лодку упустил». Я взял их лодку и пошел свою лодку искать. Ветер сильный. Не мог найти. Лодка течет. Я испугался. Думал: ветер сильный будет — на берег не попасть. Поехал на берег. Морская волна была большая. Хотел пристать к берегу. Подошел — берег высокий. В тот момент я не видел большую волну. Волна хлестнула мою лодочку. Перевернула. Я в воду упал. Лодка на меня упала. Я попал под лодку. Думаю: теперь живым не буду. У меня ружье было привязано к лодке. Другая волна хлестнула меня. Выкинула на берег с лодкой. Я стал на ноги. Весь мокрый. Лодку вытащил на гору и поехал домой...»

Чисто и прибрано было в его избе. Над нарами висели несколько этюдов масляными красками, винчестер. Бинобль на окне — привычка смотреть на залив: не плывет ли кто?

Молчат сломанные ходики, словно само Время растеряло на Новоземелье свои шестеренки...

В папке — плотная стопка акварелей и рисунков карандашом. Нет, не пал духом Вылка! Бьется, как об айсберг, в безнадежную стену. И верит — пробьемся, не пропадем! Но редких гостей провожает на пароход с нетающей грустью: «Опять остался один...»

Душа его не на Большой земле, а там, на живописных просторах архипелага, согретых памятью невозвратимой дружбы.

«Убил одного медведя по пути. Собак покормил. День был ясный. Мне одному скучно было. Морозы 50 или 45 градусов. Три дня ехал домой. У меня градусник лопнул от мороза...»

Годы похожи друг на друга — нет разницы, когда сделана запись, в 1905-м или в 1926-м. Мрак, пурга, колобродство стихий... Вечная зима в сердце Вылки.

Пишет в дневник, привык изю дня в день вести нехитрые эти записи без комментариев: «Собак кормил немного, чтобы хватило на другие дни. Домой ехать — нету мяса. В палатке мороз. Дров нет. От примуса теплоты немного. Малица и пимы стали мокрые. Живу совершенно бесполезно. Угрюмо, печально сижу в своей палатке. Между тучами еле проглядывает солнце». Листает несколько страниц назад — э, было еще хуже, сегодня маленько получше! Проживем: будет день — станет новый ветер, другая жизнь...

Даренный царем винчестер скоро станет единственным инструментом для добычи пропитания. Если кончатся патроны, Тыко невозмутимо возьмется за лук и стрелы. Золотая медаль на Анненской ленте в голодный год будет отдана за несколько килограммов сливочного масла норвежскому скиперу. «Жизнь — жестокая штука, но не надо отчаиваться — жить надо, радоваться надо!»

Передавал всех кошек на душе, чтобы не скребли. Отрада ему — песней греться в долгой дороге на рискованный промысел...

Кого не терзали даль и одиночество, тот не поймет. И не надо.

▲ Гости из тундры на полярной метеостанции. Бльшеземельская тундра, 1955 г.

На промысле гольца.
Новая Земля, 1914 г.
▼ Из архива РУ ФСБ РФ АО

Песенник беспечальный

Промышленни-
ки сдают пес-
цовые шкурки.
Белушья Губа.
Новая Земля,
1954 г.

Любил Тыко Вылка песенки попевать: пропетое слово дорого! Сюдбабць, ярабць, ня-робць, хынабць... Много у песен ненецких названий. Как у оленя, как у ветра... А у снега даже больше сорока имен! Не бывает одинакового снега, как нет одинаковых песен...

Много ненецких былин, сказаний, легенд, сказок, загадок, поговорок, шуток и песен знал Илья Константинович — про богатырей, про печаль, про жизнь, хиусом текущую в ущелье в теснине лет. Много сочинил и сам.

Сказки сказывал артистически, художественно точно передавая образы героев: мудрого старика, суетливой старухи, любопытного ребенка, сильного зверя.

К пению на людях относился серьезно: «Не все сюдбабць или яробць петь могут. По-своему петь нельзя — старики засмеют. Я пою по отцу. Лучше его никто не мог...»

И пел стоя, долго перед тем откашливаясь, пробуя голос и даже протирая очки. Пел низким голосом, с рокотком, тожественно, без жестов, лишь шевелением бровей подчеркивая игру интонаций. В зрелом возрасте по-русски говорил Илья Константинович чисто, без присочиняемых ему косноязычных «дальсе» да «больсе».

Певал и с присловьями, в лицах, с побранкой в азарте, певал в добрый час, по случаю, по просьбе за хлебосольным столом — аж до пота, а и так — дорожную скуку коротал. Какой ненец без песни? Как советский старик без пенсии... Нету таких.

Сказывали люди, бывало, едет тундрой Вылка на собаках в дальнюю факторию проведать дела промышленников да заглянуть в магазин — все ли есть? Морозюга звенит — камни стонут. Полоз санный по спекшемуся снегу визжит, как резаный. Собацьи спины живым мехом в постромках колышались, языки на бегу крошево ледяное хватают, из глоток — пар да звучное дыхание ездовых трудяг. Тишина вокруг — архангельского комара на болоте за полторы тыщи верст услышишь: аж в ушах звенит и ломит! А Тыко, посматривая окрест, песню-дорогу тянет — на всю-то долину слышать в такой мороз:

— Вот еду я по тундре. Вот с горы вниз спущусь к фактории. Вот схожу к Пашке Журавлеву и еще к Каниюкову. Вот пойду в магазин. Вот в дверь постучу. Открой, Анна Апанасьевна! Это я — Вылка Илья. Еда у меня есть, продай-ка мне водки в гости сходить. От фактории поеду я в Белушку на собаках по тундре. К вечеру буду дома. Да!

За пару километров разносится эта песня. Вострит ухо Афанасьвна в магазине: эге, Илья Константинович правит, заглянет, значит, а водки-то и нет — еще в Новый год всю промышленнички уконтрапупили! Ну-ка, лавку на замок, шасть в подсобку и — молчок!

Добрался после дел Вылка до магазина — закрыто: ну, так тому и быть. Развернул нарты и в обратку покатыл с новой песней-дорогой.

С ней и путь вдвое короче — любой ненец скажет. Какая дорога — такая и песня: умства в ней — снежинка, а пользы — сугроб.

На русский взгляд — пародия на поэзию. На взгляд ненца — какие вопросы к дорожному посоху?

Нестыковочка культур характерно отразилась в одном незначительном эпизоде новоземельской столицы. Как-то раз в Белушке к местным учительницам на огонек заглянули военные моряки. Пришел и Илья Константинович. Звали — приходил, не отказывался.

Молодежь развлекалась музыкой, беседами, подымали граненые стаканчики- стопочки за встречу, за товарища Сталина, за Победу, за хозяев, подъедала нехитрые новоземельские разносолы с макаронами по-флотски...

Моряки, наслышанные о талантах Вылки, попросили Илью Константиновича исполнить какую-нибудь ненецкую песню, раз такой случай выпал. Знали бы они, к чему жажда экзотики привести может!

Подумал Вылка и, не ломаясь, запел-затянул. Минута, другая, пятая, десятая... Льется себе непонятная военморам песня. Один пошел покурить, другой, деликатно покашливая, — в двери, третий ретировался «якоря посмотреть». Встала тут женушка Вылки Мария Савватьевна:

— Пойдем-ка, Батько, все уж разошлись, а ты все поешь да поешь...

И. К. Вылка.
Баренцево
море. Полу-
остров Адми-
ралтейства.
1950-е годы.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

Ладно, коли так, хоть песни еще и половины нет... Встал, оделся и, попрощавшись, — домой неспешно, враскачку, как всегда ходил, по деревянным мосточкам раскисшей Белушки. Славно посидели — хороший вечерок...

Этнограф Д. Л. Сапер, проводивший в августе-сентябре 1949 года литературную и фольклорную работу с Ильей Константиновичем, приобщил к черновым записям любопытный эпизод:

«Как-то я прочитал в одном из журналов статью на тему «А. С. Пушкин в культуре народов Севера». Там было сказано, что у ненцев Тыко Вылка знает и любит Пушкина. Я взял томик классика и отнес его Вылке, который в ту пору лежал в Архангельске в стационаре спецполиклиники. Открыл ему страницу с «Памятником» и попросил перевести. Т. В. прочел и сказал: «Это Пушкин. Надо слово в слово». Назавтра Вылка взял в руки томик и спросил меня значение некоторых слов. «Плохая книга, — сказал он. — Унеси». И спрятал книгу в столик.

На следующий день Вылка снова сказал: «Бери, бери. Плохая книга». Я отбивался, но увидел в томике лист бумаги. Это был перевод на ненецкий восьми строк «Памятника». Вот оно что! Тыко Вылка просто сомневался в своей работе. Я читал Пушкина снова, но Т. В. возражал. Слово «Бог» его не очень смутило: «Это — Нум». Но «музу» он опротестовал решительно и категорически: «Это не бывает!». Конечную строфу он так и не принял. Но все-таки дал мне две строфы из «Памятника»...

На заседании этнографической секции Северного отдела Географического общества СССР он прочел свой перевод песни Пушкина о Стеньке Разине. Это был его выбор. Лермонтовский «Парус» он принял без спора и за день перевел его. Но когда вместе с «Парусом» я принес ему Гимн Советского Союза, Вылка припрятал его и сказал, что сейчас переводить не будет. «Это дело политическое», — сказал он...

К печатному слову Ильи Константинович требователен был чрезвычайно. Не зная всех глубин русского языка, чувствовал-таки слабые места и, если что-то не нравилось, настаивал на качественной переработке текста. Литературу воспринимал не как собственную забаву или кормящую прихоть фольклористов и писателей, а только как труд. Трудился же всегда на совесть. Попреков в лености с малых лет не слыхал. «Кое-каков» не терпел.

Несколько статей Тыко Вылки были подготовлены в сотрудничестве с этнографом Д. Л. Сапером. Одна из них под названием «Ненцы — арктические мореходы» была составлена по записке Ильи Константиновича и на основе его доклада в отделении Географического общества. Статья перерабатывалась четыре раза! А когда оттачивалась публикация материала «Ненецкие названия на Новой Земле», в результате многочасовой беседы родилась по сути новая статья. При этом Вылка категорически отказывался вписать в текст название озера, имеющего неприличное звучание, а приложенными рисунками Ильи Константинович разъяснял некоторые ненецкие термины. Очень сожалел, что история ненцев — аборигенов Севера — так и остается ненаписанной, а герои его народа забываются...

Когда 21 сентября 1949 года в архангельском радиокомитете записали голос Т. В. («Ярсалню», «Сидери Пухуче», «Песню о Сталине»), Вылка был счастлив. Его никогда еще не записывали. На этих магнитофонных пленках до нас дошел сильный голос пожилого, но полного энергии человека. Слушая его, понимаешь, как он мог быть убедителен, напорист, силен с аргументами и даже без оных. Говорил, донося необходимые истины до людей, а не красовался перед публикой.

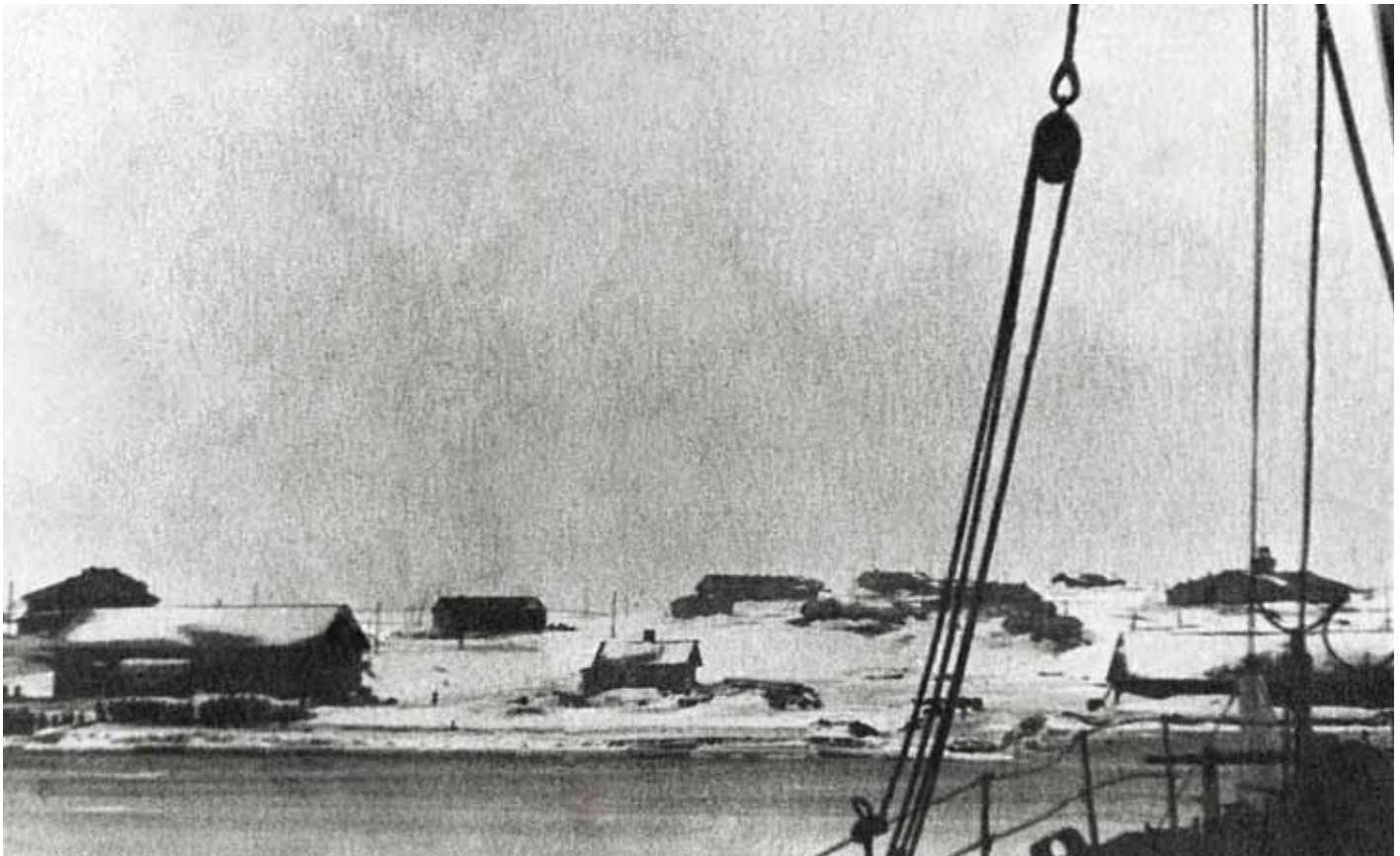
К аплодисментам был не приучен. По делу говорил. Для души пел. Словами не бросался. Голоса понапрасну не возвышал. Разве что на ездовых собак, так те ведь человеческого слова не понимают...

Что к этому можно прибавить? Пожалуй, только то, что среди нынешних классиков ненецкой поэзии Ильи Константинович — первый из известных. Жемчуга словесного оставил после себя немного, да и не в счете дело: начало положил, интерес пробудил, пример подал.

Когда-то мальчишкой он взбирался на скалу над морем в солнечную полночь и пел:

— Вышел ночью я на гору, смотрю на солнце и на море, а солнце смотрит на меня, и хорошо нам втроем: солнцу, морю и мне...

Гармония личности Тыко Вылки именно в этом: истина — мать мудрости — рождается в согласии.

▲ Поселок Белушья Губа (Белушье, Белушка) — столица Новой Земли. Вид с борта парохода «Мгла», 1949 г.

Поморская бухта в Маточкином Шаре. Новая Земля, 1910 г.
▼ Из фондов АОКМ

▲ Самоедская кулема — капкан для ловли песцов. Большеземельская тундра, 1910. Из фондов ГАОПДФ АО

Папа на охоте! Самоедская семья. Новая Земля, 1914 г.
▼ Из фондов ГАОПДФ АО

Ненецкий Ломоносов

Претензий нет, но любо нам, други мои, к таланту приставлять мерный аршин и вдергивать живую нитку сравнений. Великому помору Михаилу Васильевичу Ломоносову досталось тут быть эталоном: великий помор. Ту же косую сажень — и к Илье Константиновичу: великий самоед! Да только идет ли?

Великолепный охотник-промысловик, ненецкий художник, полярный исследователь, геолог-любитель, народный сказитель, глава Новоземельского архипелага... «Народ свой люблю, жалею, хочу ему лучшей жизни. Знать хочу много, да не все осиливаю, а голову все же набиваю!»

Избежим натяжек, отдав должное его трудам и подвижничеству. Ипостасей пусть немного, и энциклопедической глубины в них нет, но и с бытового уровня судить о фигуре Тыко Вылки — запрещенный прием, шорох за плинтусом. Поверить гармонию Вылки сугубой алгеброй не получится. Ею ли препарировать душу?

Возьмите на просвет число «пи»: конечного знака своей дроби не имеет, но оно — фундаментальная константа! Таков и Вылка — цельный, состоявшийся. Он стал первой заметной фигурой Новоземелья, не только ее уроженцем, но и первопроходцем, ее создателем, деятелем и героем, ее живой и монументальной легендой, наконец. Письма со всей страны, примитивно адресованные «Архангельск, Тыко Вылко» всегда находили его...

Имя Ильи Константиновича стало известным, когда художник Александр Борисов сообщил России о том, что на далекой и еще государственно ничьей Новой Земле живет и рисует молодой ненец с ищущей знаний душой.

Не надо забывать, что в начале XX века сознание развитых наций было абсолютно колониальным. Таков был миропорядок. И в слове «дикарь», по сути, не было ничего оскорбительного. Оно имело хождение наравне с идентичными по смыслу словами «абориген» и «туземец». Негодующая экзальтация на публичное употребление термина «самоед» появится через век...

Самоедский (самодийский!) народ ко времени его «открытия» цивилизацией был двинут Великим переселением народов с Алтая на Крайний Север и пришел в те полярные районы, в которых не смогли зацепиться даже терпеливые и упорные поморы. Арктическая цитадель Новой Земли с семнадцатого века равнодушно пропускала через себя поколение за поколением русских промышленников, снося в пыль избы становищ и могильные кресты.

Сегодня удалось установить чуть больше двух сотен имен русских промышленников-новоземельцев. На порубежье веков государство целенаправленно организовывало сеть промысловых становищ и зимовок, но люди от цинги и болезней там гибли ежегодно. Жить в этом крае постоянно, кроме кочевых ненцев, не смог никто! Самоеды же — дикари-с! — сумели...

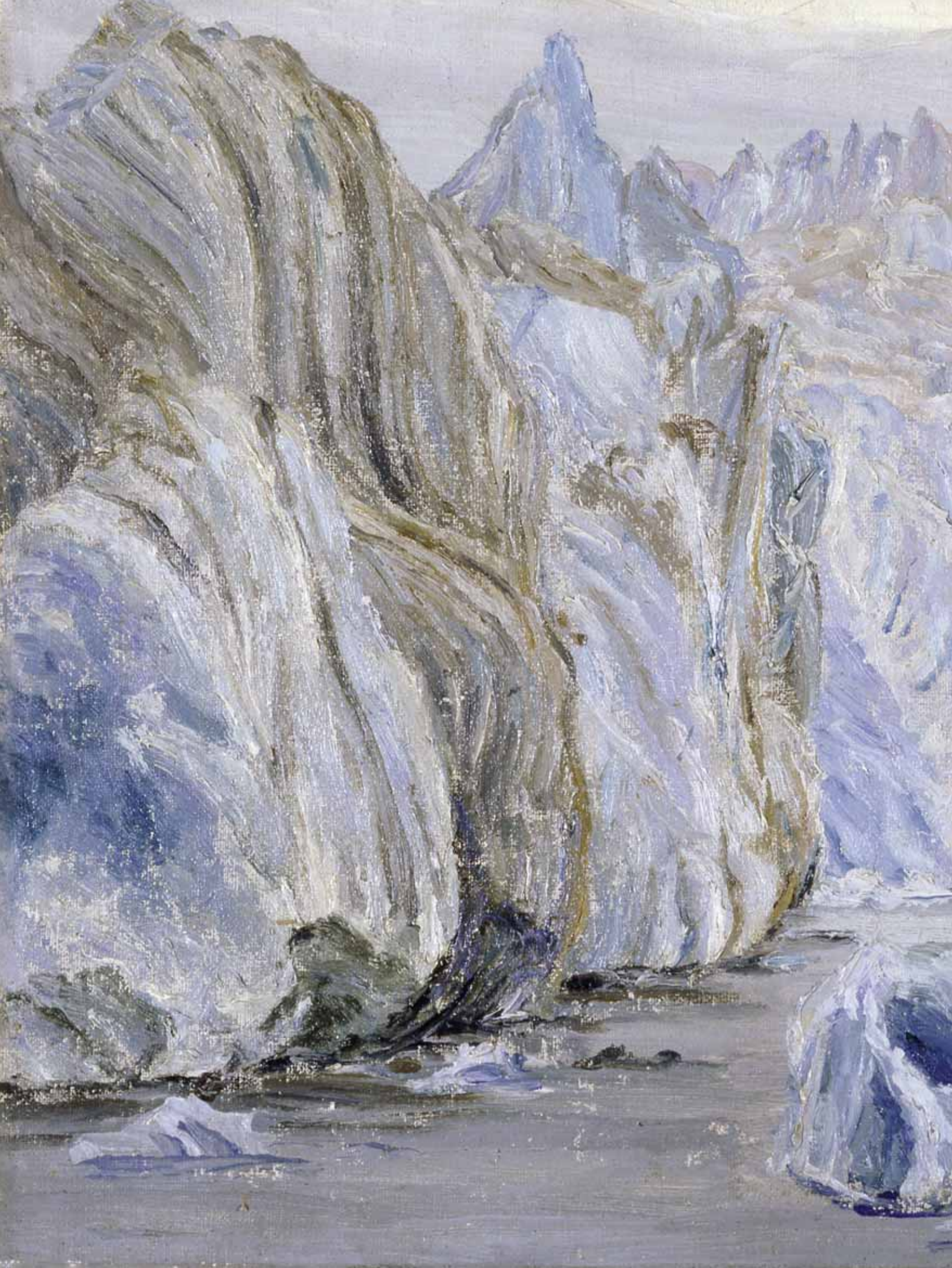
Иеромонах Иона, живший в Кармакульском скиту, рассказывал архангельским чиновникам об образе жизни новоземельских ненцев:

«Живут исключительно одной охотой. С января месяца поднимаются со всем имуществом и отправляются на юго-восточную сторону Новой Земли на охоту за оленями. Ездят на собаках, запрягая в санки по восемь-десять штук. На санки укладывают все свое имущество и сажают детей, а сами идут пешком.

Остановившись, устраивают чум, разводят в нем костер и навешивают на огонь котлы и чайники. Жизнь их здесь принимает обыкновенное течение: мужчины ходят на охоту, а женщины занимаются хозяйством.

Самоеды также охотятся на морских зайцев, тюленей, лысунов и изредка — на моржей. Первый промысел морских зверей начинается у них осенью, с последних чисел сентября, и продолжается до замерзания губ-заливов зимой. В это время разъезжаются они в своих маленьких лодочках и бьют из ружей показавшегося из воды зверя. Когда бухта начинает покрываться льдом, едут к морю на открытое место, где не намерзло еще льду, и здесь стреляют из ружей зверей, перенимая убитых на лодочках.

Осенью, с появлением льдов у берегов Новой Земли, появляются и медведи. Самоеды стреляют их на льду, когда они охотятся на зверя, или ловят капканами. Гуси, лебеди, чайки, гагарки, гаги, чистики и яйца этих птиц самоедами употребляются в пищу. Самый удобный и благородный промысел у самоедов — промысел на гагарок. Охотятся на них так: когда птицы усаживаются огромными стаями на горных хребтах, самоеды подходят к ним и стреляют из ружей: большая часть гагарок со страху падает вниз, где самоеды добивают их палками. Рыбным промыслом самоеды почти не занимаются, ловят

С. Г. Писахов.
Ледник Шо-
кальского.
1910-е годы.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

они одного лишь гольца в начале весны и осенью на удочки и сетками, запирая ими устья рек...»

Существование новоземельских ненцев только и могло быть беспрестанным кочевьем вслед за льдами и зверем, с продувного западного побережья на Карскую сторону, богатую рыбой гольцом, пушным и морским зверем и оленьим кормом — ягелем.

Философии жизни у новоземельцев не было. Искусство прогресса не имело, сохраняясь только глубинной памятью культуры. Словно в холоде все процессы развития народа застопорились и тлели, чуть живы. Была коренная привычка к выживанию, ставшая стержнем бытия. Кругозор сжат вокруг главного — не пропасть. Тут палке стоеросовой, дубине взмолишься! Что там Христос в золоченом окладе...

Жизнь и смерть в лютоземелье водили хоровод вокруг чумов. Есть еда — теплится жизнь. Нет еды — пирует смерть. Примитивными орудиями били морского зверя. В начале XX века еще луками охотились (!) из-за нехватки ружей, пока с 1910 года не стали снабжать стойбища классными ремингтонами. Мясо вытряхивали из шкур и в шкуры же одевались, шкурами-нюками кутали вокруг шесты чумов. Жили в вечном холоде и сырости, ведь жилище тундровиков не отапливается, на очаге лишь варится пища, а тепло с дымом вылетает в отверстие конуса — в мокодан. Когда не было удачи в охоте, обтрепывались до последней нитки — жили в снежных ямах.

Во время большой тьмы, когда солнце зимой не зоревало месяцами, цинга убивала людей целыми семьями и стойбищами. С пришлыми людьми заносились болезни, безобидные на Большой земле, но здесь — моровые.

В социальном смысле — это жизнь дикарей...

У державы свой размер. У человека — врожденная привычка. А экономика — материя тонкая, нервная, канительная. Государственная колонизация Новой Земли начиналась с ненцев. Везли им из Архангельска нити, сети и бочки для засола, втолковывали технологию промысла. Но добывающая экономика не сразу на ноги встает — нужна инфраструктура освоения, необходима четкая отладка всего механизма товарного производства, важна эволюция психологии промышленника, сложенной окаменелыми представлениями и традициями. Ничего этого в вековом опыте самоедов не было.

На архипелаге из русских самоедских переселенцев должен был сформироваться сообразно эпохе совершенно новый тип новоземельца, далекого от ветхого опыта предков.

Тяжелее и легче всего приспосабливались к новой жизни именно ненцы. Примитивность бытия тундровиков и природная привычка делали их стойкими в одолении невзгод, но предел прочности не бесконечен, за ним — гибель. Свидетельства современников горьки, сочувственны и констатируют факты, говорящие о том, что полноценное освоение Новой Земли — дело долгое, многотрудное, требующее терпения и терпимости.

«Как бы ни была холодна изба, самоед все-таки предпочитает ее чуму. В чуме еще холоднее. Ветром с чума срывает шкуры. Поэтому и замечается среди самоедов стремление ставить избы. Само собой разумеется, что требуется солидный запас топлива. Самоеды всех становищ в 1909 году жаловались, что дров им не хватило. В этом отношении вредит самоедам их беспечность, обычно свойственная малокультурным кочевым народностям, небрежное и неэкономное отношение к топливу, нежелание сложить привезенные дрова подальше от моря и постоянно пополнять запас топлива прибойным лесом. В Кармакулах самоеды из-за недостатка дров сожгли холодную постройку, тогда как в бухте, совсем недалеко от поселка, стоит уцелевшим деревянный остов судна, давно потерпевшего аварию...»

К орудиям лова относились наплевательски — где бросили, попользовавшись, там и сгнило. «Самоеды чрезвычайно небрежны, — отмечал современник, — при постройке станции в Малых Кармакулах им были даны гольцовые и белужьи сети. Они не позаботились убрать их, вытащив из воды, и орудия лова до сих пор валяются по всему берегу, бечевки, разумеется, совершенно истлели...»

Грамотная организация промысла не могла быть вдруг осмыслена людьми, со времен потопы представленными самим себе. Скажем, рыбы гольца добывали они много, но государству сдавали мало, легко меняя трудно добытое на низкопробный контрабандный спирт. И это в те годы, когда государство имело монополию на алкоголь!

Убивала народ расспиртованная водка, одобренная для убойности перцем и табаком («самоеду в самый раз!»), убивали бессовестный грабеж и алчная кабала купчин, потакавших низменному с циничной выгодой для себя.

«Водка — отравы тундры. Она убивает в самоедах всякое человеческое чувство, она делает их жалкими, низкими и гадкими до омерзения. В трезвом виде самоеды обыкновенно в высокой степени симпатичны, добры...», — писал художник Борисов, призывавший Россию пресечь водочное убийство тундровиков. Уму понятно, да руки коротки...

Жили по природной милости, как птички: перепархивая в мимолетных заботах с места на место. Грамоты не знали, вкуса знаний не ведали, за целительство почитали примитивные спектакли тадибеев. Вне государственной организации путь их вел в никуда.

Так сложилось, и ничьей вины тут нет. Просто пришло время перемен, время выбора: или-или. Бездумная, никчемная свобода в изменившемся мире обходилась самоедам катастрофически дорого. Народ сходил с этнографической карты в небытие подобно прочим, канувшим в эпоху неолита, оставившим свои следы кремневыми орудиями на мысе Желания, в заливе Мелкий, как, впрочем, и на многих арктических архипелагах — от Земли Франца-Иосифа до Больших Ляховских островов... Сгинули — как не были!

«Ненец» в переводе означает «человек», но за человека ненца не держали. И чем дальше, тем труднее было увидеть в нем человека — распад личности становился необратимым. Жизнь стояла, покачиваясь на нетрезвых ногах. Эпилог был известен наперед: скелетами белела тундра, зверье растаскивало неприбранное человеческое костье из лохмотьев облезлых чумов...

Новая Земля — символ борьбы в условиях жестокой природы, невозможной скудости ресурсов, ограничивающих развитие. Но борьба эта родила особую культуру существования. Она исторически двигалась в кардинально иной, своей системе координат. Потому сравнения здесь зачастую неэтичны да и попросту неуместны. В пору попыток промышленного освоения вайгачских руд лагерники пытались уговорить ненца сходить в баню за литр спирта. Не польстился... А дураки хохотали — трава гнулась...

В имперской России судьба Новой Земли как державной вотчины и ее подданных-колонистов была тридцатой задачей, решавшейся тяжело и не всегда последовательно. Реалии архипелага просто не вмещались в головы государственных мужей. «Царство холода и смерти» дрейфовало из века в век, не приближаясь к матерiku России: то не по зубам, то не по уму, то не ко времени. Применения этой «арктической земли» никак не находилось — ревущие штормовые ветра-стоки в клочья рвали российский триколор.

Настоящая история Новой Земли началась лишь в советское время. Государство наконец ступило на острова, определив их будущее. Когда эта огромина, растянувшаяся поперек Ледовитого океана, стала территорией легендарного Полигона, родилась очередная глава трудной новоземельской летописи. И она не окончена... Так не забудем же, что первые строки державной истории архипелага были написаны именно ненцами и русскими промышленниками, основавшими здесь жизнь. В этом их государственная заслуга и негромкий гражданский подвиг.

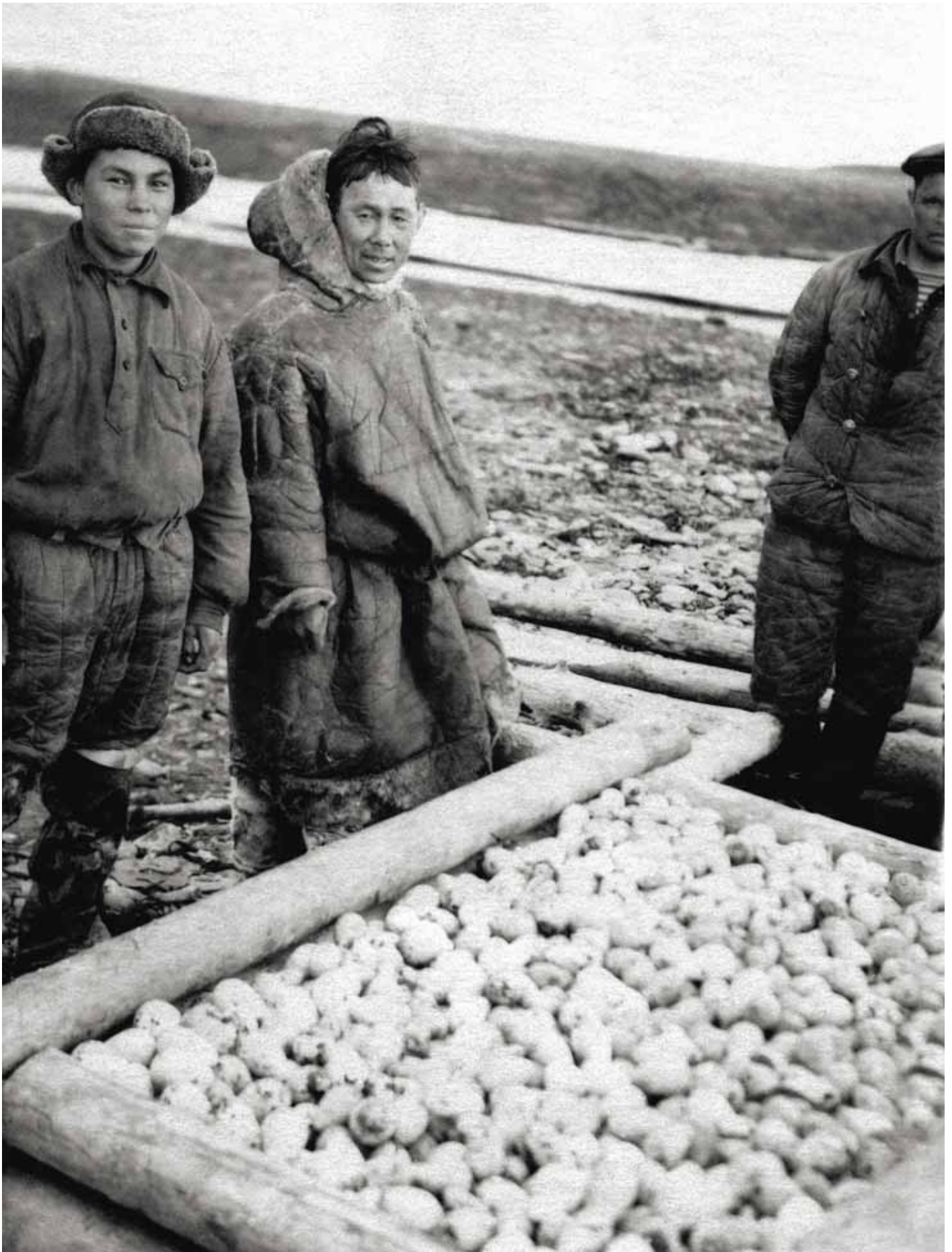
Коренной новоземец Илья Вылка был среди тех, кто конкретными делами устраивал разумную жизнь своей малой родины на благо великого Отечества. Вложил в нее все свои силы и судьбу. Без остатка и личной выгоды. И уже одним этим великий самоед созвучен великому помору Михаилу Ломоносову, за Россию радевавшему.

Русская изба

«Стоит на пригорке старый дом, дыма нет из трубы — нет в нем никого, давно все уехали, и нет тропинки к дому никакой... А за домом на горке — чайник старый худой. Дом с крышей уже плохой и стропила сломались...»

На склоне лет в Архангельске певал Вылка в больничке эту грустную песню, вспоминая борисовский дом-мастерскую в Поморской губе. Илья Константинович не был противоречив в жизни, не знал разлада и в себе. Просто пришло время вспоминать былое и по-человечески остро жалеть, что жизнь — всего одна. Человек кончается, и дальше живут лишь его дела. Нет таких, кто б заглянул за горизонт...

Илья Константинович Вылка — натура цельная, как мостовой пролет, надежно легший меж двух северных культур — ненецкой и русской. Не станем преувеличивать масштаб этого человека, лишь отме-

Упаковка птичьих яиц в ящики для транспортировки. Белушья Губа. Новая Земля, 1954 г.

тим своевременность личности и удачную точность деятельной фигуры на шахматной доске Новоземелья. Не зря говорят, что Время выбирает своих героев... А время Вылки пришлось и на перелом российских эпох, и на становление жизни в архипелаге. Вырос во льдах, узнал вкус необъятной русской культуры старого времени, благодаря характеру и уму создал себя, скрепив времена и в наследство оставив целое Новоземелье. Ненец ценен — шутейный палиндром с глубоким смыслом...

Русская культура как база первопроходческого освоения малой родины осязаемо началась для Ильи Вылки с борисовской избы-мастерской у Пилы-горы в Поморской губе. Тот дом, по меркам столетней давности, был на Новой Земле сродни космическому кораблю русской выделки: прост, удобен, надежен, разумно приспособлен для труда и творчества. А творчество — это энергия народа, это масло с икрой на черном хлебе жизни: пока живо искусство, нация идет вперед... Приподняться над беспросветными буднями запредельных земель — атлантов труд души. Сделать себя, повстречав в жизни нужных и светлых, зажигательных людей, Тыко Вылка смог...

Входящий в избу Борисова бывал поражен: домовое пространство площадью десять на десять метров, накрепко сложенное десятью венцами бревен, было невиданным-неслыханным здесь, где человек ютился, аки червь низкий: дымен, грязен и вечно голоден.

Трехметровой высоты потолки, широкие окна, теплые полы, уют почти городской жизни, обставленный русской печью, венскими стульями, креслом-качалкой, мраморным умывальником, письменным столом, книгами, постелями и керосиновыми лампами. А еще — баня с березовыми вениками и парное молоко от двух коров, жующих в хлеву прессованное сено. Зимуй без горя! Но изба, обшитая тесом под бледно-яичной краской, не терем, а база для освоения дикоземелья, потому здесь — продовольственный склад, сорок собак и две шлюпки для экспедиционных рейдов.

Долго и дельно стояла русская изба на окраине ненецкого становища в Поморской губе. Не раз в нем бывал Илья Вылка. Уже без Борисова, растворившегося в большом мире. Но все в домовитом, любовно ухоженном жилище говорило о правильном устройстве этого мирка, плывущего по реке времени и без особого догляда. Здесь зимовали и находили краткий приют экспедиции, промышленники, полярные бродяги.

Изба Борисова, спустя годы, стала наглядным пособием для Тыко Вылки и его народа. Молодой глава Новоземелья призывал строить новую тундру именно так: основательно, разумно, с загадом на будущее. Зачем жить в снежных норах, если власть готова строить поселки с теплыми домами, больницами и школами? Себя не жалко — детей помилуйте!..

Дом жил, верно служа первопроходцам Новой Земли. Точил его один изъян — здесь не было хозяина. А потому один сглупа стеклышко выставит, другой раму выломит, третий дверь разнесет, а там, глядишь, сруб на дрова пошел...

Сорок лет спустя полярные летчики, проходя бреющим над борисовским урочищем, увидели на горке у морского залива лишь бревенчатый развал, сиротство печной трубы, скопище хлама и бездомных собак...

«У берега моря на высоком земляном холме стоит старая избушка. Когда-то она была новой, а теперь развалилась. Вся заросла травой. Белеют в траве оленьи кости, и рога белеют. Давно забытые детские санки в землю вросли. Здесь жил Тыко Вылка... Много он видел горя, много страдал. Живу теперь хорошо, хоть совсем не умирай...»

Но из борисовской домовитой искры восстал на архипелаге очаг цивилизации — поселок Белушья Губа, Белушье, Белушка.

Илья Вылка сберег, донес, взлелеял этот огонек.

Terra incognita Новой Земли

Почти полвека колонизации архипелага стали базовым опытом. Впрочем, советская власть, продолжая начатое, столкнулось с тем, что о состоянии хозяйства островной суши ей ничего не было известно. Никакой точной информации о численности населения, о быте и жилье островитян, о комплексе проблем

45. 1901. 13. 5.

◀ А. А. Борисов.
Отдых. Соба-
кам уже жарко.
1901.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

становищ и поселков. Финансовые ассигнования, строительство управленческой схемы и методов хозяйствования должны были опираться на конкретные факты. С этого и начали, от общего — к частному, установив в 1920 году, что «в настоящее время имеется четыре поселка: Белушья Губа, Малые Кармакулы, Маточкин Шар, Ольгинский поселок. На юго-западе Новой Земли, у Петуховой горы, имеется не обследованное поселение из 30 человек самоедов, завезенных предпринимателем Кожевиным». Кроме того, было выявлено множество промысловых изб промышленников-одиночек — в губе Грибова, в Больших Кармакулах, по берегам рек Нехватовой и Гусиной.

Становище Белушья Губа в то время было самым крупным по числу построек: оно насчитывало девять домов. Жили здесь исключительно ненцы общим числом 76 человек. Становище Малые Кармакулы, находившееся в 185 км от Белушки, считалось центральным пунктом Новоземелья. Здесь были церковь, церковный дом, три дома управления по островам и три дома промышленников, склад товаров, а население составляло 35 человек. В становище Маточкин Шар были часовня и три дома (в том числе и дом художника Борисова), а общее число жителей — 26. Становище Крестовая Губа, или Русское становище (ранее именовавшееся Ольгинским), имело два дома и часовню, населено оно было ко времени обследования исключительно самоедами, а русские люди подались с тех мест кто куда. Чиновники губисполкома отметили также присутствие на островах частных артелей Корносова, Журавлева и Воронина. В том же, 1920-м, году из Архангельска к архипелагу пришли два судна: «Святогор» и «Канада». Они были первыми судами, пришедшими к становищам после 1917 года. Но они погоды не сделали...

Хуже того, вновь чувствуя шаткость государственного присутствия России в делах архипелага, Норвегия, ободренная официальным закреплением своего флага на Шпицбергене, организовала и провела в 1921 году на Новой Земле полномасштабную комплексную экспедицию под руководством Олафа Хольтедаля. Она обследовала многие участки побережий Южного и Северного островов от Костина Шара до Архангельской губы, включая Маточкин Шар. Работа велась с разрешения советского правительства, норвежцами заявлялся лишь научный интерес...

Результаты комплексных исследований публиковались в течение десяти лет! Нет и не было сомнений в серьезности намерений Норвегии закрепить за собой и этот арктический форпост. Рейдерство подводных лодок Кригсмарине двадцатью годами спустя подтвердит: карты в руки военным дала наука. Дальние у нее прицелы. Пряталась собака, да хвост не поджала... Во всяком случае, в 1923 году Советская Россия воздержалась от сдачи архипелага в концессию норвежским зверобоям.

Надо отдать должное настойчивости северного соседа. Норвегия за короткое время сумела продемонстрировать серьезные и искренние намерения на освоение Свальбарде-Шпицбергена, наладив промышленную добычу угля в Лонггирбюэне. Грумант, освоенный архангельскими поморами в течение веков, был закреплен за Норвегией 9 февраля 1920 года «Парижским договором о Шпицбергене». России, лежащей в разлуке братоубийства, на этом празднике жизни не было.

В 1912 году по заказу правительства России геолог Владимир Русанов исследовал побережья острова Свальбард и за один полевой сезон провел геологоразведочные и картографические работы, открыв на Шпицбергене четыре крупных каменноугольных месторождения и заложив тем основу для российского присутствия на этой территории и по сей день... Послав результаты экспедиции на родину, сам Русанов отправился на парусно-моторном судне «Геркулес» с одиннадцатью членами экипажа и невестой-француженкой во льды высоких широт, чтобы пройти океан насквозь Северным морским путем. Но в этом походе жизнерадостный рыжебородый полярный скиталец пропал без вести...

Тыко Вылка с теплой грустью вспоминал о нем всю свою жизнь. Помните, как он писал о нем? «У нас с Владимиром Александровичем две головы, а сердце — одно...»

В 1918 году Тыко Вылку избрали председателем островного Совета в поселке Белушья Губа. Двумя годами позже он сумел убедить неимущих ненцев Белушки, Крестовой Губы и Маточкина Шара создать коммуны, но она скоро распалась — хозяйствовать сообща промысловики не сумели.

Поет Вылка, погоняя собак студеным берегом: «Мы живем далеко. Мы родились далеко. Мы простые, темные. Мы люди темные. Кто даст нам хлеба? Кто даст нам избы? Ой, вы начинайте работать, товарищи, мотором работать. Теперь мы поняли, мы и другие поняли: советская власть — лучшая нам власть. Светлая власть избавит от нищеты и гибели нас...»

▲ «Голос штурмана Тягина» — сигнальная пушка, оповещавшая о начале весны. Малые Кармакулы, Новая Земля, 1914 г. Из фондов ГАОПДФ АО

У берегов Новой Земли, 1950-е годы.
▼

Илья Константинович Вылка. Маточкин Шар, Новая Земля, 1908 г. Из фондов АОКМ

Конечно, поначалу ему, оторванному от новостей Большой земли, было сложно понять суть перелома в огромной стране. Обрывочные и случайные вести с материка рисовали противоречивую картину событий. Представление было смутным, ожидание — неуютным. Побаивался Вылка прихода большевиков...

В 1921 году на островах были учреждены поселковые Советы депутатов трудящихся и введен институт старост, появились первые уполномоченные советской власти — Попов в Белушьей Губе и Дмитриев в Малых Кармакулах. Каждому были приданы два милиционера — для борьбы с норвежскими контрабандистами. Оперуполномоченные задачи снабжения архипелага не решили, а вскоре оба умерли, не выдержав тяжелого климата... Промысловые артели и трудовые коммуны, созданные для побудительного примера, тоже не выдерживали испытания. Одна из них, организованная десятью красноармейцами, распалась, и их вывезли на материк в 1922 году.

Когда летом 1923 года в Белушью Губу пришло первое советское экспедиционное судно «Персей», разыскать Илью Константиновича поспешил гидролог Всеволод Аполлинарьевич Васнецов, сын известного художника Васнецова, встречавшегося с Вылкой в 1910 году в Москве у Переплетчикова. И нашел! Борис Иванович Кошечкин, исследователь, писатель-биограф И. К. Вылки, так изложил эту трогательную встречу:

«Илья Константинович пригласил гостя в избу. Сведения о событиях в России на Новую Землю почти не попадали, и Вылка многое хотел узнать. Он справился о здоровье Архипова, Переплетчикова. Был глубоко огорчен, когда узнал о кончине последнего. «Непосредственному и доброму человеку, ему было очень жаль Василия Васильевича», — вспоминал В. А. Васнецов. Всеволод Аполлинарьевич поинтересовался у Вылки, рисует ли он.

— А при большевиках можно рисовать?

— Можно, конечно, можно!

Илья Константинович показал несколько новых акварелей.

— Бумаги нет, краски нет, — пожаловался он.

Всеволод Аполлинарьевич увез в Москву письмо Вылки, адресованное отцу. Приведем его полностью, так как это один из немногочисленных документов, свидетельствующих о жизни Вылки в те годы.

«Здравствуй, Аполлинарий Михайлович! Как поживаешь в Москве, здоров ли? Я видел твоего сына, он был у меня дома. Живу так, не худо, средне. Очень устаю от заботы промысла. Постоянно надо рыбу ловить, оленя искать, собак кормить, семью кормить.

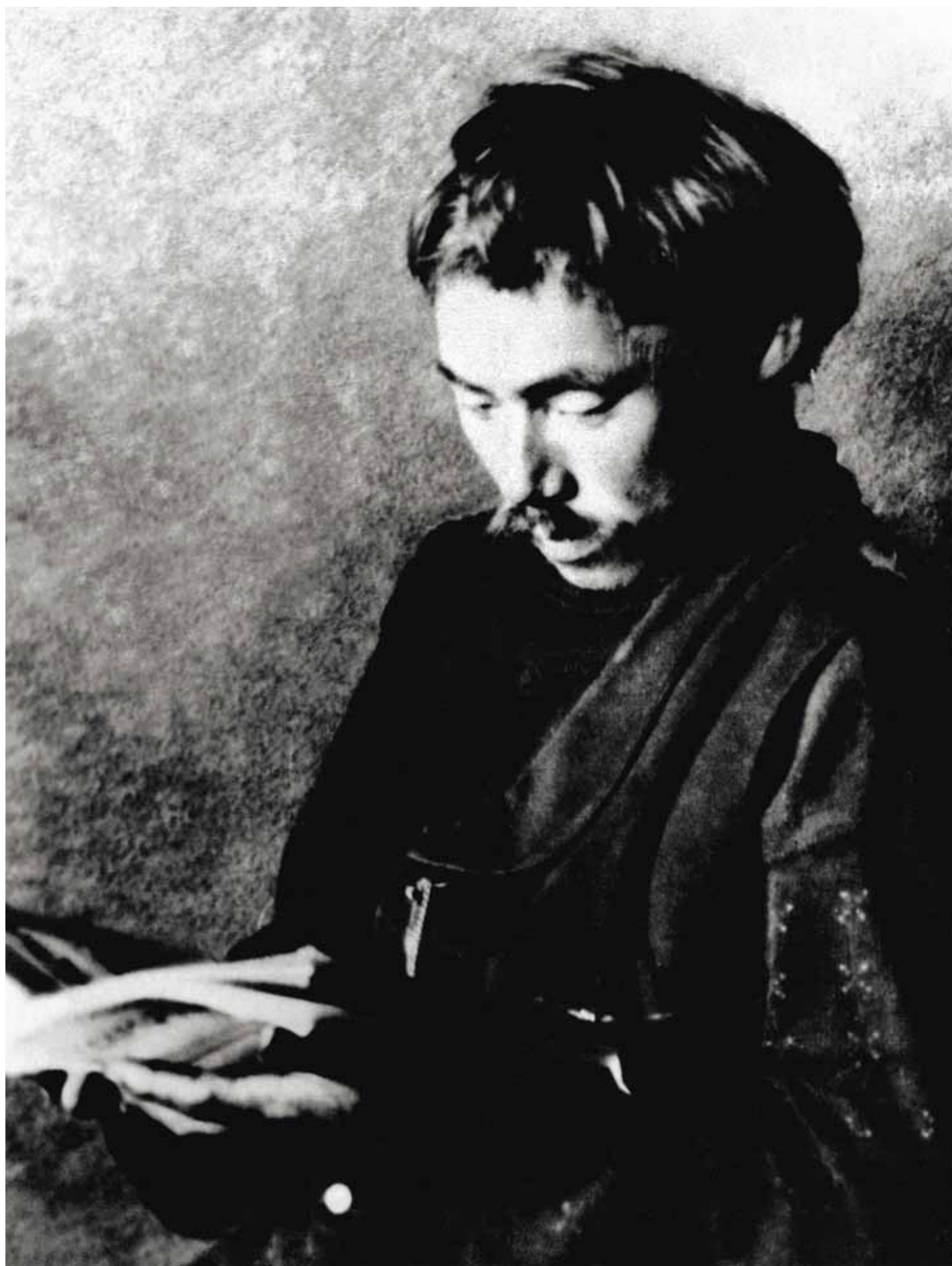
Картины мало пишу. Но были картины, все раздавал по рукам приезжим с парохода на память, в этом году написал 12 картин цветными карандашами... Как-нибудь вы с Архиповым пошлите красок, альбом небольшой. Я буду очень рад. Приготовлю картину в масляных красках.

Я четыре года не писал картины во время революции, не занимался художественными делами, потому что боялся. Думал: большевики меня арестуют, если буду писать картины. Теперь я слышал, что художество возвышено. Я радостно принялся писать картины и дарил их, старался, чтобы снова приняли меня, как раньше. До свиданья, не забывай...»

Рисовал при случае по-прежнему — «то, что было зрением моим...»

Это время для Вылки — время одиночества. Его жена, Прасковья, скончалась, детьми он успевал заниматься по мере сил и времени. Один — с девятью на руках: с ума соскочить на полном ходу! Быт упростился до невозможности: придя с промысла, затапливал печь, готовил немудреную еду. Когда печь развалилась, починить ее и не подумал. Развалил по кирпичику остатки, соорудив посреди избушки очаг, как в чуме. Дом топил по-черному. Дым — столбом, всюду копоть, чего ни коснись — сажа! Жил, как умел. Некогда было заняться домашним уютом. Это ведь женская работа, привычки к ней не знал. Русские гости на это смотрели с печалью — плохо живет Вылка... Да что он! У других не лучше: та же грязь, та же участь детей, не знающих грамоты и сущностей большого мира вокруг них.

Но Тыко Вылка в ту пору был в расцвете сил и полон энергии. Его обнадеживала новая власть, взявшаяся перестраивать «новоземельское житье-битье». Гордецом не был, себя не жалел, взваливая на плечи заботу о приемных детях, а позже — о населении архипелага. Терпеливая мужественность в нем была молчаливым примером для других, отчаявшихся и озлобленных. Красота жизни виделась ему в стойком преодолении трудностей. Беспечности он не знал. Крещеный в несмыслен-

И. К. Вылка.
Карская сторо-
на.
1950-е годы.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

шах, вряд ли подозревал о христовых заповедях, следуя им лишь по велению кроткого сердца...

Самый бойкий, самый грамотный, самый бывалый и в промысле беспримерно удачливый Вылка с установлением советской власти на островах был избран сопредседателем Новоземельского Совета вместе с промышленником Журавлевым.

Тыко был авторитетом для ненцев, Прокопий — для русских.

Потом решили, что голова у власти должна быть одна. И Вылка стал полноправным председателем. Отныне он — исполнительная власть, азы которой постигает на собственном опыте. Да, это не собаками править, нужен иной подход... Действовал просто, по принципам «не навреди» и «как бы я сделал для себя?». Словом, здравый смысл и опыт богатой событиями и испытаниями жизни руководит первыми шагами Вылки по леднику власти. Преуспееет, не поскользнется он и в гололедицу 1937 года...

Начал, следуя «золотому правилу» управленца, с подбора кадров. Искал среди местных колонистов головастых, незашоренных, понимающих суть. Дело шло туго. Людям было трудно оторваться от привычного круга забот и взвалить на себя ответственность за общее благо. Но понемногу подобрались кадры уполномоченных на местах.

Первым делом в островном центре организовали школу, где учителем стал русский Тимофей Петрович Синицын, впоследствии журналист и писатель, известный в литературе под псевдонимом Пэля Пунух.

Сам Вылка преподавал в школе рисование — этому дома не научат. Стучал белым мелом по аспидной доске, и оживало черное пространство чумами, становищами, пароходами с дымками, охотниками, бегущими на промысел рядом с собачьими упряжками и нартами. Добру учил, ставя торчком короткий, узловатый указательный палец-сардельку, простыми словами, краткими фразами, как всегда говорил, входил в детские сердца: «Любите землю. Это наша советская земля. Любите и не обижайте друг друга. Никогда не плачьте. Суровая земля слабых не любит. Мое детство было плохое. Вы живете лучше. О вас заботится весь народ. И вы думайте о народе. Пусть каждый вам говорит: хорошо!»

По-своему учили тут ребятишки азбуку: «Два охотника здороваются за руку — это буква Н. Когда отец мясо из бочки достает — это буква Ю. Когда рукой волосы поправляет — это буква Р. Собака залаяла, под санями свернулась — буква В...»

Если кто-то из учеников (а были все наперечет, дух десятков в школе нет!) начинал вдруг хромать по части успеваемости или озоровать, Вылка выговаривал неслуху:

— Будешь плохо учиться — отцу скажу. Твой отец — герой труда, хорошо промышляет, а ты что, уроков не знаешь?

Возил из Архангельска школярам игрушки и уговаривал не ссориться из-за них: «Люди не должны ни в каком случае обижать друг друга». Часто заходил к малышам в интернат, садился у входа и, если не заговаривали с ним, просто сидел и смотрел на детскую суету, на веселую беззаботную возню... Хорошая жизнь! Правильная!

Поет счастливый Вылка: «Из года в год бывает весна, лето бывает тоже. Осень, срастаясь с зимой, на смену лету приходит. Не вернется лишь старая жизнь, и незачем ей возвращаться, другая жизнь началась!»

Цветы Новой Земли — корешок да полинялый бутон без стебелька. Выползают невесть как из доисторического мерзлого ила, набитого в расщелины битого диабазы и сланцевой щебенки, да так порой и уходят в снега. Это вылкино детство. Радовался Илья Константинович, глядя на резвящихся малышей: добрые цветы у жизни растут, с крепким стеблем...

Лучший из промысловиков

Архангельский моряк Василий Дмитриевич Заборский, знакомый писателя Юрия Казакова, о Вылке периода 1920-х годов рассказывал без прикрас, попросту, как есть. Припоминалось ему только хорошее...

«Плохие черты? Не знаю. Говорю, что помню: мы его все, и русские и ненцы, очень уважали, гордились им. Был справедливый, никого не обижал зря, все знали — раз решил, значит, решил правильно.

Вот не знаю, удалось ли ему, а был тогда у Вылки стратегический план переселить всех промысловиков на восточную сторону, как мы говорим, на Карскую, там зверя больше было. Он, бывало, все об этом с нами толковал, очень увлекающийся человек был.

Как жил? По-своему жил. Там, на Новой, специально для него построили хороший дом с печкой, уютный, я там много бывал. Первым рейсом приходим, захожу — печка сломана, он ее разрушил, на полу самодельный очаг из кирпичей, топится по-черному. Дыму — как на пожаре. Сам Вылка и все вокруг закопченное, как колбаса. Кстати, о еде... Ел очень много. Оленину, рыбу. Два-три килограмма мяса — как один бутерброд.

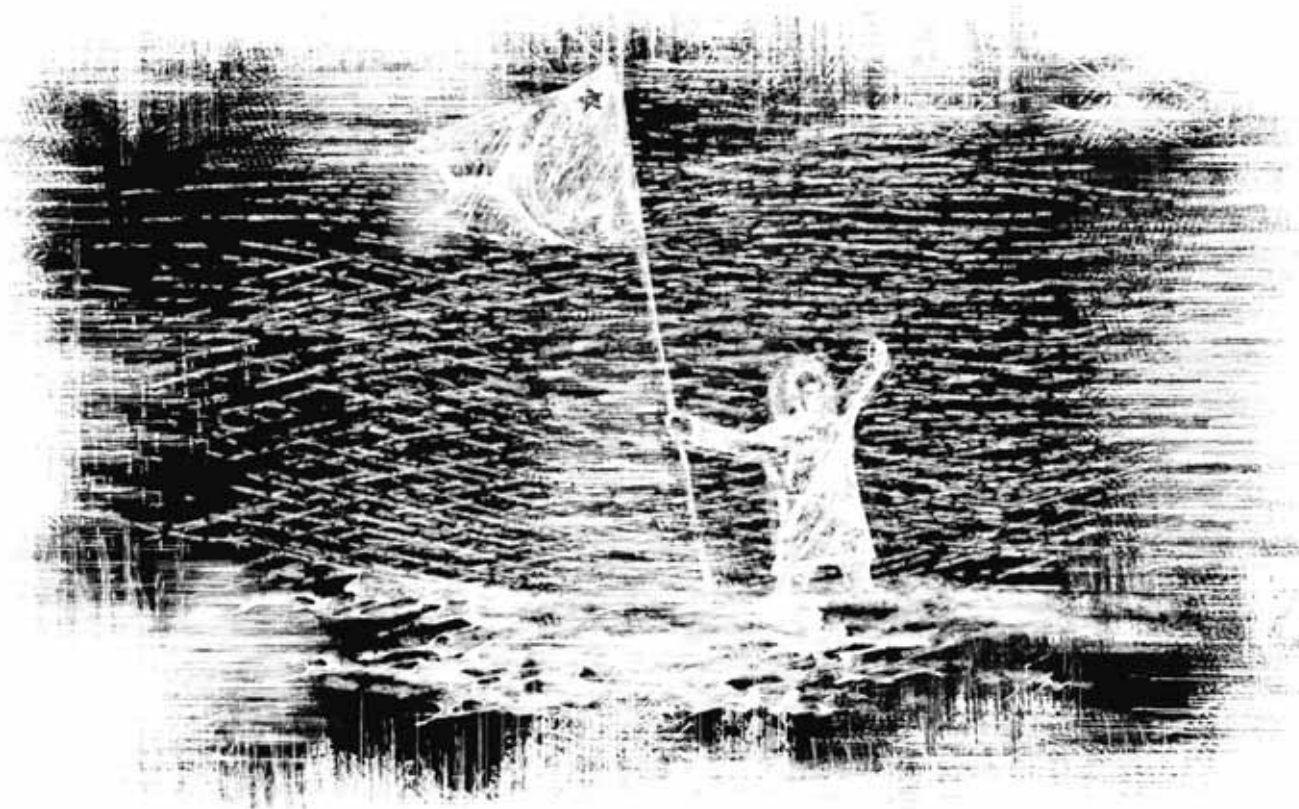
Курил постоянно, не помню его без папироски. Но не только курил, а еще и жевал табак. Не плиточный, не тот табак, что для жевания, а обычный, из папирос. Не вру! Меня угощал. Но чаще жевал махорку. Жует и плюется.

Очень был радушный хозяин. Отказываться от угощения или там от выпивки и не думай — обижался по-настоящему.

Прекрасный охотник был. Думаю, лучший охотник из тогдашних промысловиков. Я уж не говорю о том, что он лучше всех нас стрелял. Главное — он все знал, чувствовал про зверя. Ребята поговаривали иной раз между собой: уж не колдует ли, не шаманит ли? — так знал, где зверю должно быть. Это у него, наверное, в крови было, природное.

Характер? Очень дружелюбный, мирный. Но бывало, что и вспылит, кричал, сердился, когда узнавал о плохом поступке. Но только это с него быстро сходило. И умный был, много знал про Север, испытал много. Повторяю: мы его уважали.

Про картины не знаю. Помню, они нравились нам, все очень похоже рисовал: льды, собак, тюленей, чумы... Но я тогда его картины делом не считал, я про Вылку знал: охотник, хозяин Новой Земли, ну а на пароходе он вроде как бы отдыхал, почему не порисовать? Да и от него никогда не слышал, чтобы он о себе сказал: я художник! Может быть, от скромности? Да нет, навряд ли он думал о себе как о художнике...»

Этюд четвертый.
Житье-бытье
(туман, ветер,
птичье перо,
1930-е годы)

По законам тундры

Председатель островного Совета Вылка мотался по командировкам, сутками проводил время в дороге — объезжал фабрики, поселки, становища и самые отдаленные промысловые участки. И не везде прием был теплым. Всякое случалось.

Там, где не хватало словесных аргументов, убеждал личным примером. В артели, образованной из развалившейся коммуны, стал председателем и — мотористом. Технически грамотные люди в то время были наперечет: знаешь — делай!

Не кресло, не портфель, не железные очки на носу почитал символом власти, а горячее участие, честную и открытую позицию, готовность к компромиссу и желание помочь, опираясь на человеческое трудолюбие и совесть. Трудно подавалась инертная новоземельская целина — слишком крепка была поначалу вечная мерзлота представлений.

Веры власти не было ни-ка-кой. Изверились люди дочиста, до корня сухого.

Но зато верил сам Тыко Вылка — быть Новоземелью теплой землей! И себя не жалел, и людей тормошил, словно больных цингой равнодушия. Терпеливо разъяснял очевидное: власть будет помогать и сотрудничать только с формами коллективного труда. Объединяйтесь в артели, стройте внутренние отношения и систему распре-

ления ответственности и прибыли, зарабатывайте и вылезайте из нор — дети не должны жить в потемках, в холоде и голоде, как жили новоземельцы допрежь!

Быстро растет Вылка-руководитель. Каждый шаг председателя — как по леднику, присыпанному глубоким рыхлым снегом. Шагнул — твердо, еще — твердо, третий — и полетел в трещину сломя голову. Выполз, отряхнулся — дальше... Опыт в этом деле шишками дается. Морозная пыль перегонов точит профиль — покрикивай на собачек, запряженных новоземельским веером, да думу тyani под песню-дорогу...

Народ архипелага — палец в рот не клади, проглотят с потрохами. Ты им — слово, они — десять, ты им — аргумент, в ответ — угрюмое молчание, сопение и глазья шильцами.

Набьется народ в тесноту островного Совета, как гольцы в бочку. Тесно!

Куриль кто надумает — за порог.

Кто пьян завалился, тут и уснет, рта не успев раскрыть. В ноги тиснут — валяйся.

Кто навеселе да с куражом, начинает ясную воду мутить, горлопанить попусту, лишь бы грохоту побольше. Иные разойдутся — слюни через головы летят.

— У Вылки башка опилками набита. Чучело!

— Хрен моржовый!

— Поучи нас рыбу есть!

Угомонят таких коллективно — время идет, недосуг рассиживать, хоть и в тепле. Пошел вон, к собакам, на них ори!

На горло берут в основном русские промышленники. Ненцы помалкивают, слова не скажут, но сделают все поперек да молчком. Начнут голосовать — руки тянут, не понимая, за что голосуют, «за» или «против».

Но ничего, Вылка умеет с людьми разговаривать. Да раз от раза еще и учится. Они перед ним — как на ладони. Простые, грубые, сильные, наивные в своей недалёковидной хитрости. Других людей на этих островах нет. А чем эти плохи? Да ничем!

Все они, как снежинки, лежат в сугробе и ни гу-гу. Подымется ветер — несутся сломя голову, куда не легкая понесет! Так надо Вылке этим ветром быть, за собой вести. Тогда снег самую крутую гору с макушкой засыплет, только гладенько станет! Это и есть власть новоземельская.

А как Вылка школу на Новой Земле создавал! Почти никто не понимал, зачем она нужна. Разве в школе научат бить зверя и ловить рыбу? Чушь! Но хитроумный Тыко все придумал, собрав делегатов со всех становищ:

— Мы живем в темноте. Стены кругом. Окошек нет. Тьма! Наши ребяташки не видят солнца. Давайте рубить стены — окошки делать.

— Глупость говоришь, Вылка!

— Зачем портить хорошие стены? Вон окошки!

Дух перевел Тыко — заинтриговал! Приступал к главному — объяснял:

— Наша темнота — наша неграмотность. Сколько нас из-за этого обманывали купцы и скупщики? Обсчитают, обманут, в долгах запутают! И детям нашим так жить? Грамотность — это свет, окна в избушке. Ученье — это школа. Школу-интернат нам надо строить, и детей в нее везти учиться. Кто «за»? Все «за»... Отлично!

Меньше чем через полгода — снова школьный вопрос на повестке дня, снова готовится Вылка схватиться с косностью: ум у него всегда наготове, а слова, как кремешки, подобраны. 20 апреля 1926 года островной съезд Советов решал вопрос по школе-интернату. Но съехались почти все новоземельцы — дело касалось детей. Съехались неспроста: ребята в школе-интернате прожили уже четыре месяца, и родители хотели разобрать всех по домам, хватит, мол, буквари грызть, пора промыслу учиться. Нелепые

*Полыхают в полнеба сполохи.
Льдины, как рафинад, белые.
Чум стоит, как большой колокол.
Добродушны медведи белые.
Неподвижные, толстокожие,
будто заживо замороженные,
возлежат тюлени дебелые.
И над птичьими над базарами
облака проплывают заревами...*
Вадим Беднов, 1977 г.

А.Б. 96 VIII 31

◀ А. А. Борисов.
В гостях у само-
еда на Новой
Земле. 1896 г.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

слухи о жизни ребят только укрепляли отцов и матерей в своем решении. А оказалось, что дела в интернате куда как хороши: «Теперь-то в школе девки маленькие от парней не отстают. Парень когда еще руку подымет: «знаю», а девка-то и руку подняла, да сама и выскочила: «Я, я скажу!»

Тыко Вылка прекрасно знал, какая неприятность грозит школе-интернату, организованной с таким трудом. Случись она, Архангельск по председательской голове не погладит и на заслуги не посмотрит — попарит по-сухому. Потому биться решил до конца. Он уже все продумал наперед, а если не все, то сообразит на ходу. Не опилки ж в голове у него!

Слово взял:

— Я сам проверил работу школы. Все наши ребята, кроме двух, научились читать любое слово в букваре. Читать и писать тоже умеют немножко. Едой ребята хвалятся: кто сколько хочет, столько и ест. Учителя своего тоже хвалят. Хороший, говорят, и хорошо с ними обращается. Радоваться нам надо, что учеба в школе сразу по-

шла гладко.

— Так, может, и ладно? Подучились маленечко — наперво-то и хватит. Головы опухнут! Не пора ль по домам развезти?

Недаром Вылка за три дня до того приехал в Малые Кармакулы. Обошел всех делегатов-ненцев (их было большинство на съезде), поговорил с каждым, мнение узнал, кого надо — убедил, уверившись, что никто против школы мандата не поднимет.

— Голосуем: кто за то, чтобы увезти ребят?

Ненцы дружно проголосовали «за». Вылка оторопел на мгновение, но в тишину с учительским укором, выговаривающим несмышленикам, уронил:

— Ладно ли будет, если детей от учения оторвем?

И горячо заговорил на ненецком — кратко, убедительно, вразумляюще четко, словно пулю за пулей вколачивал в человеческую глупость:

— Стыд, как огонь, жжет меня. Вам всем сегодня должно быть стыдно! Кто из нас учился в школе? Кто умеет читать? Да, я учился. Мне помогли добрые люди. Но для царской власти что мы, что звери — одинаково. Советская власть нас считает людьми. Такими же, как русские. Как другие народы. Советская власть верит, что наши дети могут учиться не хуже, чем русские. Зачем мы будем мешать нашим детям? Кто вам говорит, что они занимаются баловством? Один из старых зимовщиков, которому до революции доверили доход артели от промысла за весь год, свез деньги в норвежский банк, а потом заявил, что все они пропали... Вы же знаете его! И сегодня он говорит, что школа нам не нужна. Вы снова верите ему?! Ваша темнота для него — прямая выгода. И детей ваших он будет обманывать так же. Хотите этого? Грамота — это свет! Я за то, чтобы школе быть!

И почти театрально выбросил правую руку вверх. Люди, зажженные его речью, начавшейся тихо, через комок в горле, а закончившейся с горячей логической прямоотой, единодушно подняли руки.

— Опустите... Пиши, секретарь: «Школе — быть»...

Но среди женщин — шумок: матери все равно настроены увезти детей, сердцу не прикажешь. Вылка быстро среагировал и — учителю: скажи слово, можно ли перерыв в учебе сделать? По столу линейкой постучал строго, призывая к тишине. Подействовало, притихли примерно.

— В русских школах после четырех месяцев учебы ребятам дают отдых. Надо передохнуть и моим ученикам. Везите их на две недели домой — пусть!

Раздался дружный смех и крики: «Вози-не вози, сами-то не заговорились?» Вылка на это линейкой по столу опять же строго постучал, а сам расплылся в улыбке:

— Вопросов на повестке больше нет. Объявляю.. Нет, не то слово сказал... Так надо сказать: приглашаю всех ненцев в Белушью. Свадьбу моей дочери справлять поедом. И учеников повезем по домам. Согласны?

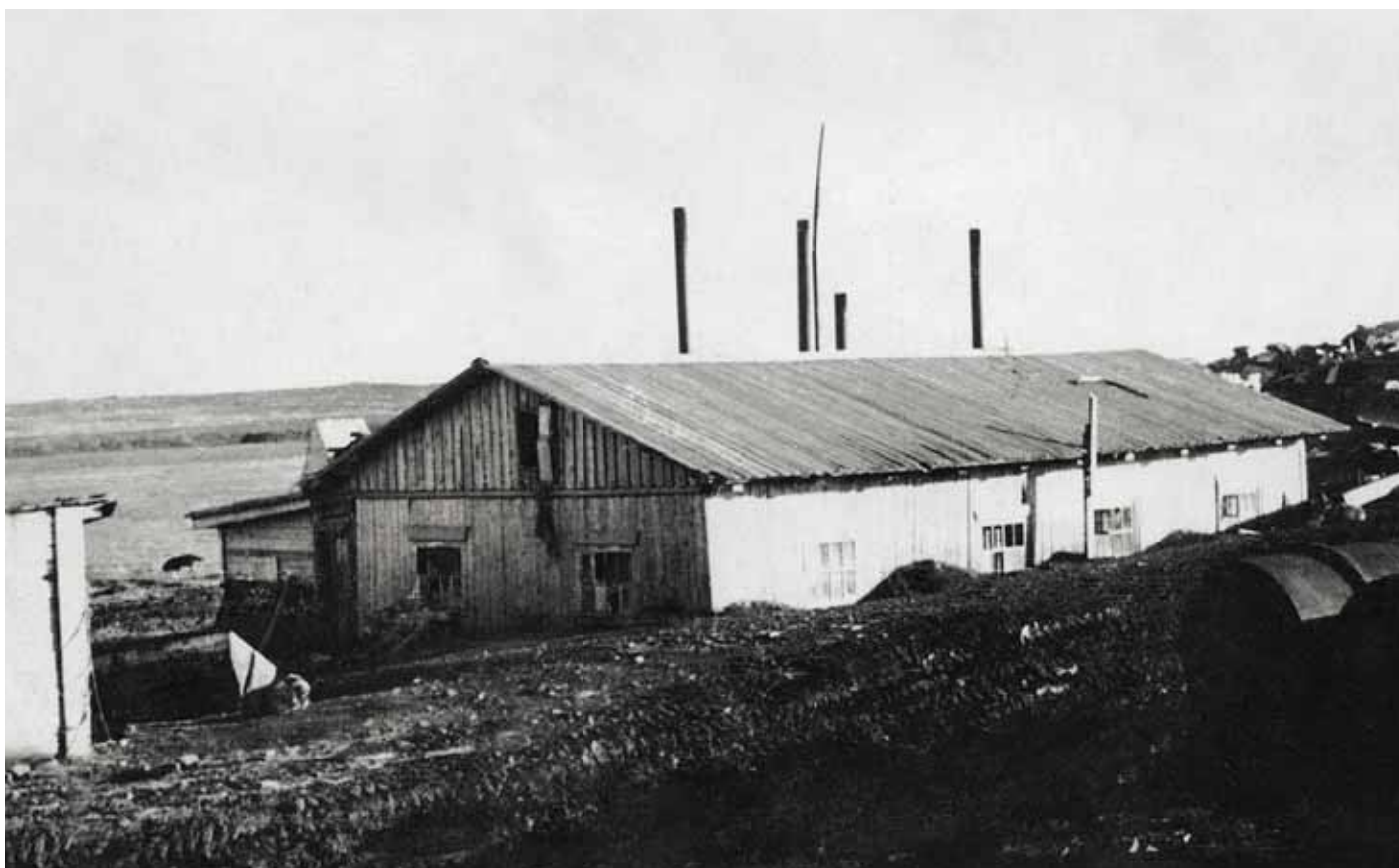
Грохоча скамьями, довольные родившимся согласием вываливались на мороз...

И так каждый день — одно и то же: целенаправленная долбежка. Призывал, вразумлял, аргументировал, наставлял, мирил, обнадеживал и верой делился: надо, поймите, осознайте, возьмитесь, сделайте, организуйтесь, мобилизуйтесь! И мы, власть советская, добьемся, сделаем, найдем, привезем, постро-

▲ Тыко Вылка среди земляков.
Новая Земля, 1936 г. Из фондов ОГУ
«Ненецкий краеведческий музей»

«Красный чум» — центр культурной жизни. Новая Земля,
▼ 1954 г.

им! Восторжествует коллективный труд — по-другому на островах не бывать! Иначе пропадем, как пропадали без власти.

Великие глаголы созидания... За каждый — отвечать делом.

И так через день — трясуший путь от становища к становищу. Сквозь мороз и туман, под незакатным солнцем и в холодных сполохах космического света. Бегут, бегут собачки и взрываются негодующим лаем, пересекая свой вчерашний след. Чу, лай ответный из завидневшегося поселка. А там в каждой избушке — свои погремушки!

Жалобы, просьбы, упреки, презрение, ругань, хохот, визг, рев, плач, пьянь, мат, сумасшествие, поножовщина и дым столбом!

— Третьего дни в Матшаре мужика зарезали...

— Что, совсем зарезали?

— Небось, каши не запросит!

Русские — на ненцев.

Ненцы — на русских.

Светопреставление!

Великая новоземельщина... Тут и ангелу впору попрощаться со своими крыльями.

Терпел. Терпелив был безмерно...

«Меж голодом и холодом сжала меня печаль...»

Новоземельское житье убого. Даже по меркам того времени. Вникни, дорогой мой читатель, в корявые карандашные строчки дневника Тыко Вылки с записями 1926—1928 годов, терпеливо изо дня в день писанные в замороженных промысловых избушках, в сыром холоде парусинового чумка-палатки. Радость в них сдержанна, печаль преходяща, риск обыкновенен, а ожидание — бесконечно:

«30 марта 1925 года. Утром я отправился в дорогу. Была сильная погода (то есть жестокое ненастье). Ничего не вижу, кроме своих собак. Опасная дорога. Так доехали до большой реки с высокими скалами. Вдруг собаки встали. Я выскочил из саней. Они продолжали катиться и столкнули собак с обрыва. Собак не стало видно, саней тоже. Я посмотрел вниз — собаки упали с высокой скалы. Еле были видны. Теперь, думаю, все — пропали собаки, сани, винтовка, бинокль...

22 августа 1926 года. На реке Нехватова. Ветер SO. Сильный. Дождь. В запор попало только четыре гольца. Промышленники угрюмо, печально сидят в своих чумах и избушках. Работы не было никакой...

1 ноября. Утром был туман. Тихо. Мы копали могилу Павлу Немчинову, умершему вчера. Три года очень страдал легкими... Мы хоронили. К полудню туман прошел. Вечером ветер N. Туман...

10 ноября. Ветер S. Тепло, сыро. На море большая волна. Промышлять было совершенно нельзя. С полудня пришел туман. Ничего не видно. Мы сидели в избушке. Ковали ножи. Сушили пимы и малицы...»

Проникая через этот дневник в новоземельские будни, невольно ужасаешься: это не жизнь, это борьба за выживание, борьба на грани голода, в вечном холоде архипелага, где на берегах лежит нетающий снег, а сыпануть свежим может и в разгар лета. Ночные заморозки в июле — обычное дело!

Страшными ветрами подбит этот долгий дневник-летопись, исписанный то карандашом на охоте, то чернилами в островном Совете, иллюстрированный рисунками из жизни: вид из окна на губу, погрузка рыбы в бочки, промысловая палатка, мобильный охотничий скрадок, каменистые пейзажики, рыболовные стоянки...

Новоземельцы обречены жить от милости погоды, природы и снабжения с Большой земли.

Задула новоземельская бора — ни зги не видать. На промысел ехать невозможно. Дуть может и день, и неделю. Люди сидят по домам, занимаются кто чем, коротают время, потому что бродить в снежной кутерьме и полярной тьме — гарантированное самоубийство: вытянутой руки порой не видать! И замерзали насмерть буквально в трех метрах от порога...

Собаки — единственный транспорт на охоте и рыбалке — голодают, слабнут. Спят, свернувшись калачами в сугробах, в холодных пристройках к избушкам. Им отдают остатки супа, немного хлеба, но это лишь для поддержки. С исхудалыми собаками в дальний путь не тронешься — не повезут, не довезут.

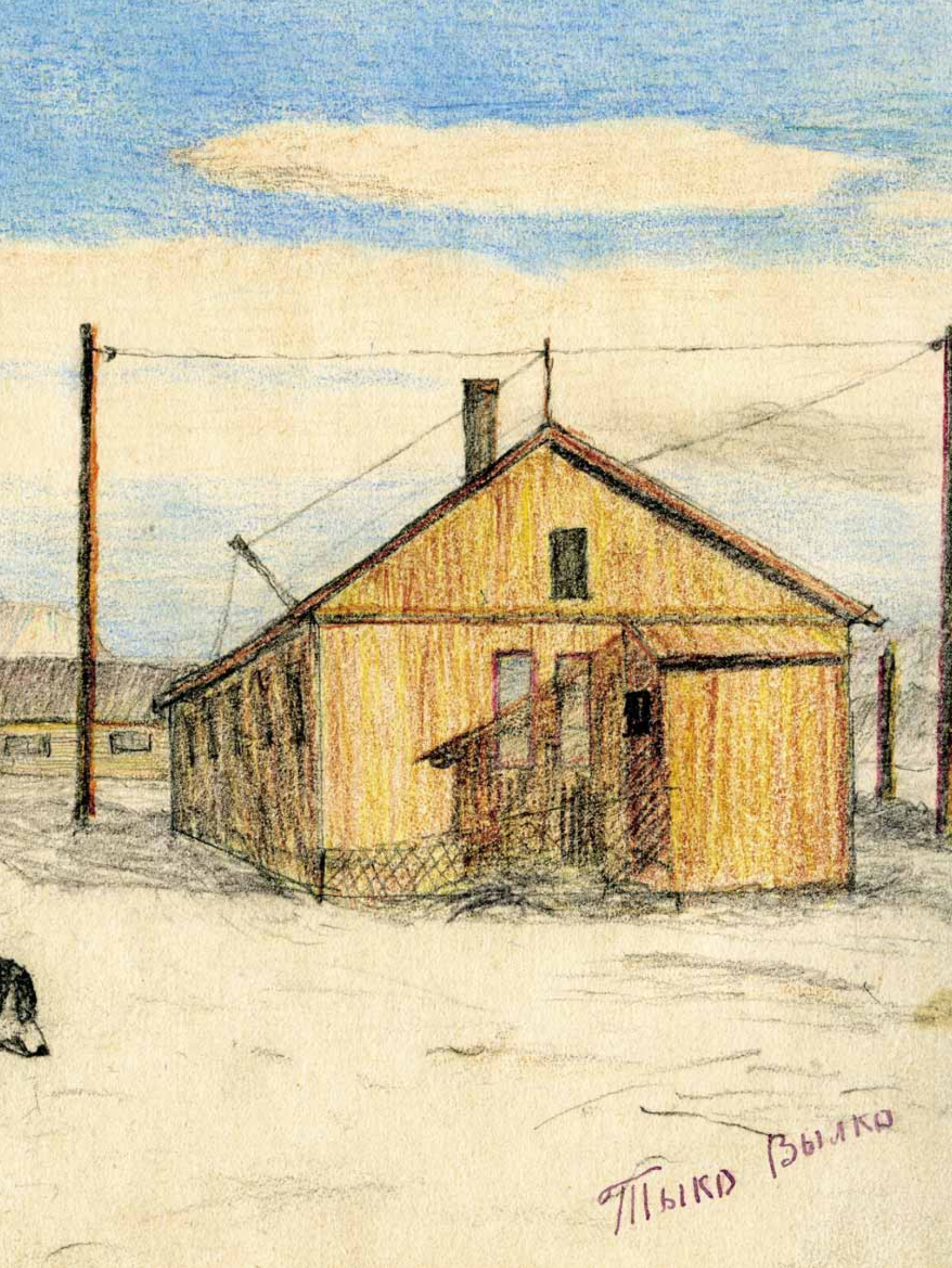

▲ Побережье становища Белушья Губа.
Новая Земля, 1911 г.
Из архива РУ ФСБ РФ АО

Промысловое становище
на Карской стороне. Новая Земля,
▼ 1919 г.

Тыко Было

И. К. Вылка.
Новая Зем-
ля. Лагерное.
Промконтора
Звероторга.
1950-е годы.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

И беда, если придется ехать по рыхлому снегу — тяжело, а случись наледь — изрежут в кровь лапы.

«20 марта 1927 года. Была очень сильная метель. С трудом нашел сани и чум. Дальше собак дороги не видать. Пришлось смотреть ее только по компасу. Место было очень опасное — крутые скалы. С трудом перебрался через реку. Оленей так и не видел. Собаки хватили их дух. Когда пустил собак, вошел в чум, с большой силой ударил ветер. Чум еле держится. Собаки помаленьку в сени подсунулись. Я испугался. Хотел заварить чаю. Невозможно. Я надел совик и подпер чумок изнутри, чтобы не унесло ветром. Лег на порог. Так и заснул. Когда проснулся, ветер стал легче».

После такой пурги отправка на дальний промысел — дело времени: надо найти нерпу на льдах у поселка, откормить собачью упряжку для дальней дороги и только тогда отправляться в путь. На припае в этом случае под выстрел попадает все — от тюленя и белого медведя до чайки и чистика. Все, что шевелится, в Новоземелье — еда! Добрался охотник к морю, а там пришли льды и закрыли чистую воду припая, где обычно

водится-играет морской зверь: «нет воды». Нет удачи!

«13 ноября. Тихо. Пасмурно. Тепло. Люди ездили на море — нету воды. Задул ветер NW. Начало яснить. Несет снег. Целый день чинил сени и крышу. И вечером задумчиво сидел, думая о том, чего не дал людям и семье. Люди получили все сполна. Но семейству моему не хватило. Госторг меня совсем забыл. Год на промысле неудачный...

26 ноября. Очень сильная погода. Ничего не видно. Промышлять никак нельзя. Собаки голодные. Давно не ели мяса нерпичьего. Дома все продуло ветром. Ночью мороз. Окна замерзли.

3 декабря. Волна мешала и ветер, мы вернулись домой без всякого промысла. Очень было нужно кормить собак. Зверя нету. Песцы тоже не попадают. Неизвестно, когда мы будем промышлять. Все время ожидаем. Нету также свежей пищи, нету даже чистиков, гаг и уток.

6 декабря. Втроем отправились на одной лодке. Легче возить. Пришли на припайку, увидели чистиков. Стрелять не стали. Нам нужны нерпы для корма собак желудков. Убили 11 нерп. Мы теперь рады, собак будем кормить. Как только покормим их несколько раз, надо будет отправляться на Карскую сторону».

Насколько здесь жизнь зависима от погоды и случая! Хорошо — повезло настрелять нерп: есть мясо, кровь и жир. Хоть денек, да живем! Взбодрились сытые собаки. Весело тащат сани. На промысел! Здесь забот — успевай оглядываться! Надо готовить песцовую приваду из нерпичьего жира или медвежьих кишок, расставлять капканы, искать оленей, читать следы на снегу, наводить порядок в промысловых избушках, убирая следы медвежьего разбоя, пережидать пургу в палатке, терпеть и верить в удачу. А за относительным благополучием удачного промысла — новые заботы!

«22 марта 1928 года. Пришел к становищу. Вижу, почему-то мой дом низкий. Хорошо всмотрелся — крыши нет, все разорвано. Я испугался. Думаю, наверное, кто-нибудь убился, или жена или сын. Собаки мои остановились. Они почувствовали, что случилось что-то нехорошее. Собаки умные. Все тут прибежали сказать: на твоём доме крышу ветром сорвало и вынесло напроць все имущество. Я сначала подумал, что порохом разорвало дом. Оказалось — ветром...»

Понятие конечности не входит в сознание новоземельца. Он — льдина, дрейфующая в океане...

«15 декабря 1926 года. Никуда не ездили. Мороз. Хатанзей сидел у меня, он говорит: продай винтовку какую-нибудь. Я продал винтовку за 10 фунтов масла.

18 декабря. Ветер О. Несет снег, и худая пасмурная погода. На море промышлять невозможно. Вода есть — зверя нет. Собакам корму не можем достать. Ехать в дальнюю дорогу нельзя — собаки голодные. Целый день делал печку из железного листа для промысловой избушки — мои товарищи заказали.

26 декабря. Утром ясно, тихо, мороз. Товарищи поехали на промысел при лунном свете. Я не хотел в темноте пугать зверя, но пришлось тоже идти. Нерпы было много, но в темноте убили только 17 нерп. Василий Артеев на припайке убил 20 нерп.

12 января 1927 года. Очень сильная погода. Ехал при такой погоде с хребта при помощи компаса — ничего не видно. Нашел оленьи следы. Обрадовался, остановился. Ничего, кроме собак, не видно. Поставил палатку. На ночь сделал отдых. Накормил собак. Поставил примус. Начал заваривать чай. Сажу задумчиво. Что будет? Найду ли промыслу? Меня сжала печаль...»

Нет на Новой Земле никакого XX века с его прогрессом — самолетами, паровозами, радио, электричеством. Нет музеев, библиотек, театров, симфонических оркестров. Нет мечтаний Циолковского, прозрений Кюри, озарений Эйнштейна. Ничего на Едэй-Я нет, кроме тягучей заботы о выживании, въевшейся в покрова существования. Да и оно само дальше рук не смотрит...

«10 декабря. Ветер S. Метель. Ничего не видно. Я никуда не ездил. С Василием Ардеевым возили на собаках дрова для школы. Люди вернулись с моря, говорят: воды нету. Начали нам помогать таскать из-под снега дрова. Время сейчас самое темное, далеко ездить невозможно. Поправлял винтовку. Когда ездил на Карскую сторону, перевернулся четыре раза...

Вечером показывал ребятам на стене «туманные картины на фонаре». Фонарь (проектор) делал сам из дерева и стекол подзорных труб. Ученики смотрели внимательно, потом читали книги...»

Все записи в дневнике Тыко Вылки одинаковы, как военно-морской рапорт: погода, ветер, порядок действий и лишь изредка — планы на завтра. Но едва речь заходит о детях, тут слог новоземельского главы оживает и становится богатым на детали — ребятню Илья Константинович любил, берег, лелеял.

«30 ноября 1926 года. Приехал домой. Кормил собак. Напился чаю. Пришли из школы ученики. Говорят, что уборщица дает им мало супу, всего по полтарелки. Я спросил: может быть, в котле мало, мало варят? Они ответили, что много и много остается, но им не дают, а все выставляют собакам конторы Госторга. Дети сказали, что не просят сладкого, а хотят побольше супу... Пошел разбираться в школу. Уборщицы уверяют, что дети едят досыта, котла хватает, и зря ребята жалуются. Я сказал так: сытые, они бы не стали мне жаловаться, и то, что говорят уборщицы, неверно. На этом кончил свои слова.

1 декабря. Когда вернулся с моря, пришли ученики, каждый говорит, что в школе теперь все хорошо, супу дают много, сами черпают.

8 марта 1927 года. Пасмурно. Метель. Никуда не ездил, болело в груди. На ветру дышать было трудно. Рано утром учитель ушел искать песка. Вечером я пошел к фельдшернице лечиться — у меня температура 38 градусов. Школьная уборщица сказала, что учитель до сих пор не вернулся, наверно, заблудился. Через час пришли ребята, сказали, что учителя все еще нет. Пришли мои товарищи — надо искать. Я поехал, хоть был болен. Искали — не нашли.

9 марта. Иван Ледков нашел учителя на реке Юнко в девяти верстах — он ночевал в снежной яме».

...Меня сжала печаль...

Особенности национальной политики

Дневник Тыко Вылки бесхитростен и уравновешен. В нем нет размаха эмоций и глубины размышлений. Только констатация фактов, беспристрастная фиксация событий. Все конфликты, бушевавшие в стакане воды, — как на ладони.

Один из них, имевший корни свои в напряженных отношениях русских и ненцев на архипелаге, закончился печально. Катастрофа — всегда результат системной ошибки, рожденной суммой причин. Как говорят, получили, чего не хотели...

Итак, муторная и запутанная суть без явного пролога.

«28 июля 1927 года. Пока мы стояли пароходом в Малых Кармакулах, все два дня я делал доклад, чтобы ловить рыбу артельно. Кармакульские самоеды не соглашались с русскими. У них зимой было собрание. На нем они постановили не больше не меньше как одного русского промысловика выселить. Теперь Долгобородов выезжает в Архангельск. И Михайло Кузнецов тоже уезжает, его тоже не хотят принять в артель. В конце концов согласились принять Ивана Колосова. Все русские промышленники поедут промыслять рыбу на Пуховую реку.

29 июля. Пароход пришел в Маточкин Шар. Делал доклад в артели. Самоеды-промышленники спрашивают, нельзя ли им поехать ловить рыбу и промыслять в губе Митюшихе? Но там надо ставить избушки, а материала на постройки нет. Перебираться туда на карбасах трудно. Волны бывают очень большие. В карбасе нельзя поместить все: муку, бочки, собак, семьи, сани, лодки. Из-за этого, говорят, мы все время сидим на одном месте. Русские промышленники хотят ехать одни, без семьи, так-то, конечно, можно промыслять удачно. Они сказали: «Мы надеемся, что СССР, наверно, нам сделает когда-нибудь промысловый пункт в Митюшихе. Домов хороших не просим, хотя бы доски завалить землей (сделать землян-

▲ Илья Вылка и его сыновья: Иван, Иосиф, Афанасий. Архангельск, 1936 г. Из фондов ОГУ «Ненецкий краеведческий музей»

И. К. Вылка у своего дома. Белушья Губа, Новая Земля, 1954 г.
▼ Из фондов АОКМ

ки)». С моим докладом все согласились. Я сказал, что они могут получить все только тогда, когда будут промышленять артелью.

7 ноября. Погода начала задувать. Вечером учитель показывал «картины туманные». Про Октябрьскую революцию. Все становище смотрело: и женщины, и дети малые. Я заметил, что одна русская девочка между учениками ведет себя некрасиво. Если так будет продолжаться, то ее придется выселить в дом агента Госторга, чтобы она не мешала самоедским детям. Ученики пили чай с молоком, все довольны питанием и сытые.

22 ноября. Вечером было собрание. Меня выбрали председателем, учителя — секретарем. Присутствовали взрослые и ученики. Разбирали недоразумения с Федором Колосовым, братом агента Госторга, дочкой Елизарова и учениками в школе, вопрос о привадах и распределяли хлебное вино. Собрание вел очень горячо. Нельзя бить кулаками — мой сын лежал помертвевший. И других учеников Колосов всех перебил. Он и дочка Елизарова, если будут себя так вести дальше, то сообщу родителям в Малые Кармакулы и отправлю их туда, чтобы не мешали школе. Семен Ледков сказал: не было раньше такого, нельзя малых детей трогать. Михаил Ардеев сказал: это совсем нехорошо так, он может ногу сломать кому, надо отправить Колосова в Кармакулы, где больше русских. Постановили: предупредить об отправке к родителям.

Постановили учеников учить несколько раз в день: утром после чаю и после обеда. Распределяли хлебное вино. Один решил получить домой все разом. Другие оставили на складе. Но их предупредили: по ночам к агенту за вином не ходить.

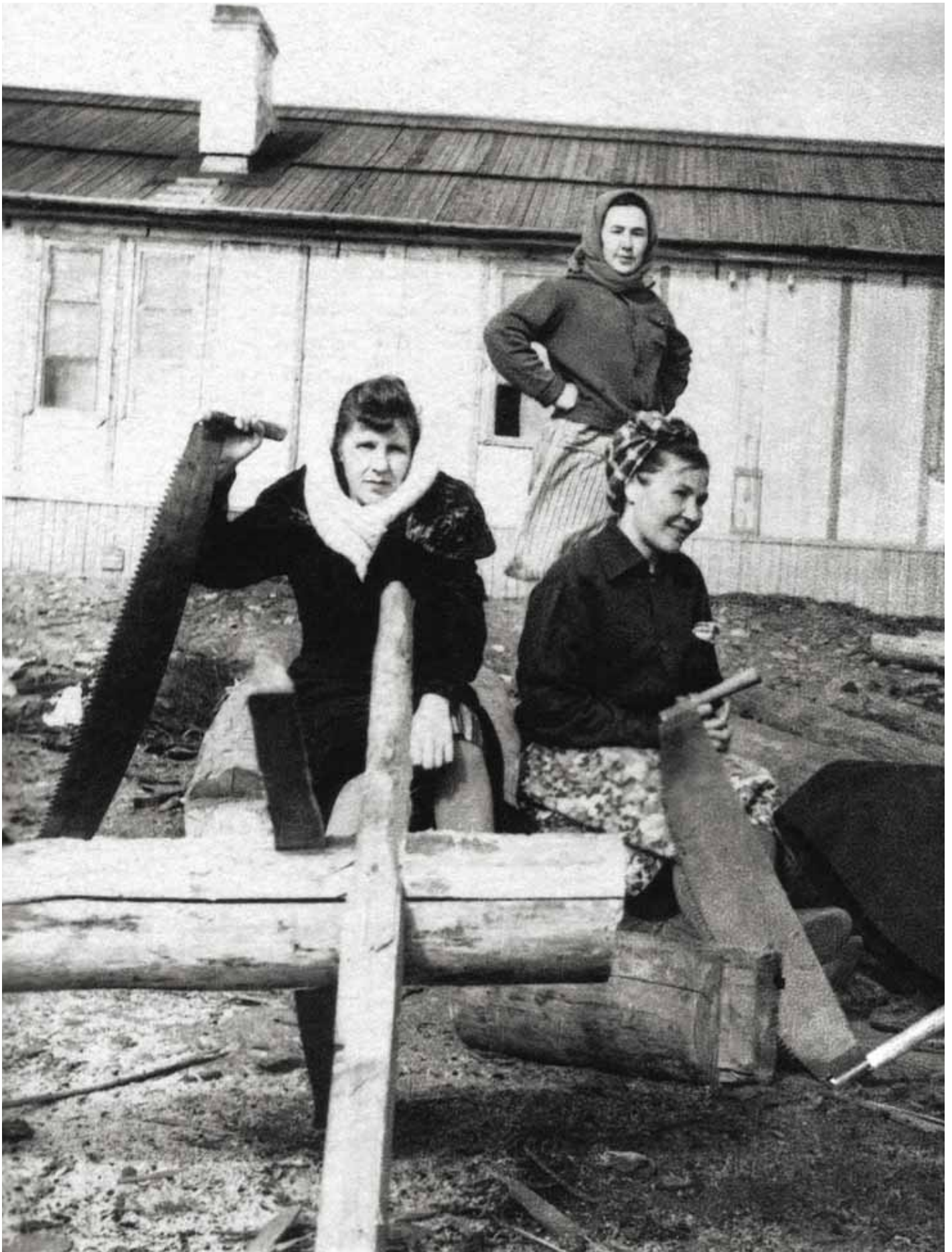
4 декабря. На собрании слушали дело по дочке Елизарова. Учитель Пучнин сказал, что ее очень обижают. Ученики сказали, что она плохо себя ведет, врет и наговаривает на них. Я сам видел, как она ходила по школе с ножом. Разве так можно? Я сам детям говорил и своих ругал — не трогайте ее, и она к вам не полезет. Выход один — выселить ее из школы, как худое яблоко. Аким Пырерка сказал, что она и в Красино тоже вела себя некрасиво, приступала на старуху... Постановили выселить в Кармакулы к родителям, чтобы не мешала самоедской ребятне. Я напоследок сказал ученикам: одумайтесь, будьте умнее, не ругайтесь между собой, не деритесь, малых не обижайте, не спорьте, не губите друг друга враньем.

8 декабря. Ученицу Елизарову выселили из школы, отправили к отцу в Кармакулы. Она совсем нехорошо живет в школе: других губит, наговаривает на учеников агенту Госторга и учителю, а те потом ругаются на учеников. Я их защищаю, потому что они не виноваты.

10 декабря. Собрание в школе — 13 взрослых и ученики. Разбирали самовольный суд агента Госторга Кирилла Колосова над учениками школы. Учитель Григорий Пучнин сказал: «Вчера Колосов побил мальчика, который приступал к русской девочке. Но разве так можно — по носу кулаком? Если синяки будут — отец увидит, что скажет?» Семен Ледков сказал: «Вы будете самоедских ребят бить, а мы будем молчать? Вы будете кричать, давить словами, а самоеды — как хотите? Ежели так, мы все возьмем ребят по домам, потому так дальше нельзя жить. Я возьму сына и дочку, агент всех хочет убить, ребят в школе перепугал...» Слово Ильи Вылки: «Может быть, я плохо поступаю — выбирайте другого председателя, который будет поумнее. Я же хочу защищать своих учеников и промышленников. Меня поставил на эту работу Комитет Севера. Немыслимо агенту, взрослому человеку, драться с маленькими мальчишками. Есть же островной Совет, есть родители. И ведь эти мальчишки привезены сюда из других становищ, они здесь чужие, приезжие — нет такого закона, чтобы их бить. Нельзя ругаться, бить кулаками — неужели мы будем молчать? Не дадим такой воли. Неужели я не буду защищать малых ребят?» Постановили: агенту Госторга к ребятам не лезть, а обо всем говорить председателю островного Совета.

23 марта 1928 года. Было собрание. На повестке — всякие мелкие дела: по поведению фельдшерицы школьной, по разрушенному дому Вылки, по дракам в школе. Я сказал: «Товарищи, надо фельдшерицу отправить в становище Красино ввиду того, что здесь ее убьют — будет всегда руганье и будет битье. Промышленники единогласно согласились. Ледков Иван согласился отвезти ее в Красино. Постановили: фельдшерицу Рюмину Александру ввиду недоразумений со служащими школы отсюда выселить, так как она ловит ребят самоедских и это им не нравится».

На следующий день собрание продолжилось. На нем речь снова зашла о фельдшерице, которую «колотили» и третировали. Четырьмя днями позднее на очередном собрании — тот же вопрос. «Постановили: как наступит хорошая погода, Рюминой — ехать... Общее заявление колонистов: фельдшерицу в школе смирные ребята любят, привыкли к ней. На следующий год ее снова можно принять в школу...»

Распиловка
дров в посел-
ке Лагерное.
Новая Земля,
1956 г.

Но, снявши голову, по волосам ли плакать... Итог «противостояния» трагичен.

«20 апреля. Заболела одна женщина при родах ребенка. Не могла родить. Фельдшерицы нет. Она, была бы здесь, наверно, помогла бы. Осталась бы — лечила бы. Теперь никто не хочет лечить. Фельдшерицу выгнали школьные служащие. Я хотел удержать ее. Школьные служащие не давали ей дров и воды, хотели колотить поленом по лицу.

21 апреля. Утром больная женщина умерла. Ребенок родился мертвым. Помощи нет...

4 мая. Собрали 4-й съезд Новоземельского Совета. Кроме делегатов были частные лица, чтобы знали все. Заседание шло с утра до ночи. Пришлось много говорить. Много говорили против меня русские промышленники, говорили про пиво, о шкурах и о школе. Желают выбрать нового председателя, но самоеды не хотят. Их и этот хорошо защищает. Выбрали заместителя председателя — Семена Ледкова. Но самоеды не согласны: он — русский. Говорят, что Семен — нехороший человек, особенно его жена, мутит школу самоедов. Я не хочу оставлять пост, покуда Советская власть будет помогать. Зимой я проводил много собраний, чтобы помирить людей. Это не нравилось. Поэ-

тому и на съезде заявляют против меня.

Делегат из Малых Кармакул Елизаров говорит, что всех самоедов надо со становища выселить, чтобы ни одного самоеда не было. Другой делегат говорит, что так поступать нельзя. Мы не хотим выгонять русских, так же и они не должны выгонять самоедов. Мы должны считать друг друга товарищами. Они, наверное, потому хотят выбрать нового председателя, чтобы выгнать всех самоедов в одно место. Это старый разговор...»

Скучная история заполярной свары, в которой смешались мелкие обиды тесного общежития и проблемы крупного помола. Все мелкотравчатые войны народов начинаются с замечания чужому ребенку, с косого взгляда на чужую женщину. Дальше — дело азарта.

На Новой Земле взаимная неприязнь русских и ненцев осталась за рамками тех лет и исторических исследований. Ничего полезного и умного мы там не найдем, кроме мудрости и порой бессилия Ильи Константиновича удержать людей от звериных поступков. И если впредь, дорогой мой читатель, тебе шепнут, что один народ лучше другого, то посмотри на себя со стороны: не хвост ли пришивают?!

Много грязи повидал Вылка, да не испачкался...

На кремлевском ковре

Далека дорога в Москву, словно на другую планету. Русанова теперь нет в проводниках по Большой земле. Самому же с непривычки неуютно в шумном, людном и звучном краю — башка кругом, отвык!

В Архангельске товарищи из облисполкома, собираясь проводить Илью Константиновича до железнодорожного вокзала, на фибровом чемодане написали ему крупно «Тыко Вылко» (так «на слух» по документам была записана его фамилия — ныне юридически точна!). На прощание заверили: «Не беспокойтесь, товарищ Вылко, в Москве вас встретят. Вы только чемодан с вагоном не забудьте». Тыко понимает, что чемодан в столице — не мешок, убежавший с саней в тундре: потеряешь — приберут. И не ищи...

В пути он по-хозяйски мудро завернул чемодан в толстое одеяло и крепко перетянул дорожными ремнями: так-то аккуратнее будет, не поцарапается, не попортится, небось.

В Москве на платформе Вылка долго стоял один. Уж и приехавший люд весь стек в город, и вагоны угнали на запасной. Только тут достиг его «московский товарищ»:

— Вы товарищ Вылко?

— Я.

— У нас уговор был с Архангельском, что вашу фамилию напишут на чемодане!

— У меня и написано...

Эх, Тыко, ох, Вылка! Со льда да в полымя! Ладно, поехали Москвой...

Столицы не узнать, изменилась за прошедшие двадцать лет. Это только сонный Архангельск плывет пиленой доской по гладкой воде... Полжизни, казалось, Вылка не был в людном котле столь памятного ему города. Он сам стал другим, и Москва не та. Не надо и глаз разувать, даже в ненецкий прищур все видно...

И. К. Вылка.
Пейзаж с пти-
цами.
1950-е годы.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

С кремлевских башен скинули орлов, куранты отколоколивают «Интернационал», ленинский мавзолей взгрудился под кирпичной стеной цитадели советской власти. Автомобили, автобусы и трамваи потеснили разбитных и угрюмых извозчиков. Ночами светло от электричества.

Пооблезли храмы, зато тесно от вывесок конторских, магазинных, ресторанных, трактирных, чайных и прочих съестных мест, куда бежит подхарчиться командированный люд. Суетно, шумно, едят и читают на ходу! Где не крик, там скандал — перехлестнулись да разбежались. Большой птичий базар эта Москва...

Учреждений и организаций развелось — впору отстреливать! Бюрократия со вкусом: без роскоши, но с кипучей деловитостью. Начальство молодо, деловито, энергично, хоть и брюшко солидности наедает. На слово скупое, болтовней не болеет, в делах, как в шуге, барахтается. Те, что зубасты да разворотисты, моржами ворочаются, а сошки поменьше — морскими зайцами по канцеляриям снуют: в своей воде!

Улицы московские — гольцовый ход! Прут, топочут по брусчатке, из-под самых колес порскают. Попроще и посуетливее стала публика, спешащая по своим неотложным делам в толстовках, матросках и костюмах-френчах на военный фасон. Простонародней, грубей стали манеры — все запросто! Вместо учтвого «извините» нахальноватое московское «извиняюсь»... Глубинная Россия разбавила чопорную и вальяжную патриархальность столицы своей разбойной и дерзкой медвежьей кровью.

В этой московской толчее Вылка — не потерянным грошом. Густым, кирпичным новоземельским загаром сияет, как медный пятак: жарко с непривычки. Еще бы! Идет-то не куда-нибудь, а на доклад в Комитет Севера при ВЦИК — отчитаться и потребовать. Он — власть новоземельская. На вверенном ему архипелаге дел — путиной! Все надо ставить заново — от сетей до больниц и новых становищ.

Выступил — не мешком вывалил, обстоятельно: вот товаром первосортным — достижения, а вот и липты дырявые — не чинить давай, а новые шить! Увидел: проняло, зашевелились. Зазвучало: «Надо решительно помогать, товарищи! Люди там бьются, как рыба об лед! Крайний Север — важное направление в развитии страны. Спасибо, Ильяс Константинович, о нашем решении мы вам сообщим...»

Но чувствует Тыко — мало, выжмем-ка рукавицу досуха! К самому «всесоюзному старосте» Михаилу Ивановичу Калинин уехал. Вышел к нему Петр Гермогенович Смидович, ясаваем ведущий аргиш проблем заполярных. «Товарищ Вылка, Михаил Иванович вас хвалил, доклад читал, все подписал, вопрос на контроле: требуемое будет предоставлено все, до последнего гвоздя. Завтра Калинин вас примет — есть минутка, не более. Извините, уважаемый, дела!». Да, эти мужики пустым бойком не чикают...

И кто как не председатель ВЦИК выслушает, покритикует, посоветует и поможет? К нему с вопросами и ответами едут люди со всех концов державы. На нем тяжкое и ответственное бремя работы с делегатами народов СССР. Как берега реки Михаил Иванович — держит русло народной жизни, не дает потоку стать бешенством половодья: контролирует и направляет. При внешней мягкости и интеллигентности — сугубая сталь счетной машины и богатый опыт знания людей. Голова! Людей не веревками вьет — крепкие узлы из них вяжет. Минуты лишней не сожжет...

Не веревкой и Тыко подпоясан — хваткую московскую манеру на лету берет в оборот, мешая провинциальную лесть с известной постановкой вопроса: проси больше — дадут меньше.

— Здравствуйте, Михаил Иванович, великий человек!

Калинин прост обличьем: в темной гимнастерке, потертым ремешком перехваченной по-фабричному. На диванчик присели, беседой золотую минутку растерли. Выслушал Калинин, вникая, не пустым советом укрепил, горизонты растиснул — большое смотри на расстоянии: «Не отрывайся от народа, служи ему, народ тебе поможет. Работы не бойся, организуй артели, тогда у вас и моторы и дома будут...»

«До той встречи с Калинин, — вспоминал Ильяс Константинович, — была у меня мыслишка: поеду на Печору, трудно на Новой Земле. С народом работать опыт коплю, да, видно, не накопил еще. Но по-видал Михаила Ивановича, посмотрел, послушал, как беседует с народом, и мыслишку ту откинул. Нехорошо работу бросать. Поставлен народом на нее. К свету идем!»

Расстались довольные друг другом. Руку на прощанье подал, а глаза Калинина уж другие проблемы застят, отдалился мыслями. Не прост — велик!

И Вылке недосуг московские баранки грызть у сверкающих самоваров. Дела справил, гостинцев накупил, билет в зубы и — «на паровоз». На железных колесах поезда, на стальном борту парохода — к Новой Земле с добрыми вестями. А навигация им цену покажет...

И показала! Сгружали по осени с парохода моторные катера, стройматериалы, рыболовное и охотничье снаряжение, одежду, продовольствие. У экспедиторов «птички» — по каждому пункту. С тех пор Вылка отказа в Архангельске не знал — все пробивал, с пустыми руками не возвращался. На одном только споткнулся: не дали новоземельцам штатную единицу парикмахера. Сам стриг стариков и парнишек в модную на островах скобку...

Быль залива Чекина

Жили на Новой Земле всяко. Трудное перемогали. Горькое глотали. Голод терпели. Горе мыкали. Радостей — с фонарем керосиновым поищи... Трагедии, случавшиеся на становищах, забывались скоро. Еще быстрее ураганы сносили пирамидки с каменных могил. Одну из таких ужасных историй, связанных с Тыко Вылкой, со слов очевидца поведал писатель Юрий Казаков.

В охотничьей избушке в заливе Чекина жила семья Миллера: отец, мать и четверо детей. Стол, нары да оленин шкура на стенах — вся обстановка, а за стеной в холодной пристройке — собаки. Однажды мать слегла с жестокой простудой, и глава семьи побежал к охотнику Ивану Тимофеевичу Филатову, жившему неподалеку, за помощью.

Тот быстро собрался и сквозь полярную ночь в разыгравшуюся пургу уехал на полярную станцию мыс Выходной за врачом Синявским. В дороге заблудился, упал со скалы вместе с упряжкой, однако через шесть дней добрался до станции. Врача там не оказалось — уехал к другому больному. Но Филатов застал там Тыко Вылку, объезжавшего избушки и фактории. Узнав, что у Миллера больна жена, Илья Константинович немедленно отправился в залив Чекина. Через ночь и пургу на упряжке из шести собак — большего числа он не запрягал.

Женщина же через несколько дней после отъезда Филатова умерла. Отец семейства впал в отчаяние. Пил спирт, рыдал, забывался, снова пил и бился в пьяной истерике, крича перепуганным малышам, что скоро все они умрут. Буран неистовствовал. Избушку заметало воющим снегом, словно пурга грызла стены и двери. Они вздрагивали под порывами и скрипели, как живые, будто дом собирался раскатиться по бревнышку. Дети, кучей забравшись на нары, тихо плакали, обняв друг друга.

Помешавшийся от горя, спирта и полярной ночи отец, чтобы не видеть, как погибают его малыши, решил кончить все разом. Принес бидон с керосином, собираясь разлить его по избушке, чтобы сжечь детей и самому сгинуть в огне.

В это время Вылка, приехав к заливу Чекина, избы не нашел — выше трубы занесло ее снегом! Уложив собак отдыхать, Илья Константинович начал хореем пробивать снег в том месте, где, по его расчетам, должен был находиться дом Миллеров. Память его не обманула. Хорей торкнулся в крышу. Вылка разгреб снег, отодрал доски, зовя отца семейства откликнуться. Тот сам выломал пару досок, и Тыко ввалился в избу, мгновенно осознав, насколько вовремя он приехал. Плачущие дети, бидон с керосином, сумасшедшее лицо Миллера... Все было понятно без слов. Вылка взмахнул руками, забегал по избе.

«Саша, ты что задумал! — кричал он. — Жить надо, терпеть надо, детей спасать надо!»

Тыко Вылка суетился, взволнованно метался по избе, заложив руки за спину, и то ругал Миллера, то сострадал ему, то жалел покойную Евлампию, которая, окоченев, лежала тут же, в холодной, не топленной много дней избушке.

Вылка принес хлеба, мяса и дал детям, потом заставил отца вылезть наружу, вылез сам, и они принялись вместе откапывать избушку из-под снега. Очистив трубу, затопили печь, стали варить обед. Вылка пел грустные ненецкие песни и все говорил Миллеру, что тот не имеет права предаваться отчаянию, что он новоземец, мужчина. Вылка жил в избушке до приезда Филатова с врачом, а когда те прибыли, немедленно отправился за 160 километров на факторию Пахтусова и приказал заведующему Ивану Лодыгину обеспечить семью Миллера продуктами...

Дорогой мой читатель, если слеза твоя сейчас не упала в эту книгу, то сердцу твоему уже не помогут никакие доктора...

От малого — к великому!

У новых правителей России дело в Арктике подвинулось не сразу. Государство и губернская власть пытались сугубо бюрократическими методами решить комплекс проблем освоения северных островов. Перестройки аппарата порой напоминали сюжет крыловской басни «Квартет». Тема дальнейшего развития Новой Земли требовала прежде всего стабильного и полнокровного финансирования. Одержать победу можно было только экономическими мерами и тем самым получить нужный политический эффект государственной значимости. Но денег в пустой казне молодой державы не было. Жизнь северных островов губернии катилась от навигации до навигации без перемен. И все же чуть-чуть — под уклончик...

Характерно, что даже в первой половине трудных, голодных, холодных 1920-х годов население архипелага, наслышанное о послевоенной разрухе и бардаке на Большой земле, было настроено оставаться на островной суше. На материке их не ждали, а в становищах все было привычно и понятно. Трудности быта и промысла не пугали:

- Дули на морозе в когти — без рук не остались!
- Проживем — не оскучаем!
- От добра не бегают, хоть и дыряво...

Наверное, в эти годы новоземельцы (почти 200 человек), населявшие острова, впервые осознали эту суровую землю своей малой родиной. Они предпочитали барахтаться в своих ежедневных заботах о пропитании и доходе, нежели ехать в Архангельск навстречу неподъемным проблемам.

Считанные пароходы по-прежнему являлись на рейды становищ, сгружая ходовой товар и грузы первой необходимости: ружья, охотничьи припасы, капканы, сетное прядено, материалы для изготовления лодок, готовые карбасы, выделанные оленье шкуры для пошива одежды. В опустевшие трюмы принимали отменный промысловый продукт: шкуры белого медведя, белого и голубого песцов, пендуков (молдых песцов), крестоватиков (песцов на определенной стадии развития), волчи, пыжика (новорожденного оленя), неблюя (молодого оленя), оленье, «телячьи», камусы (шкура с нижней части ног оленя), мешки с пухом, полупухом, оленьей шерстью и птичьим пером, ящики с яйцами гагарки, бочки с оленьим мясом, гольцом, шелягой (сырым салом морского зверя), медвежьим салом, с солеными шкурами и топленым салом морзверя.

За будничными делами колонисты как-то не замечали, что житье их без должной поддержки материка становится все более скудным и примитивным. Плохая связь между становищами, недостаточное медицинское обеспечение, снабжение, едва удовлетворяющее часть насущных потребностей, в совокупности с отсутствием финансирования колоний, мер по оздоровлению жизни и организации населения вели к тому, что явный упадок новоземельских промыслов прогрессировал.

Новоземельцы брали инициативу в свои руки, пытаясь разумно использовать имеющиеся резервы. Так, 6 августа 1924 года в становище Белушья Губа на общем собрании самоедов была образована первая трудовая промысловая артель. В нее вошли одиннадцать промышленников со своими сетями, лодками и карбасами. «Обсуждали районы промыслов на текущий год. Постановили ловить гольца запором и неводом, охотиться на нерпу, оленя и гуся. В промысловый сезон выловлено у реки Нехватова 37 бочек гольца, в Поморке — три бочки. В море у реки Нехватова выловлено 25 бочек. Результаты промысла распределялись поровну между всеми артельщиками...»

Годом позже аналогичная артель из пятнадцати человек была организована и в Малых Кармакулах. Паи здесь делились по реальному вкладу и усердию.

Люди брали будущее в свои руки. А губернская власть, выстраивая экономику региона, намечала контуры новой волны новоземельской колонизации.

Перемены к лучшему в системе управления и в социальной сфере северных островов стали заметными с 1925 года. Безвременье и промышленный обморок закончились. Наступило время работать и зарабатывать, полагаясь на свои руки и голову Архангельска.

От малого — к великому!

Промышленников-новоземельцев перевооружили, постепенно заменив устаревшие винтовки Гра, Бердана и Ремингтона, снятые с армейского вооружения тридцать лет назад, на трехлинейные винтовки Мосина.

▲ Новоземельцы
Белушьей Губы.
1949 г.

Последний «президент Новой Земли»
Николай Бурдилов с собачьей упряж-
кой. Белушья Губа, 1954 г. ▼

А.Б. 1911. 2 IV.

◀ А. А. Борисов.
Торосы с сидя-
щим самоедом.
1901. Из фон-
дов ГМО «Ху-
дожественная
культура Рус-
ского Севера»

Дома для переселенцев проектировались и возводились с учетом особенностей жесткого климата. Они были рубленые деревянные одноэтажные, без окон в восточной стороне (из-за направления господствующего ветра). Вход — со стороны запада. Стены с внутренней стороны — оштукатуренные, снаружи — обитые толем и досками. Крыша оцинкована железом или проложена досками в два ряда. Отопление — русскими печами. Двойные стекла в каждом переплете. Переплеты — с поперечными горбыльками о шести стеклах. «Дома должны быть срублены в Архангельске, перевезены и установлены на Новой Земле», — гласила пояснительная записка Государственной торговой экспортно-импортной конторы, в подробностях описавшая все особенности их проекта.

На радостях преувеличивая (для красного словца!), Тыко Вылка восклицал: «Наша Белушья совсем большим городом стала — сто домов!»

В 1925 году впервые за минувшие пятнадцать лет на северных островах, где население освобождалось от налогов, было основано новое становище — Красино, знаменовавшее реальные шаги власти по дальнейшему заселению архипелага. Поселок расположился на берегу Черной губы. Вначале в нем поселились и русские и самоеды, но годом позже из-за обострившихся отношений ненцы покинули становище.

Трения между колонистами объяснялись сложным социально-психологическим климатом, разностью национальных культур и ментальных притязаний и проявлялись, главным образом, в бытовых стычках по разным поводам. Это привело к тому, что на островной территории стали складываться чисто русские и ненецкие поселения.

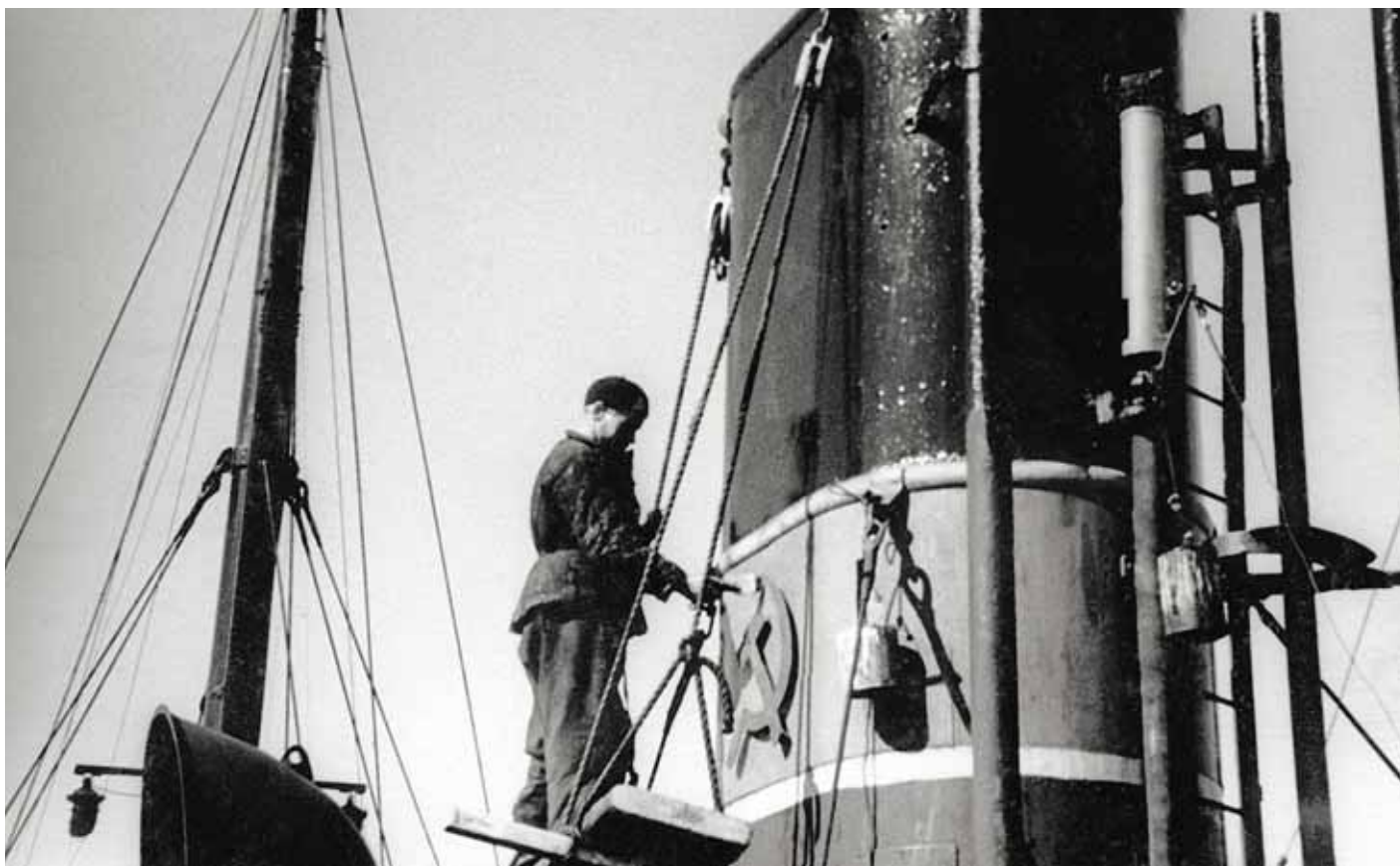
Архангельские чиновники осенью 1926 года, возвратившись из инспекторской поездки на Новую Землю в поморскую столицу, свидетельствовали: «Взаимоотношения между русскими и самоедским населением на о. Новая Земля ни в коем случае нельзя назвать нормальными. В тех становищах, где есть преобладание русского населения (Малые Кармакулы, Красино), наблюдается уход самоедов в места, где русских мало или совсем нет. В тех же становищах, где преобладают самоеды, очень выпукло проявляется стремление выжить русских. Главной причиной следует считать стремление русских любыми путями обмануть самоедов, эксплуатацию самоедов на артельных промыслах, приставание пьяных русских к самоедским женщинам...»

Не стоит обольщаться по поводу новоземельских нравов тех лет — святые там не жили, это точно. Национальные черты здесь ни при чем. Как всегда, при освоении дикой земли многое решали характер, напор, грубая сила, набор агрессивных черт, позволявших противостоять природе, добывать хлеб насущный и, главное, — отстаивать свои интересы в крохотном сообществе колонистов. К 1929 году в становищах будет жить всего 192 человека, в их числе 60 русских и 120 ненцев, остальные — люди других национальностей. Жили в пространстве огромной земли кучно, а потому знали друг друга не только в лицо — подноготню, до последних портянок...

Во власти крепло убеждение, что колонизация Новой Земли идет с учетом интересов самоедского населения, причем предпочтение отдавалось ненцам как людям, наиболее приспособленным к жизни в тяжелых полярных условиях. Перепись населения того времени показывала, что основу новоземельских поселений составляли именно ненцы.

Развитию Новоземелья способствовало Постановление ВЦИК от 15 апреля 1926 года «Об объявлении территорией СССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане». Оно заявило права СССР на «все как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане, к северу от побережья Союза ССР до Северного полюса в пределах между меридианом тридцать два градуса четыре минуты тридцать пять секунд восточной долготы от Гринвича, проходящим по восточной стороне Вайда-губы через триангуляционный знак на мысу Кекурском, и меридианом сто шестьдесят восемь градусов сорок девять минут тридцать секунд западной долготы от Гринвича, проходящим по середине пролива, разделяющего острова Ратманова и Крузенштерна группы островов Диомиды в Беринговом проливе».

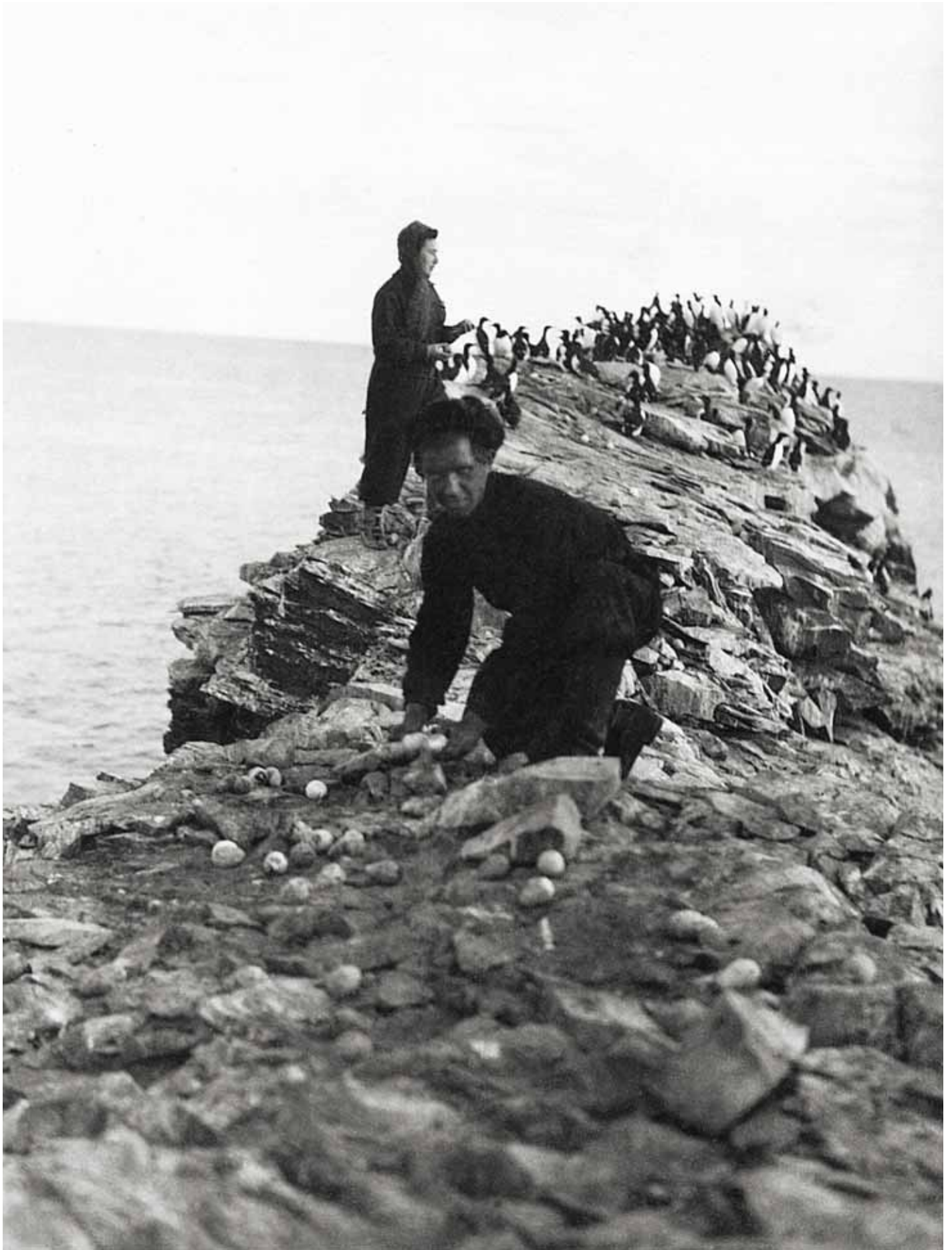
Международное право ранее скептически смотрело на все границы в Арктике. С его точки зрения было важно соблюсти триединство присутствия флага, постоянного населения и нотификации закрепления территории. Но с середины 20-х годов главным стал факт постоянной и непрерывной деятельности на территории, очерченной границами. Неважно, будет это город, порт, обсерватория, радиостанция или стано-

▲ На пароходе.
Белушья Губа, Новая Земля,
1953 г.

Горы Новой Земли,
1910-е годы.
▼ Из фондов АОКМ

Сбор кайровых
яиц на птичьем
базаре.
Белушья Губа,
1950 г.

вище. Существенно одно: там должны были круглогодично находиться граждане страны, объявившей себя сувереном территории. Факт присутствия стал определяющим и в истории Новой Земли.

Повышалась статусность новоземельского колониста. Для этого были разработаны и внедрены новые правила въезда и поселения на территории островов Северного Ледовитого океана. По ним каждый колонист, приезжающий на срок не менее пяти лет, получал денежное пособие в размере пятисот рублей, а постоянные жители освобождались от воинской повинности. В районах промыслов установили жесткие сроки лова и охоты на морского зверя, рыбу и птицу, начав активную борьбу с браконьерством и хищничеством. Падение объемов добычи уже напрямую связывали с уроном, наносимым бесконтрольным отстрелом животных и выловом рыбы. Сезонным артелям запретили промысел на островах и в акватории архипелага. Всю добычу отныне вели только новоземельские промысловики. К числу становищ прибавились еще два: в Пропащей губе и в губе Саханыха.

Решился вопрос и о создании островных органов местной власти. В марте 1925 года в Малых Кармакулах был учрежден поселковый Совет, в состав которого вошли ненец и двое русских. Сложность социально-психологических отношений и специфика распределения населения по становищам подвигла губернские власти перенести островной совет из Малых Кармакул в Белушью Губу, «так как в этом пункте население больше, чем в первом, и исключительно самоедское». Съезд промышленников Новой Земли подтвердил правильность этого решения Архангельска.

Характерным моментом стало развитие системы образования и медицинского обслуживания: самоедские школы и медпункты были созданы в становищах Белушья Губа и Малые Кармакулы.

Государственная власть взялась на обустройство жизни на Новой Земле централизованно и системно. Эксплуатация островных промыслов была монопольно доверена Госторгу на условиях аренды с сохранением за Архгубисполкомом права действенного и всестороннего контроля за его деятельностью. Губернская власть отвечала также за рассмотрение оперативных планов Северо-Беломорского отделения Госторга, руководила социально-культурной работой среди населения.

Одним из ярких положительных событий в Новоземелье стало основание Госторгом русского становища Русаново, расположенного на южном побережье полуострова Русанова, а в проливе Петуховский Шар организовали промысловый пункт, специализировавшийся на добыче белухи.

Зимний промысел 1926—1927 годов выдался богатейшим и самым удачным. Артельщики впервые отправились на поиск новых мест промысла на Карскую сторону. Олень поголовье, выбитое бесконтрольным отстрелом, гололедицей и бескормицей, пополнили завозом сотни оленей из печорских тундр. Убой этих животных был запрещен в течение пятилетки.

Дневниковые записи Ильи Константиновича этих лет незамысловаты, они — о будничной борьбе, о лютующих ветрах, о том, как маленькое недомыслие и леность оборачиваются большими неприятностями, малейший дефицит рождает проблему. Лишенная эмоций констатация событий. Никаких диалогов. Только факты. Суровая правда новоземельской жизни 1931—1932 годов:

«10 февраля. Ездил к ученикам, которые живут в избушке. Они дрова собирали.

16 февраля. Мы в Белушьей Губе имеем моторы, управляем сами, нам не надо мотористов. Только другие становища остаются без мотористов, так как страшная темнота: никто там не руководит.

21 февраля. Ветер. Сырая погода, метет снег. Мы никуда не ездили. Воды нет.

22 февраля. С продуктами на полуострове Адмиралтейства дело обстоит очень плохо: все продукты волнами смыло. Затопило у промышленников имущество.

26 февраля. Ветер. Воду открыло. Мы радовались воде. Ломает лед, поэтому стоять на воде нельзя, опасно. Три часа шло заседание... Разговоры — постановления: «Помещение школы плохое, темное. А также больница негодная: очень мала, негде поместить больных, нет кухни, хлеб печь негде. Надо устроить хорошо».

3 января. Вечером поднялась пурга. Ездил проведать «сидящий пароход». Ночевал в дороге. Хотел поставить палатку и не смог. Так ночевал на открытом воздухе...

2 мая. Открылся пленум островного Совета. Обсуждали вопрос о зимних промысловых работах, о сооружении жилых строителей и промоборудовании в 1932 г. О контрольных цифрах промысловых работ на 1933 г.

2.5.98 VII

◀ А. А. Борисов.
Полночь во
льдах. 1998 г.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

6 июля. Карбаса приготавливали на высмолку. Яйца паковали в ящики: сортировали на товар. Паковали 3600 штук. Мотор приготовили пустить на воду. Тут лед мешает.

23 июля. Приехал пароход. Вечером — заседание Совета. Доклад экспедиции.

30 июля. Вечером — заседание артелей ненцев о работе весеннего промысла. Пере-
выполнили план...»

И тут же от нахлынувшей радости врезает Илья Константинович в сухой свой днев-
ник песенную победную строку: «Угрюм, печально сижу, задумчиво я гляжу: как, бу-
дет ли добыча рыбы? Много ли в этом году будет рыбы? Надо было бы выполнить план.
Самим надо выполнить план... План перевыполнили!»

На рубеже 1930-х годов заканчивается очередной этап новоземельской колонизации:
на островах создана целостная система охотничье-промыслового хозяйства, образована
сеть поселений с социально-культурной сферой, налажено централизованное снабже-
ние продовольствием, товарами и всем необходимым для жизни и деятельности, сфор-
мирована транспортная схема вывоза продуктов промыслов. Острова Северного Ледо-
витого океана с 1929 года были выделены в отдельную единицу районирования, численность населения
выросла до 221 человека.

В 1931 году на Новой Земле рейсом парохода «Малыгин» побывал писатель И. С. Соколов-
Микитов, оставивший нам свои путевые записки: «Следуя за своими спутниками, я вошел в избу,
принадлежавшую председателю новоземельского Совета Тыке Вылке. В тесных сенях была крошеч-
ная тьма, путались и топтались под ногами собаки. Чей-то женский голос приглашающее говорил:
«Заходи, заходи, пожалуйста!» Тычась в притолоки, я зашел в избу. Две маленькие комнатки были
набиты битком. Огонек спички снизу освещал лицо Вылки с умными глазками и свисавшими вниз тю-
леньими усами.

При свете спички я увидел угол русской печи, полочку на стене и над столом в углу в киоте, оправлен-
ном узором из бумаги, знакомый портрет вождя. Освещаемый вспышками спичек, усатый Вылка неторо-
пливо отвечал на вопросы, которыми его засыпали корреспонденты. Мы недолго пробыли в хижине, до-
нельзя забитой людьми. Выйдя на волю, отправились к школе.

Там было темно, мигал огарок свечи, который держал в руках Вылка. При свете огарка мы рассматри-
вали рисунки старшего сына Вылки, сделанные с несомненным талантом, потом, собравшись в большой
классной комнате с черной доскою и висевшими на стенках нарисованными новоземельскими ученика-
ми — детьми ненцев или промышленников — плакатами и рисунками, корреспонденты слушали доклад
Вылки. В школе было чисто и пахло нежилым. От большой белой печи веяло теплом...

Усевшись на сдвинутых партах, раскрыв записные книжки и приготовив карандаши, корреспонден-
ты окружили маленького улыбавшегося Вылку. На каждый вопрос он отвечал, подумав. Истекшей зимой
Вылка, представлявший собой главную власть, на собаках объехал все становища, побывал на Северном
острове, где промышленники зимовали впервые. О делах и нуждах новоземельцев Вылка рассказывал
толково и деловито. Он показался мне опытным человеком...»

Да, он был уже тертым в житейских передрягах, зрелым человеком, знающим цену своему слову.
Не разбрасывался. Он — власть. По нему и мерная линейка...

При Илье Константиновиче наконец удалось вытеснить из новоземельской акватории норвежских про-
мысловиков и скупщиков. Наглость и настойчивость норвежцев объяснялись прежней слабостью рос-
сийских позиций на Новой Земле. Органы по охране границ в силу географических особенностей регио-
на были не в силах наладить жесткий контроль и пресечь контрабанду в корне. В декабре 1925 года СССР
и Норвегия подписали договор, разрешающий промысляр морского зверя в пределах территориальных
вод. Зона промысла определялась от границы Финляндии до западного берега Новой Земли по мыс Же-
лания включительно и по всему побережью континента и островов, за исключением водного простран-
ства Белого моря к югу от линии Орловский маяк — мыс Конушин. Договор этот ограничивал и время
промысла: с 1 марта по 15 июня.

Архангельский губисполком специальным письмом предупредил все органы местной власти, чтобы они
контролировали посещение морских побережий иностранными судами и не допускали прямого товаро-
обмена между промысловиками и иностранцами. И не зря! Варяжская вольница шла прежними контра-
бандными маршрутами...

Известен эпизод, отысканный архангельским историком Евгением Овсянкиным: Илье Константиновичу Вылке как представителю власти на Новой Земле 6 июля 1927 года пришлось принять решительные меры, чтобы пресечь грубое нарушение установленных правил.

«Я увидел в океане судно норвежское. Оно шло к становищу Белушья Губа. Это было парусно-моторное судно. Погода была хорошая. Семейством мы поехали в лодке, чтобы проведать судно, не будут ли променивать песцов. Мы скоро дошли до Белушьей. Судно уже стояло на якоре. Подошел к судну и сказал: «Здравствуйте!» Они ничего не поняли. По-норвежски сказал — поняли. Говорят, мы из Норвегии. Спросил, из какого города. Они сказали — из Хаммерфеста. Мы пошли на берег, вытащили шлюпку. Я пошел к агенту Госторга и спросил, почему пустил норвежское судно, ему не разрешено стоять в становище. Агент сказал: «Я не заметил». А капитан уже был на берегу, пьяный, в доме Хатанзея. Я взял с собой секретаря и агента и сказал капитану: «Если у тебя имеется паспорт, то ты должен заявить мне, но если нет паспортов, то вам не разрешается стоять и нельзя выходить на берег без моего разрешения, нельзя ходить и самоедам на судно». Капитан сказал, что у них поломка машины, будет починка. Я повел моториста в машинное отделение и спросил: где поломка мотора? Моторист ответил, что нет поломки, только много сажи в цилиндре. Я сказал ему: «Чисти. А после чистки вам надо выйти в море, вам нельзя стоять на якоре». Было решено выйти им в море в 10 часов 6 июля.

Я поехал в свою промысловую избушку на большом корабле ловить рыбу у реки Нехватова. Туда же приехали самоеды Ледков Иван, Ледков Тимофей, Ардеев Василий и Ардеев Яков. Через некоторое время норвежское судно тоже пришло на эту реку. Я поехал к нему и спросил капитана: «Ты куда идешь?» Он ответил: «Шторм в океане. Нельзя ли здесь постоять по твоему разрешению?» Он стал на якорь. А на другой день капитан сошел на берег со своим мотористом и говорит: «Илья Константинович, не можно ли будет купить рыбу?» Я ему сказал: «Нет, это не разрешается. Вам надо идти в океан и к нашим берегам не приставать». Он говорит тогда: «Я выйду сегодня, пойду к Воронину в становище Красиного. Там хорошие люди...»

Я не давал волю самоедам в обмене песцов. А у Воронина в Красиное судно стояло три дня...

В 1928 году очередной рейд иностранных браконьеров был пресечен жестко и однозначно. Инцидент стал предметом серьезного разбирательства.

Губернское управление островного хозяйства в 1928 году не оставило без внимания обострившийся вопрос межнациональных и социально-бытовых взаимоотношений в становищах. Дело дошло до постоянной вражды между ненцами и русскими! Ненцы воспринимали оседлый образ жизни как «навязываемый» властями, а кроме того вообще были против учителей, ветеринаров и персонала, обслуживающего становища... Взаимная рознь была так велика, что обе стороны выступали за национальную чистоту поселений! И это в Советском Союзе, основой из основ которого были интернационализм и дружба народов... Проблема требовала принятия со стороны властей самых жестких и решительных мер. Она стала предметом рассмотрения и на Четвертом съезде островного Совета.

Примечательно, что 29 марта 1928 года Комитетом содействия народностям северных окраин при ВЦИК в обиход было введено название «ненец» вместо «самоед». Но прежнее написание, изредка перемежаясь новым, еще год плыло по документам...

Идиллии не было и не предвиделось. Природа и время бросали первопроходцам арктических островов вызов за вызовом. Все испытания у Новоземелья были еще впереди...

Штрихи к портрету

Люди, знавшие Тыко Вылку, не говорят о нем громко. Повествуют спокойно, с простыми, житейскими деталями, которые штрихами набрасывают зримый и теплый образ известного новоземельца.

Иван Степанович Лодыгин, сослуживец и товарищ Ильи Константиновича, рассказывал о нем писателю Юрию Казакову, писавшему сценарий к документально-художественной киноленте о «великом самоеде»:

— С Тыко Вылкой я был знаком с зимы 1931 года до самой его смерти в Архангельске. Он приехал тогда с ветеринарным фельдшером к нам в избушку на Кусовой земле, где мы зимовали, занимаясь промыслом. Вылка тогда еще ездил по зимовкам на собаках. Ездил он обычно с женой своей Александрой.

▲ Скульптор Б. М. Зубакин за работой над скульптурным портретом И. К. Вылки. 1936 г. Из фондов ОГУ «Ненецкий краеведческий музей»

Новоземельцы у здания островного Совета. И. К. Вылка — второй слева во втором ряду.
▼ Белушья Губа, 1934 г. Из фондов АОКМ

Приехавши на основное становище (факторий тогда еще не было), жену оставлял там, а сам с кем-нибудь из промысловиков отправлялся по промысловым участкам.

Был у Вылки на Новой Земле, в Белушьей Губе, небольшой бревенчатый домик, разгороженный внутри на несколько малюсеньких клетушек. Была небольшая печь-плита, и стояла вторая печка, железная, из бочки. Печки впоследствии несколько раз переделывались. К домику примыкали сени и небольшая дощатая пристройка для собак. Стоял домик на невысокой скале, у самой воды. Крыша сначала была тесовая, но потом тоже перекрывалась. Дом стоял хорошо, далеко было видно кругом.

В гостях у Вылки побывал я первый раз в 1932 году, он жил тогда со второй женой и с двумя молодыми сыновьями. В доме у него было довольно грязно, постоянно топились то одна, то другая печь, постоянно кипел большой старинный медный чайник, закопченный до черноты. В одной из комнат стоял небольшой стол без клеенки, по обеим стенам шли довольно широкие нары, застланные оленьими шкурами, а возле стола, сколько помнится, стояли две довольно старые табуретки.

Как зайдешь в дом, справа на гвоздях висело кое-что из одежды. Вылка потом мне показывал винтовку системы Ремингтона замечательного качества, всю вороненую, а к прикладу была прикреплена серебряная пластинка. Что было выгравировано на пластинке, не помню. Вылка заметил как-то, что винтовка — подарок, но говорил ли от кого, я тоже не помню. Винтовка эта была у него всегда вычищена и смазана, но он ею почему-то не пользовался, по крайней мере, я ее никогда не видел у него в дороге.

Посуды было мало, только самое необходимое: пара кастрюль, несколько больших мисок, ложек и кружек. В те годы Вылка, сидя у себя за столом на нарах, еще подворачивал ноги, потом эта привычка у него прошла.

Как и все ненцы, Вылка мог выпить чайник чая и при этом, если рядом в миске или в тазу была свежая оленья кровь, мог съесть целую оленью ногу: отрезал кус мяса, окунал в кровь и ел.

Мог и выпить, но никогда не пил много. Особенно любил коньяк. Как-то в Архангельске зашли мы с ним в магазин, я спросил, что брать из выпивки, а он: «Степаныч, только звездочку!» Нет, выпивками он не увлекался, не в пример многим другим, не только ненцам, но и русским, да и жалованье у него было небольшое.

За то время, что я его знал, регулярным промыслом он уже не занимался. Добудет случайно голову-две морского зверя да поймает вблизи пары три песцов... Он на еду семье зарабатывал председательством, так что промыслять ему не надо было, да и староват становился. Ну а если и промыслял — так это оттого, что свою охотничью страсть хотелось удовлетворить.

У Вылки был очень хороший характер, его легко было привлечь на свою сторону. Он очень любил общение с людьми, умел внимательно слушать, всегда поддакивал, хотя вряд ли все принимал на веру. Многие считали эти качества Вылки слабостью и пытались использовать их в своих интересах. Иногда это удавалось, в первые годы Вылке не хватало опыта и государственного мышления. Впоследствии вера его в людей осталась, но опыта было больше, и в общении с людьми, а особенно с русским народом, он научился оценивать в своей работе все плюсы и минусы и уже не ходить на поводу у каждого краснбая.

За внимание к людям, к их нуждам, за повседневную отзывчивость мы его много лет избирали председателем островного Совета. Свыше кандидатуру Вылки нам никогда не предлагали! Не каждому человеку бывает оказано такое доверие, да еще малограмотному, хотя по уму он и в 30-е годы резко выделялся среди населения Новой Земли.

Вылка очень любил сидеть где-нибудь на высоком месте, часами смотреть на окрестности, на море, и я его очень хорошо понимаю — надо иметь поэтическую душу и большую любовь к своей родине, пушкской суровой, но изредка дающей такие дни, какие не увидишь нигде, кроме Арктики.

Живописью Тыко Вылка занимался все время, но работал очень медленно, любил работать, когда у него никого нет, придешь к нему — он сразу же прекращал работу.

Как-то говорили мы с ним, еще в 30-е годы, что хорошо бы изобразить в красках ночевку промысловиков на Карской стороне Новой Земли, тогда еще мало освоенной. Вылка говорит: «Хорошо бы вечером — чум, горит костер, везде снег, торосы...» Я забыл потом об этом разговоре, приехал в мае на пленум островного Совета, зашел к нему, он мне и показывает небольшую картину, написанную на куске камня-плитняка (сланца). Плитка треугольной формы, неправильной, темно-синего цвета.

Назвал он картину «Ночевка на Карской». Изображены были берег моря, зима, поздний вечер, почти полные сумерки. Все — в синих тонах. Снег, в море — торосы, стоит небольшой чум, лежат собаки, вид-

И. К. Вылка.
Последний путь
Седова.
1950-е годы.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

ны нарты, горит небольшой костер, виден закипающий чайник, чуть струится из вер-
хушки чума дымок, по дыму видно — тишина. У чума — два человека. Все краски
как бы сливаются с цветом плитняка, на котором была написана картина. Вся картина
дышала тишиной!

Я не знаток в живописи, но был, помню, поражен реальностью сюжета и оттенка-
ми будто бы излучающих морозную тишину красок. Лучше я не видел у Вылки картин,
в картинах своих он чаще всего наивен, но та картинка, небольшая, была неповто-
рима по воздействию на зрителя. Я ему сказал, что у него другой такой картины пока
не было, эта самая лучшая. Он усмехнулся, говорит: «Надо делать картину больше —
этот маленький». И подарил мне ее, а на мой вопрос, чем мне расплатиться, говорит:
«Вот уже приеду к тебе — рассчитаешься», но и потом никакой платы Тыко Вылка
с меня не взял, ну, угостил, тем дело и кончилось. До сих пор жалко мне этот подарок
— в 1937 году картина, как и все мое имущество, утонула при гибели судна «Ленго-
торг».

У Вылки много картин расходилось по людям, иногда беззастенчиво вымогавшим их у него, особенно
мелкие картинки...

Авторитет непререкаемый

Иван Лодыгин о полярном чутье и опыте Вылки мнения был высочайшего. Называл его Человеком
с большой буквы:

«Своих знаний он никогда не держал при себе, всегда готов был поделиться своим опытом и своими на-
блюдениями, а наблюдений и опыта к концу жизни у него на десятилетия хватило бы. И авторитет его среди
промысловиков-полярников был исключительно велик!

Навсегда запомнился мне такой случай. В 1931 году, зимой, в феврале месяце, Тыко Вылка, промысло-
вик Василий Ефимович Кузнецов и я на трех упряжках выехали с избушки на Кусовой земле в становище
Русаново, до которого, если ехать напрямик, было километров шестьдесят — один небольшой перегон
по тамошним понятиям. Думали, что проскочим до становища, хотя погода с утра и не радовала, но види-
мость была. Но не успели мы проехать и пятнадцати километров, как ветер усилился, видимости не стало,
да к тому же и ветер был встречный. Наш путь лежал по льду моря, оставаться дольше на льду станови-
лось опасно, лед могло выломать и отнести в море.

Посоветовавшись, мы решили выходить на берег и там искать какого-нибудь укрытия — на ровном
льду не укроешься. Между избой, откуда мы уехали, и становищем Русаново, куда мы держали путь, был
еще промысловый участок, была избушка, в которой жила одна семья. Определившись по компасу, мы
взяли направление к этой избушке в бухте Охальная.

Перестроили упряжки, первой поставили упряжку Кузнецова — у него была самая сильная соба-
чья стая, Вылка поехал на второй — у него были самые слабые собаки, а я ехал замыкающим. Догово-
рились ехать не спеша и ни в коем случае не терять друг друга из виду. Добрались мы до берега — коса,
и укрыться опять негде, видимость — ноль.

Собаки у Вылки совсем забастовали, стали ложиться. Наши пока держались, но так двигаться долго
было нельзя — заморозишь собак, а укрыться негде. Решили добраться до первого маломальского укры-
тия и залечь. Ехали, тащились, наверное, с полкилометра и наехали на большую кучу дров — плавник
был собран большим конусом. Загнали в затишье собак, которые сразу же залегли, и их в минуту занесло
снегом.

Кучу дров мы опознали и решили, что до избы Охальной, где жил промысловик с семьей, не более по-
лукилометра. За дровами ветер на нас прямого действия не оказывал, но было сильное снежное завихре-
ние, и каждые полчаса надо было скидывать с себя снег, то есть вылезать из сугроба.

Пурга тем временем усилилась до предела, понесло песок, мелкие камни, но, как всегда бывает на Но-
вой Земле, с усилением ветра мороз пошел на убыль, скоро стало не более десяти градусов. Кузнецов
принялся настаивать, чтобы добираться до избы. Все понимали, что «куропачить» в снегу придется долго.
Он и я подняли собак, но упряжку Вылки сдвинуть с места не могли. Собаки даже на ноги не хотели вста-

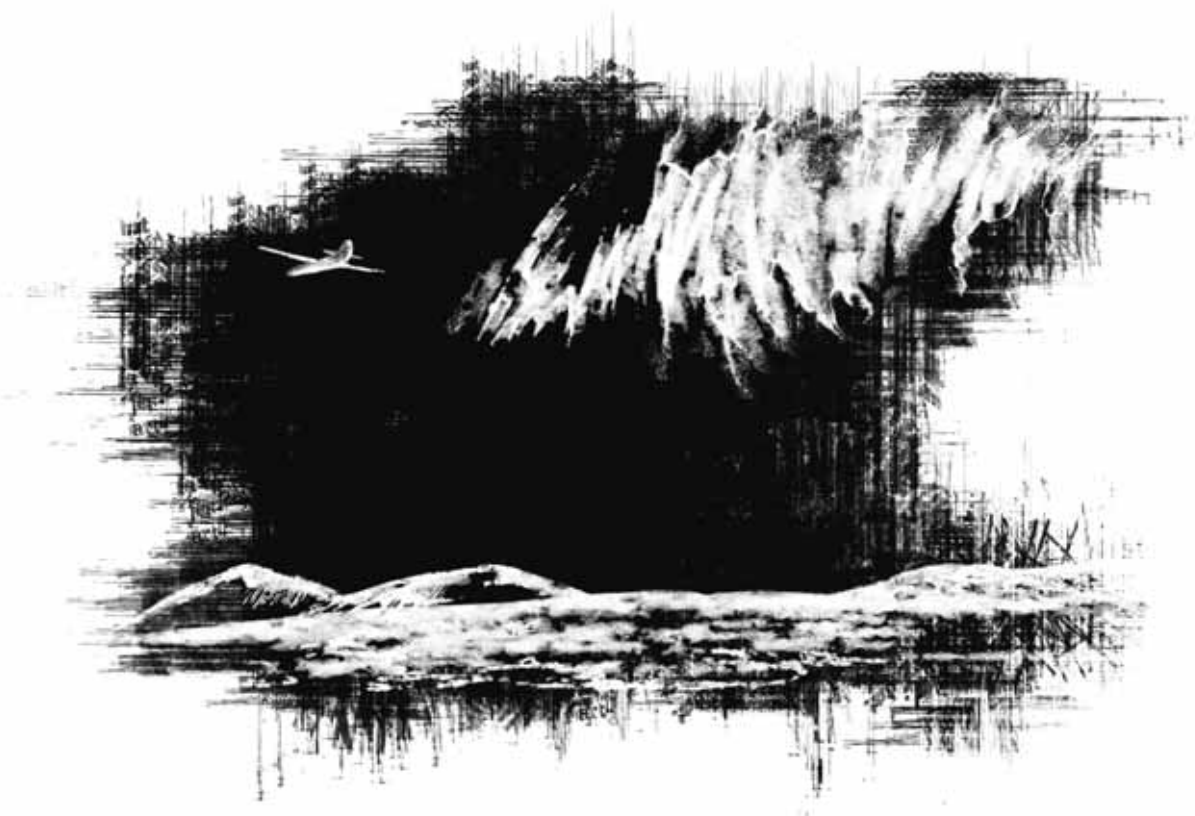
вать. Кузнецов предложил оставить собак Вылки, а две упряжки вести за вожжи и попытаться добраться до избы.

Но Вылка идти отказался, только твердил: «Пойдем — пропадем, как-нибудь уж будем здесь». Я своего мнения не смел иметь, был еще новичком в таких переделках, но Кузнецов был полярником с дореволюционным стажем и был убежден, что, если изба рядом, нужно дойти до нее, это лучше, чем терпеть такие муки, лежать несколько суток под такой пургой.

Я, может быть, длинно рассказываю, но, поверьте, дни под снегом, почти четверо суток, ох, как долги! Пролежали трое суток, на четвертые похолодало. Вылка говорит: «Уж скоро стихнет». И верно, стало утром проясняться, хотя ветер был еще сильный, видимость временами становилась метров на сто. Стало рассветать, и мы заметили невдалеке от нас, метрах в двухстах, что-то темное, большое — то видно, то скроется. Прошли метров пятьдесят и разглядели избу! Откопали собак, выпрягли из упряжек, а нарты потащили к избушке сами.

Так мы и прокуковали почти четверо суток рядом с избушкой. По совету Вылки хлеб мы держали за пазухой, оттаивали и тем питались.

Я вспомнил этот случай к тому, чтобы показать вам, как велик был авторитет Вылки, настолько велик, что даже полярники с многолетним стажем не смели его ослушаться, его советы всегда выполнялись беспрекословно».

**Этюд пятый.
Новоземельская
крепость
(вода, металл,
огонь,
1940-е годы)**

Под флагом Севморпути

Островные территории СССР в 1930-е годы рассматривались уже не только как форпосты державы, призванные оконтурить границу государственных интересов страны, их задача была шире — стать полноценными объектами хозяйствования и ключевыми точками транспортной структуры Северного морского пути. Центральные газеты СССР пестрели юмористическими полотнами на тему светлого будущего Советской Арктики: от оленьих такси до медведей, продающих мороженое под тенью электростанций и дирижаблей. Казалось, руку протяни — потрогаешь въявь!

Знаки тому были верные.

В 1931 году над серыми водами восточного побережья величественно проплыл дирижабль LZ-127. Новоземельцы от мыса Желания, где в тот год была построена полярная станция, до Костина Шара, оторвавшись от дел, изумленно провожали взглядом огромную тушу «цеппелина», невиданного досель скитальца неба. Для них он был событием и вопросом без ответа. Погода над всем Новоземельем стояла туманная, но тихая. Дирижабль осторожно прокалывал эту сырую вату, прокладывая себе путь. Проплыл над зеркальной водой бухты, гуднув диковатым звуком автомобильного рожка, развернулся серой щукой, взгорячив моторы, и ушел прочь, целя в горизонт. В горах прощальным приветом выронил квадратную металлическую пластину выпела — привет потомкам!

Полярные станции и становища возникали на Новой Земле, зримо образуя структуру первоначального освоения территории. В 1930 году было организовано становище в заливе Садковского (Смидовича) на Северном острове. В 1932 году на Северном острове в Маточкином Шаре поставили становище Лагерное, построили промысловые базы в Архангельской губе и Русской Гавани, а рядом — полярную станцию, где расположилась исследовательская экспедиция по программе Второго международного полярного года 1932—1933. На следующий год на карте архипелага появилось еще одно обжитое место: становище острова Пахтусова на Карской стороне Северного острова.

В 1935 году Новая Земля была передана в ведение Главсевморпути, организации с большими техническими возможностями и материальными ресурсами. Вектор ее устремлений был схож с задачами освоения Новоземельского архипелага. ГУСМП создавало транспортную структуру сквозного морского хода через моря Северного Ледовитого океана, и арктические острова рассматривались как базовые точки сопровождения караванов. Присутствие Главсевморпути на Новой Земле, несомненно, способствовало развитию территории и увеличению количества островного населения.

Свидетельством тому организация в 1936 году становищ на мысе Желания (крайняя северная точка архипелага) и в заливе Литке на Южном острове, постройка полярной станции на мысе Столбовой в западном устье Маточкина Шара (Южный остров), основание полярной станции в заливе Благополучия на Северном острове. К 1940 году на Новой Земле жили на постоянной основе 444 человека...

На Большой земле новости с архипелага — привычное дело. Пишет Илья Константинович, как дело на ноги стало, посмеиваясь в 1938 году над своими страхами 1920 года: «И вот приходит «Святогор». Приходит «Канада». Над ней — красный флаг, значит, — большевики. Долго ненцы судили-рядили, куда, на какое судно поехать. И решили разделиться на две партии: одна — на «Святогор», другая — к большевикам. Туда поехал и я. Встретили нас хорошо, весело. Большой, высокий моряк спрашивает: «Где у вас Вылка?» Я молчу. Боязно. Вспомнят: в Москву ездил, картины писал, попам не верит — неладно будет. «Да вот, — говорят, — стоит рядом с тобой». Пришлось мне говорить. Хорошо расспросил комиссар обо всем: как живем, в чем нуждаемся. Выдали нам всяких припасов, продовольствие, даже шоколаду... Кузьма наш, ненец, сказал: «Я так боялся большевиков, а, вишь, большевики какие хорошие люди. Значит, Новая Земля останется у большевиков. Хорошо». Все с ним согласились...

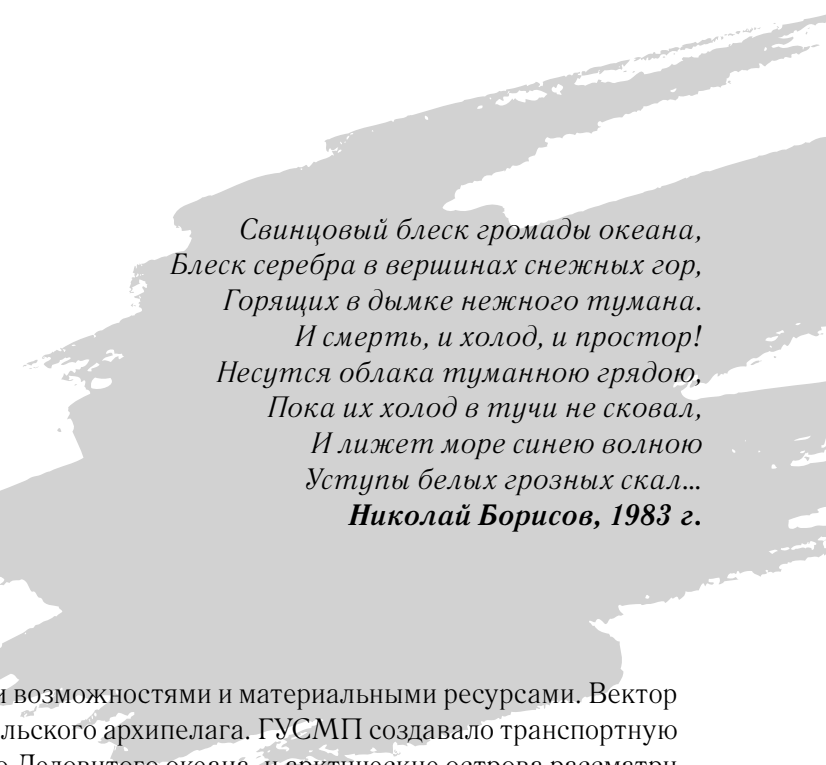
Много лет прошло с тех пор. Объединились ненцы в промысловые артели. В артелях — моторные суда и дорогое снаряжение. Работа и заработок не случайный, а постоянный, круглый год... Сами потребности не те, выросли. Надо хорошо и вкусно поесть, красиво одеться. Покупается разнообразное продовольствие и богатое снаряжение, разная мануфактура и одежда, культурные товары, начиная от туалетного мыла и кончая патефоном.

Все тянутся к учебе, и старые, и малые. Молодые уже не довольствуются начальной школой. Едут в Нарьян-Мар, в Архангельск, в Ленинградский институт народов Севера. Много учится молодежи. Старики иногда не совсем довольны, что мало молодежи на промысле, что все стремятся к учебе: «Хватит учиться, надо промышлять!» Молодежь резонно отвечает: «Нет, сначала поучимся. Ученым лучше зверя добывать». У нас уже есть свои мотористы, радисты. Советские работники, педагоги. Будут и научно-технические работники разных специальностей.

В клубе — звуковые фильмы. Сделали краевой музей. Громадный интерес к художественной самодеятельности — каждый стремится стать артистом. Открыли магазин. Не выдача, а покупка — чего хочешь!

Ненка много труда несла, не легче мужика работала. А мужик и ребята с нее еще и спрашивают, а ей и спросить не с кого. Баба не глупей мужика. В темноте жила, света не видела. На свет жаднее мужика кинулась. Подай ей теплую избу и грамоту, и дело, и чай три раза в день пить с сахаром. И туфли ей понадобились!»

Росло и множилось население архипелага. Не только работа да забота стали определять жизнь островитян, новые праздники — отдушину в буднях — объединяли людей, съезжавшихся в Белушье. Особенно любимым здесь было 1 Мая, которое отмечали как праздник весны и подведения зимних итогов. А там и рукой подать было до первого парохода. Как его ждали! Еще и на горизонте-то не было видно судовых мачт, а люди уже обеспокоенно мерили берег шагами — дымом угольным с моря пахнет, значит, судно идет!

*Свинцовый блеск громады океана,
Блеск серебра в вершинах снежных гор,
Горящих в дымке нежного тумана.
И смерть, и холод, и простор!
Несутся облака туманною грядой,
Пока их холод в тучи не сковал,
И лижет море синюю волною
Уступы белых грозных скал...*
Николай Борисов, 1983 г.

И. К. Вылка.
Маточкин Шар.
Фактория Ла-
герная.
1950-е годы.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

На Первомай Вылка был особенно радостен. Все, кто мог, приезжали в Белушье, погоняя собак по снегу, сбитому ветрами до плотности дерева. Над островным Советом бойко развевался новый красный флаг, вывешенный взамен в нитки истрепанного старого. Всюду были люди — с собаками, с санями, с новостями из дальних мест, и Илья Константинович отцом большого семейства ходил в этой новоземельской «толпе». Был в этот день у него на душе особый праздник, на котором он видел всех, к кому ехал через весь архипелаг, всех, кому помогал и советовал, всех тех, с кем делил кров в долгие заносные дни. Беспечальной и беззаботной была душа Вылки в этот денек: чуть-чуть — это можно! Как шапку скинуть в теплый день...

Так и ходил от одного гостя Белушки к другому, глядел на человека по давней привычке из-под руки (даже в помещении!), словно в даль вглядываясь: о, кто тут, здрастуй! Беседуя с промышленниками, узнавал новости, запоминая все в точности — память хорошую имел.

В малоношенной телогреечке, в севморпутевской ушанке-папанинке с кожаным верхом, в нерпичьих брюках и сапогах. После войны обязательно выстраивал слева на груди строчку наградных планок, а справа прикреплял орден Красной Звезды. Награждали его — не обижали: по заслугам, за дела, по чести и почести. Ружье — от царя, орден — от Сталина. А то!

И так в Первомай, пока не грянуло торжество, Илья Константинович обходил все подъезжавших и подъезжавших новоземельцев. Знал старожил и председатель островного Совета всех в лицо, по именам, по характерам и привычкам. Руку для пожатия не совал — не было у него такой русской привычки. Приветствовал кивком, словом, восклицанием: «Ань дорово, мужики!»

И вот кто-то лихо рассказывал о небывало удачном промысле, кто-то сетовал на болезнь, кто-то вываливал виденные диковины, кто-то говорил о наболевшем, кто-то, глядя в снег, делился пережитой трагедией, каких еще хватало на затерянных в чертовой дали становищах... Они не потрясали основы здешней жизни — просто случались время от времени: простые и страшные в своей предначертанности.

Илья Константинович сочувствовал, исподволь отвлекая человека от черных дум, подталкивая к всеобщему празднику, к жизни подталкивая. Таких лютых случаев, как тот, в миллеровской избе у залива Чекина, было на его памяти немало... Знал, что человеку на Крайнем Севере участие порой важнее каких-либо удобств и достатка. Душа должна быть спокойной и ясной...

Говоря по-русски рублеными, короткими фразами, порой от волнения по-ненецки шепелявя и прицокивая, Вылка вытаскивал человека из омота черных мыслей, из петли самообреченности: ребята, надо жить! И сам со своей сложной семейной жизнью, где неудача за неудачей и потери, и разочарования, был живым примером отношения к самому себе и людям: жить — надо! Выглядел всегда невозмутимым и уверенным...

Праздник тем временем шел к торжеству. Духового оркестра у новоземельцев тогда не было (даже радиотрансляция по поселку еще не проведена!), зато имелся барабан. Под его дробный грохот местные пионеры вразнобой шли на митинг, увлекая и взрослых. Красные галстуки были повязаны поверх фуфаяк и малиц! Шли через весь поселок — мимо школы, больницы, складов и контор, мимо домов и землянок, заросших снегом по самые брови крыш, а в год папанинского дрейфа во льдах океана — мимо символической палатки с красным флагом, где на карте отмечали путь героической четверки...

И вдруг — гармонь! Эх, грудь колесом! Пока пальцы у гармониста в мерзлые сучки не смерзлись... Все дружно и шумно шли к морскому створу, известному под местным названием «Знак». Тут уж готова была трибуна, хлопали на ветру кумачовые лозунги, гипсовая головка Ленина атрибутом власти и причастности к Большой земле стояла у оратора под рукой.

В молодые годы да под настроение Тыко Вылка был жгучим оратором. Говорил о трудном настоящем и цветущем будущем, огневого пыла и страсти не жалел, рассказывая скучавшим по общению людям о том, что есть, и о том, что будет. Говорил так, что слезы навертывались на глаза! Так верил, так искренне чувствовал эту эпоху, пропущенную через сердце во все времена его жизни — от мальчика в снежной яме до «президента Новой Земли»...

После митинга у створа расстегивали новоземельцы еще одну пуговку, а кто и две. Наступал час веселья. Любил и Вылка его. Как всегда, пел ненецкие песни — старые и свои, к слову пристегивал сказку народную, почти всегда страшную, холодно-колючую, но оч-чень поучительную. Дети, толкавшиеся среди взрослых, раскрывали рты — заслушивались. Принимал Илья Константинович и стопарик водки: «Сярка елый саво!» Хвалил, значит. В Арктике чарка — как ружье: кто меры не знает, того убьет. Вылка и не увлекался, привычки пагубной не имел, да и страшных примеров за жизнь насмотрелся — не пересказать...

▲ День выборов в Верховный Совет СССР в поселке Белушья Губа, 1950 г.

▼ Спортплощадка в Белушьей Губе, На заднем плане — гостиница новоземельской ВМБ. 1946 г

Дрейфуя по празднику теплой льдиной, заходил к людям в гости, еще более оживляя народ своим появлением, притягивал внимание рассказами о прошлой жизни, о Русанове, о Мо-скве, о Калининe. Было в этих бесхитростных былях что-то такое, отчего взрослые люди слу-шали Вылку, по-детски открыв рты...

Это были его люди, люди его земли. Те, с кем он делил годы и проводил жизнь. Те, с кем бе-довал и радовался, с кем охотился и рыбачил, ел и спал бок о бок в тесноте да не в обиде, те, кого без церемоний расписывал в книге браков, у кого принимал новорожденных и провожал на кладбище отошедших в мир иной.

Ломился на Первомае новоземельский стол — доедали все припасенное к торжеству: жуй — пароход на горизонте! Сам Илья Константинович покушать очень любил. Разборчив не был. Мог за один присест неторопливо съесть два-три килограмма мяса, запивая чаем, за-едавая хлебом. Айбурдая свежую оленину, мог справиться с целой холкой. Часто рассказывал, посмеиваясь, как ездил после войны к Калинину получать из его рук орден, хлопотал о новых машинах и меха-низмах для новоземельцев. После беготни по столице зашел в ресторан, заказал ромштекс. «Съел и — ничего! На столе нет котлетки, и в брюхе нет котлетки. Как так?»

Любил, когда у людей на столе много еды, и радовался за них: много пищи — хорошая жизнь. На Новой Земле на крошках да с голой костью в зубах не прожить. Сам-то наголодался — рассказывать неохота...

Кстати будет сказать, что на том приеме у «всесоюзного старосты» Калинина Михаил Иванович в шутку на-звал Вылку «президентом Новой Земли». Журналисты взяли остроту на карандаш: о, находка! И с тех пор Илья Константинович — президент навсегда. Легкая рука у газетчиков...

Ежегодно Вылка первым пароходом старался выезжать на Большую землю, в Архангельск, ведь, сидя на островах, много не выдержишь. Жизнь такая, что из нее свое надо порой чуть не палкой выколачивать. Авто-ритет не отмычка, не все двери отворяет, а с ушлыми архангельскими чиновниками надо уметь разговаривать. Не все понимали специфику Новой Земли, меряя все своим коротеньким аршином. Обещанное где-нибудь да за-цепится. А крючков — больше, чем в тресковом поддеве-перемете.

По дороге в Архангельск — путь неблизкий — Тыко Вылка бездельем не маялся, всю жизнь умел себя за-нять. Промышленник без дела — пропадина полушечная. Личного багажа с собой брал немного и почти весь он — подарки и гостинцы друзьям, знакомым, близким. А остальное — груз пушнины, которую сопровождал до архангельских складов лично. Беспокоился за судьбу добытого непростым трудом.

С собой на борт брал гагачьи яйца — угощение команде. Любил радовать скромными подарками — самому отрадно было видеть довольных людей: цвел! В обычной судовой тесноте умещался без недовольства — при-вычен. Моряки, зная Илью Константиновича, старались отвести ему место попросторней. Чаше всего это была отдельная каюта. Никто не просил — сами готовили. Знали его по разговорам новоземельцев: «Вылка ска-зал... Вылка обещал... Вылка привезет...» Про пустого же человека такого не скажут, так? Слыша о нем отзывы как о первоклассном охотнике, уважали еще больше: не только снайперски стреляет, но и зверя чует на рассто-янии. Шаман!

И — главное: не интеллектом брал, добротой ума покорял. Бывало, профессора ему в рот смотрели. А к из-вестности своей Вылка относился просто: знают меня — людям можно сделать хорошо. Любимым присловьем его было это обычное «хорошо, хорошо».

Пока там шум-гам да вопли прощальные, да стакашок на посошок, да лай и визг собачий на борту, да покла-жи грохот и спотыка, да зимовщики на полтулова за борт, да гудок басовым бархатом покрывает весь этот бедлам — не видать Вылки нигде, не мешался, в кутерьму не лез. Выходил на палубу, махал рукой остающимся и шел к себе — раскладываться, готовить краски, холстики, картонки.

Канет новоземельский береговой нож в морской дымке, всех берет на пароходе угомон — и пассажиров, и псов. Вылку только по ненецкой протяжной песне из каюты слышать. Понятно было: художник работает. Всег-да пел за делом...

Отхлопотав в Архангельске все лето, возвращался на архипелаг с новыми картинами, сделанными по обратному пути. Берег их, но многое безоглядно раздаривал на Большой земле. Несчетно вылкиных работ разошлось по лю-дям, несчетно пропало. Десятка три-четыре дошло до наших дней в музейных коллекциях, являя на культурном не-босклоне нежгучее солнце самобытного художника. Остальное благодарной теплотой растворилось в людях...

Вернувшись на Новую Землю, заставлял Илья Константинович здесь все тот же привычный ход быта и про-мысла. Жили — за делом не тужили...

Председатель
Новоземель-
ского остров-
ного Совета
И. К. Вылка.
1950-е годы.
Из фондов
ОГУ «Ненецкий
краеведческий
музей»

А.Е. 28 VIII 10.

◀ А. А. Борисов.
Житье бедного
самоеда в тун-
дре под лодкой.
1898 г. Из фон-
дов ГМО «Ху-
дожественная
культура Рус-
ского Севера»

Война не сразу дошла до островов. Ее новости были пугающими, но потусторонними — не воспринимались так остро, как на Большой земле. Воздух Новоземелья по-прежнему ничем не пах, лишь пороховой дух промысловых винтовок теперь напоминал, что оружие можно повернуть не только на зверя. К чему мог призывать Вылка в первые дни всенародной беды? «Будьте новоземельцами, будьте крепкими, как Север!»

Вторая мировая война придала архипелагу совершенно новую специфику, отведя ему роль действующего арктического форпоста страны, который воевал и нес потери. Кажется, именно тогда военные люди впервые обратили свое внимание на обширную, малозаселенную и удаленную территорию. Но контуры Полигона пока ни для кого на свете не были даже предчувствием...

1937. Архангельское чистилище

Поездкам в Архангельск Илья Константинович был рад. Перемена мест — как глоток свежего воздуха. Бодрит! Кроме того, вращаясь в кругу партийно-хозяйственных кадров, всегда заводил полезные знакомства. Проблемы новоземельские шелкаются, как дрова на морозе, — легко и сами по себе! Даже щепки не летят... А тут повезло — пришел вызов на общеобразовательные курсы при Архангельском облисполкоме. По осени 1936 года последним пароходом уехал из Белушки, радостно ожидая встречи с большим городом и большими людьми. Но с самого начала, едва ступив на деревянный причал Красной пристани, сердцем почуял: неладно в Городе-то...

Это сейчас дата «1937 год» в ментальность врублена. Вблизи, во дни его — упаси Господь быть свидетелем! Илья Константинович эту чашу отведал вприглядку — пронесло...

Большая чистка страны, прошедшая несколько этапов, докатилась и до глухих окраин. В начале октября архангельские коммунисты, погоняемые плетками цэковских инструкций, вяло начали чистить свои ряды, и цифру разоблаченных врагов давали смехотворную. По-свойски перемыть косточки не получилось. В Архангельск отправили посланца Партии, секретаря ЦК Андрея Андреева. Уж он-то знал, как осушить болото...

В помощь Андрей Андреичу придали мастеров своего дела: Александра Никанорова и Василия Дементьева, награжденного орденом за борьбу с «врагами народа» и ставшего в августе «тридцать расстрельного года» начальником управления НКВД по Архангельской области. Его предшественник Борис Бак бесследно исчез, убранный неведомо куда.

Дементьев в неделю оценил ситуацию, нравы, расстановку сил, примерился и принялся за подготовку к выкорчевыванию «контры», не особо светясь в партийном бомонде. Следом прибыл товарищ Никаноров, намеренно разминувшись с первым секретарем Дмитрием Конториным, вызванным в столицу. Там его моментально пристегнули в большому делу бывшего властелина Северного края Владимира Иванова и, не чикаясь, расстреляли. Уполномоченные ЦК ВКП (б) в Архангельске работали споро, набитой рукой, тянуть волынку они не собирались. Это были чистильщики. Истребители. Мусорщики. Санитары партии.

Четвертого ноября, когда в город на Северной Двине прибыл товарищ Андреев, все было готово к решительным действиям. Андрей Андреич получил жесткие установки: северные верхи покаяться в злодеяниях, следуют педалировать на них, чтобы партийная масса на местах занялась саморазоблачением. Пусть давят друг друга! Тогда разгром, полное разоблачение и уничтожение мерзости обеспечено.

Роковой пленум обкома ВКП (б), первый из трех разгромных, открылся в тот же день в двухэтажном клубе водников, в просторном зале здания, обращенном узкими окнами на Северную Двину и старинную торговую улицу Поморскую. Здесь под светлыми высокими сводами всегда собирались пионеры, комсомольцы, местные стахановцы, партийно-хозяйственный актив. И было шумно, было торжественно, радостно и уютно на душе у всех, кто встречался тут. И сейчас дружелюбно здоровались, грубо пошучивали, взглядывали поверх голов, ища знакомые лица, тискали друг другу лапы, похлопывая по спине, балагурили, рассказывая политически нейтральные анекдоты. Словом, приветствовали товарищей по делу, исподволь щупая атмосферу сборища: что день грядущий нам готовит?

Андреева в Архангельске не знали, но чувствовали, перешептывались: приехал он не с добром. Было отчего волноваться. Всемогущий Иванов арестован. План по лесозаготовкам выполнен на сорок-пятьдесят процентов. В реках заморожено до миллиона кубометров древесины. И сколько ее унесло в море, неведомо. Плохо с организацией труда. Нелады в сельском хозяйстве... Может, подскажет посланец самого ЦК, как жить и что делать,

▲ Пароходы с Большой земли на рейде
Белушки. Новая Земля,
1954 г.

Новоземельские гуля-
нья. Поселок Белушья
▼ Губа, 1949 г.

Тыко Вылка с женой Марией Савватьевой у своего дома в поселке Белушья Губа. Новая Земля, 1953 г. Из фондов ОГУ «Ненецкий краеведческий музей»

добавит уму-разуму? Из Москвы-то оно виднее! Старшие товарищи правильную линию покажут... Смотрели, шушукались, переглядывались. Да, брат, шалишь, дурачком тут не прикинешься. Мастера «чистой воды» приехали...

Сам Андреев не шибко был публичен. Из «серых», тех, кто всегда в тени, но ежели выступит на свет, погаснет дневное светило. А так, был неразговорчив, воспитан, сдержан, иногда резок на удивление, чем очень мучился. Любил детей и внуков. На склоне лет, на восьмом их десятке, отчего-то плохо спал по ночам, клал под подушку сушеную полынь и по совету своего врача пил снотворное. Мудр был аппаратчик, страшный сын ужасного времени. Где он, кашей бессмертный, свою смерть прятал?..

Андреев вышел на трибуну, поразив многих своим небогатырским видом: всего-то четырех футов росту. Притом смугл, черноволос, сухощав. Суровый его взгляд и не улыбочивый лик обрезами даже робкие аплодисменты, полагающиеся «человеку из Центра». Дорожным катком, боевым тараном прошлись глаза сталинского посланца по замеревшим рядам. Пауза была невозможно долгой, недобро тяжелой, не обещающей ни-че-го хорошего.

— Сегодня мы с вами собрались, чтобы решить важнейшие вопросы вашей партийной, политической жизни! Предлагаю избрать исполняющим обязанности первого секретаря обкома ВКП (б) товарища Никанорова, бывшего к вам из Ленинграда.

Гром грянул, теперь хоть закрестись — зашибет! Вот он, новый хозяин.

Кандидат на должность был представлен залу и утвержден единогласно. Ленинградский кадр повел высокое токовище отрепетированным путем — его метода не знала сбой: выдержка, напор, агрессивность, резкость и однозначность суждений, чувство непререкаемой силы. Кто тогда мог предполагать, что всего полтора годка посидит в кресле правителя области товарищ Никаноров и будет снят «за неудовлетворительное руководство лесозаготовками», а годом позже получит за «художества» свое — репрессируют...

Никаноров дал слово Андрей Андреичу, и тот, вгоняя архангельскую элиту в холодный пот и тоску, заглаголил, рубя за фразой фразу, срывая звонкий голос на негодующий фальцет. Слушали северяне и бездумно шупали под собой кресла — тут ли еще? Люди были испуганы, оглушены, подавлены вестями, привезенными цэковцами. Товарищ Иванов, перед которым трепетали, оказался злейшим врагом, сизмалства вредившим делу революции и дорвавшимся до большой власти в крае. А Андреев вываливал, сыпал, круто месил колобок:

— Вот ряд фактов, которые этот двуличный отщепенец изложил самому наркому товарищу Николаю Ивановичу Ежову! «Мы втянули в организацию правых ряд партийных, советских, хозяйственных работников, через которых осуществляли вредительство на основных участках хозяйства Архангельской области. Мы противодействовали внедрению механизации в лесное хозяйство, срывали сроки сплава, а сплав леса портили, задерживали его в лесосеках. Наиболее высококачественный лес продавали за границу по сниженным ценам. Мы пытались сорвать строительство в целлюлозно-бумажной промышленности, чтобы держать страну на голодном бумажном пайке и этим самым ударить по культурной революции. В животноводстве мы подорвали кормовую базу, затягивали постройку скотных дворов, что вызывало большой падеж скота. В речном транспорте нами было проведено большое вредительство. Была организована специальная диверсионная группа. Создавались повстанческие отряды. Были установлены связи с английской контрразведкой, получены большие деньги...»

В оцепеневшем зале родился глухой шум, ропот, заворочались негодующие голоса:

— Фамилии, назовите фамилии!

— Да как же это так, товарищи!

Андрей Андреич и усом не повел, спокойно подходя к главному: не в пастухах дело, если все стадо порчено.

Слова гладкие, резкие, хлесткие ввергали в панику, вышибали испарину, подавляли волю. Собрание гудело и соображало, куда и как вывернуть, хотя вариантов посланник Сталина не оставлял: на колени, слепошарые, кайтесь, выдавайте мразь на растерзание, жрите, давите друг друга! Пока носом не ткнешь, сами не догадаетесь, дурачье, моржееды сиволапые!

Работники, тертые в закулисных игрищах, сразу смекнули что к чему: бей ближнего своего! Первым набрал в руки камней товарищ Абрамовский, руководитель Плесецкого района. Метнул размашисто, в духе времени, похвываясь тем, что нигде в области не выявлено столько вредителей, как у него в районе. Без экивоков, шкуру свою спасая, выкрикнул фамилии врагов народа — ешьте их, бейте их, кромсайте их, подлых наймитов мировой буржуазии! Знал ли этот товарищ, наученный цэковскими чистильщиками верным словесам, что не спасет его верноподданническая демонстрация от вездесущей кары? Коцнут Абрамовского в том же месяце, вычистят как врага народа...

▲ Новоземельская художественная самодеятельность. Крайняя справа — Л. В. Бурдикова. Поселок Белушья Губа, 1949 г.

В магазине поселка Белушья Губа.
Все что есть — на полках!

▼ Новая Земля, 1950 г.

Пример братоубийства был подан. Не полез за речью в карман командир-комиссар Архангельского военпорта Смирнов. Поддержал его секретарь Приозерного райкома партии Суханов, упиривший на застарелую проблему зарплаты, не выдававшейся на предприятиях годами: посылали телеграмму в обком — не помогло, помогла телеграмма в НКВД!

И все по схемке, все по жестко сколоченному и немудрящему сценарию: запугать массу, выдернуть слабака — и покатится комом с горы геометрическая прогрессия разоблачения!

Ход первого акта стал понятен. И вцепились мужики друг в друга, хватаясь за соломинку предательства в бешеной реке разгрома. Предревкома вывалил бочку дерьма на предоблисполкома, уже сидящего в тюрьме НКВД. Член обкома испазгал первого секретаря области. Там потянулись другие, трусливые, дрожащие, не вызывающие ничего, кроме чувства гадливости, ни тогда, ни сейчас. Каждый думал только о себе, когда приезжие хамы полезли с ногами на стол. Как это могло произойти с людьми, чья воля была необыкновенно закалена революционной молодостью, ссылками, тюрьмами, ответственной работой во власти, построенной собственными руками? Впрочем, жизнь еще не так выворачивает...

О, как подстегнуло их, считавших себя полноправными хозяевами края! За все надо платить: за высокий пост, за право принимать решение, за спецпак, за хоромы, которые не снились рабочим окраинам, гниющим в сырых бараках, за развал, за успокоенность, за неумение прыгнуть выше головы, за сорванные планы, за всенародное житье впроголодь, за пьяную болтовню, за любовные грешки, за то, кем ты стал, немаленький человек, возвращенный Партией.

Архангельск был покорен, местная власть — раздавлена и унижена. Областные верхи не смогли защитить ни себя, ни земляков. Страх и подлость поползут по огромным просторам вольной земли...

Илья Константинович бочком-бочком по стеночке, глаза в пол вперив, подался вон из зала. Из здания выбрался вообще без памяти. На улице его едва не стошнило. Много страшного встречал в своей жизни Вылка, но зверя и бури, страшней людей, не видывал...

На следующий день, собрав сына Ивана, последним ледокольным пароходом (льды уже совсем обступали) уехал на Новую Землю. Всю дорогу из каюты своей не выходил. Песен слышно не было. С какими глазами сошел в рейдовую шлюпку Белушки, не разглядели, темно уж было, ноябрь — месяц малой тьмы...

Арктический фронт

В ленинском уголке штаба Новоземельской военно-морской базы читали лекцию о Победе в войне 1941–1945 годов. Оратор пламенел речью, не жалея эпитетов подвигам советских моряков в Арктике, проклятий фашистским разбойникам и лести фольклорным подвигам Тыко Вылки в битве с гитлеровцами.

Аудитория внимала — всяк сеял в свое решето. Под окном из-за суки дрались кобели, отвлекало. Над гребнем гор круглым сугробом обещающе нарастали многослойно облачные «пряники» — с минуту на минуту должна была ударить по поселку новоземельская бора... Все то, о чем говорил зажигательный товарищ лектор, было уже за далью лет. Другая жизнь, другие реалии пришли на Новую Землю, где мало что напоминало о четырехлетнем противостоянии упорному, наглому и смелому врагу. За окном, на укатистом берегу Белушьей губы, недалеко от поселка валялся исковерканный фюзеляж старого истребителя со спиленными лопастями пропеллера...

Шел 1948-й год. Новоземельская база закрывалась. Это было предreshено. На заливе — победно и пусто... Туда уже никто не смотрел, напряженно прочесывая биноклем толчею волн в поисках перископа подлодки. Только смутные слухи порой бередили сумрак матросских кубриков после отбоя — великая война все еще жила в новоземельских легендах: брошенными субмаринами немцев, их аэродромами подскока, пунктами отстоя вражеских судов. Они не развеяны. Как, впрочем, и не исследованы на местности до сих пор. Поэтому вкрадчиво ходят по Новоземелью наравне с упрямыми историческими фактами...

Во время Великой Отечественной войны Илья Константинович как глава местной власти вместе с военными участвовал в организации обороны Новой Земли. Зная все особенности местности и господствующие высоты, рекомендовал размещение точек наблюдательных постов СНИС (система наблюдения и связи). За каждым из них для связи с островным Советом была закреплена собачья упряжка, так как расстояние между ним и точками доходило до 380 км! Вылка лично выезжал на рекогносцировку. Если приходил на рейд новый корабль, спешил узнать новости и предложить помощь. Невидимые нити приязни и участия срастались в крепчайшие канаты, которые соединяли людей моря и берега в единое целое в часы испытаний огнем Арктического фронта. Илья

И. К. Вылка.
Становище
Белушья Губа.
1950-е годы.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

Константинович, прекрасно понимая, что у островной власти в дни войны голос «совещательный», считал необходимым оказывать действенную помощь военным морякам.

Тыко Вылка вникал во все мелочи вдруг изменившейся жизни архипелага. Утрясал с военными будни острова-крепости. Учил солдат, не видевших снега, ходить на лыжах. Призывал женщин вступать в промысловые артели — план в отсутствие мужей-солдат надо было выполнять, воодушевлял молодежь увеличивать промысловую добычу — на фронтах почувствуют плечо тыла! И сам, не отсиживаясь за чужими спинами, выходил на рыбалку с молодыми ребятами. Когда те, побаиваясь крутой волны, садились на дно карбаса, спокойно советовал: «Если немного трусишь — выпей морской воды, полегчает». Переводил для стариков, не понимавших по-русски, сводки Совинформбюро на ненецкий язык. И, завидев на белушкинском рейде четыре эсминца, в восторге писал песню о грозных кораблях Сталина, которые своими пушками добудут Победу...

Иван Ильич Ледков, сын Тыко Вылки, рассказывал журналисту Виктору Толкачеву о годах боевых испытаний на Новой Земле:

«Когда война началась, отец у дома лодку делал. А репродуктор — над ним. Как сказали «война» — он сразу же к нам на остров Ярцев приехал, мы там на птичьих базарах яйца собирали. Приехал с продуктами да яйца забрать. Сказал: «Ой, ребята, Гитлер напал!» Потом самолеты залетали. Как сейчас вижу: отец на крыше стоит, из «ремingtonа» пуляет.

Потом Мазурук прилетел. На брошенный экипажем американский пароход поехал, снял два пулемета — ручной и станковый — и вооружил отца. И подбил однажды мой старик один «юнкерс» из ручного пулемета. Правый мотор у него задымил... Тогда мы и берег укрепили траншеями, бочками, мешками с песком — на случай десанта.

Однажды отец в командировку с товарищем отправился. Его отвез, а сам обратно на базу в Белушку поехал. Ехал-ехал по берегу — что такое? Как нерпа во льдах у скал Талбея. Отец подкрался, как на промысле, видит — немец! Пистолет наставил — тот руки поднял. На сани показал — тот лег. Наверное, «аварийный» немец».

Эти ненецкие легенды до сих пор кочуют побережьями, тундрами, газетными страницами, цепляясь за книжные переплеты, — живы!

«Сталин здесь — я!»

Весной 1942 года немецкое командование, видя транспортную активность союзных конвоев в Арктике, перебазировало из Атлантики в Норвегию линейный корабль «Тирпиц», тяжелые крейсера «Адмирал Шеер», «Адмирал Хиппер», «Лютцов», двадцать подводных лодок и ударную авиацию.

Подводники рейха жестко и решительно взялись за дело. Владея инициативой, они предприняли удачную попытку навязать в Заполярье свои правила игры и в дальнейшем не уступали Северному флоту в тактико-технической новизне противостояния. Противник, несомненно, был умен, упорен и дерзок.

11 августа 1941 года у мыса Святой Нос в Баренцевом море СКР-27 («Жемчуг») был атакован подлодкой U-451, погиб весь экипаж сторожевика — 59 человек. 28 августа 1941 года на дозорной линии у мыса Черный подлодкой U-752 был торпедирован тральщик Т-898, погибли все 30 человек экипажа. В январе 1942 года по неизвестным причинам в дозоре со всем экипажем из 43 человек в северной части Белого моря погиб СКР-24 («Айсберг»)...

Пока война рвала море возле Кольского полуострова, на архипелаге казалось, что осадой Мурмана дело и кончится. Но немцы мыслили шире, включив в зону своих действий и Новоземелье.

Ветеран Арктического фронта Демьян Николаевич Канюков из ненецкого поселка Нельмин Нос (НАО) существо тех заполярных сражений ощутил на себе:

«На Новой Земле в войну было неспокойно. Враг ходил совсем рядом и даже не боялся показать, что он тут. Немцы все время искали, где у нас тонко. К примеру, лодка всплывает, обстреляет метеостанцию на берегу — все горит, кто убит, кто ранен. Живые убегают в тундру, а немцы — раз, на глубину ушли. Потом лодка часто ходила у берега, как белуха. То, бывало, вражеский самолет пролетит, кинет бомбу, сделает ею котлован и попутно сфотографирует объекты.

Мы жили в казарме, больше напоминавшей сарай. По всему острову были раскиданы посты. Стоять на часах было холодно: поверх шубы надевали тулуп, на ногах — валенки. Дежурили по сменам, стояли по три часа —

больше не выдерживали. Мы, военные, соседствовали с гражданским населением острова. Вместе воевали! Я даже встречался со знаменитым Тыко Вылкой, был у него в гостях. Хороший мужик! Побеседовали с ним по-свойски, выпили по чарке винца... Вылку все называли президентом Новой Земли, а он в шутку именовал себя «вторым Сталиным». Так и говорил: «Сталин — на Большой земле, а здесь Сталин — это я!» И ничего, никто не возражал...

Служба была тяжелой, не все выдерживали. Один радист застрелился. И что? Да ничего. Бросили в яму со всей одеждой и зарыли. Мне тоже не очень-то была по душе служба с ее строгостями. Но чего ж стреляться? Дстойно служил, с наградами. В 1948 году Новоземельскую базу закрыли. Вернулся в тундру, к стаду...

В целом активным и удачным для «морских волков» рейха год 1941-й не был. В конце декабря первого года войны «адмирал Арктики» вице-адмирал Шмундт отказался от позиционного метода действия субмарин у советского побережья и впервые применил принцип «волчьей стаи».

В свою очередь, командующему Беломорской военной флотилией 19 мая 1942 года, еще до начала активных действий кораблей германского флота, было предписано произвести рекогносцировку по определению мест базирования легких сил флота и тяжелой морской разведывательной авиации в проливах Югорский Шар, Маточкин Шар и в губе Белушья. Комиссия под председательством генерал-майора береговой службы Лаконникова выполнила эту работу 5–18 августа.

18 августа 1942 года приказом Народного комиссара ВМФ в составе Беломорской военной флотилии была образована Новоземельская военно-морская база. Основной ее задачей была определена защита новоземельских проливов и подходов к ним.

В годы войны арктические острова и архипелаги оставались в поле зрения и досягаемости немецких сил. Немецкое командование смогло организовать военные действия флота в Баренцевом и Карском морях. Еще в июле 1941 года на остров Междушарский приземлился первый немецкий самолет He-111, который пилотировал Рудольф Шютце. Осенью 1941 года сюда прилетел немецкий самолет He-111, на борту которого находился основоположник создания метеорологии северных широт Руперт Гольцапфель. Была предпринята попытка размещения здесь автоматической метеостанции, но она оказалась неудачной. На острове их «хейнкель» был обнаружен и атакован советской летающей лодкой МБР-2. При аварийном взлете немецкий самолет получил повреждения, как и сама метеостанция «Крот». Она работала некоторое время, а затем была снята с острова... Весной 1942 года советские летчики обнаружили в губе Белушья подводные лодки противника, отстайвавшие там до организации Новоземельской военно-морской базы.

Немецкие подводные лодки пытались нарушить транспортные операции, уничтожая полярные станции, дававшие штабам морской проводки информацию о ледовой обстановке и погодных условиях на ключевых участках Западного сектора Арктики. 27 июля 1942 года немецкая подводная лодка U-601 артиллерийским огнем сожгла полярную станцию Малые Кармакулы: дома зимовщиков и склады. Один человек был убит, четверо ранены. Разбиты два гидросамолета ледовой разведки «Каталина».

25 августа того же года подлодкой U-255 в 5.35 утра была обстреляна полярная станция на мысе Желания. Сгорели дом, склад, метеостанция («Напало неприятельское судно, обстреляло, горим, горим, много огня...» — в панике передавали зимовщики), а 8 сентября подлодка U-251 совершила огневой налет на полярную станцию на острове Уединения, разрушив там дом и хозяйственные постройки. 24 сентября немецкой субмариной на мысе Опасный также была обстреляна радиостанция...

Берег спасения PQ-17

Война на море меж тем разворачивалась всерьез и полномасштабно. Кригсмарине старались закрепить успех приоритетного развертывания сил и отработать новую тактику борьбы в Арктике.

В июле 1942 года произошла трагедия союзного конвоя PQ-17. 27 июня 1942 года 34 судна этого конвоя вышли из Исландии. В результате рассеяния конвоя германский флот и авиация уничтожили поодиночке 23 судна. Рассыпавшиеся транспортные суда конвоя, преследуемые немецкими подводными лодками и самолетами, самостоятельно прорвались в Белое море и прибились к новоземельским берегам.

Американский транспорт «Беллингхем» и советский транспорт «Донбас», спасший по пути 51 американского моряка с торпедированного судна «Даниель Морган», 9 июля прибыли в Архангельск. Остальные советские и иностранные транспорты конвоя PQ-17 подошли к берегам Новой Земли. Советские истребители Пе-3 приня-

ли участие в поиске и прикрытии судов конвоя. Два гидросамолета типа ГСТ были направлены к берегам Новой Земли. Кроме того, помощь экипажам транспорта оказывали два гидросамолета, базировавшиеся в Малых Кармакулах. Одним из них командовал известный полярный летчик Герой Советского Союза И. П. Мазурук.

К 7 июля к Новой Земле подошла основная часть уцелевших транспортов и английских эскортных кораблей. К архипелагу на поиски уцелевших судов и спасшихся с потопленных судов людей были посланы зверобойный бот «Мурманец», минный заградитель «Мурман» и тральщик ТЩ-38. Три судна конвоя в районе мыса Желания обнаружили наши летчики.

В губе Литке сел на мель американский транспорт «Уинстон Сейлем». Экипаж судна вывел из строя орудия, затопил артпогреб и съехал на берег. В бухту Кармакулы зашел английский транспорт «Эмпайр Тайп». Тяжело поврежденный советский транспорт «Азербайджан» укрылся в заливе Русская Гавань, пять союзных транспортов и одиннадцать небольших английских кораблей охранения зашли в пролив Маточкин Шар.

7 июля 1942 года два корабля ПВО, три корвета, три тральщика, три вооруженных траулера, одно спасательное судно и четыре транспорта вышли из Маточкина Шара. Переходом первого конвоя с Новой Земли в Архангельск руководили спасшийся с потопленного транспорта коммодор конвоя PQ-17 Дж. Даудинг и командир корабля ПВО «Паломарис» Джонси. 9 июля конвой подобрал шлюпки и спас людей с двух американских транспортов. 11 июля транспортные суда «Оуши Фридом» и «Самуэль Чейз», а также корабли охранения прибыли в Архангельск. Эвакуация уцелевших моряков PQ-17 с Новой Земли в Архангельск проходила по 28 июля...

Из 23 судов, потерянных конвоем, на счету «У-ботов» восемь и еще такое же число добытых после атак авиации. Советский Союз не получил тысячи тонн военных грузов, британское Адмиралтейство на два месяца отказалось от проводки последующих конвоев.

Робинзоны на скалах

21 июля две немецкие подводные лодки подвергли обстрелу суда в губе Белушьей. Подростки, направленные из Архангельска на Новую Землю на сбор тушек птиц, яиц, гагачьего пуха и лов рыбы, помогли спасти на архипелаге экипаж потопленного американского судна.

Архангельск переживал голодное время. С сентября 1941 года в городе была введена карточная система на продуктовое снабжение населения. Нормы сокращали от месяца к месяцу. Весной 1942 года минимальная норма выдачи хлеба составляла 75 граммов.

Власти искали внутренние продовольственные резервы. Архангельский обком ВКП (б) и облисполком приняли совместное постановление «О заготовке яиц, тушек кайры и добыче рыбы на острове Новая Земля и вывозе заготовленной продукции в г. Архангельск в навигацию 1942 год».

Кайра — промысловая птица из семейства чистиковых длиной 40-48 см и весом около одного килограмма, ее мясо похоже на куриное, но яйца кайры значительно крупнее куриных.

13 мая 1942 года бюро Архангельского обкома комсомола рассмотрело вопрос «О направлении студентов и учащихся на заготовку яиц, тушек кайры и добычу рыбы на остров Новая Земля». Для экспедиции на архипелаг был сформирован отряд из ста пятидесяти учащихся техникумов и старших классов средних школ в возрасте от четырнадцати до семнадцати лет. Начальником экспедиции был назначен капитан А. А. Грозников, комиссаром — партийный работник В. П. Брагин.

Флотилия «яично-птичьей экспедиции» — рыболовный траулер «Зубатка», моторно-парусная шхуна «Авангард» и бывший парусник «Азимут» — 30 июня 1942 года отошла от причалов архангельской Фактории, взяв курс на Новую Землю, и достигла ее 6 июля.

Школьной экспедиции поставили задачу работать на птичьих базарах Вилы, Домашнее и на острове Пуховый. Оборудовали промысловые стоянки: брезентовые палатки, самодельные печи, нары, стол и скамейки. Ребят разделили на бригады, возглавляемые промышленниками Мошковым, Старковым, Котловым.

Обвязавшись веревкой, школьники ползали по опасным отвесным скалам и собирали яйца в корзины. Их упаковывали в ящики, пересыпая стружкой. «Яичная операция» продолжалась в течение недели. Следующим этапом была заготовка тушек кайры. Молодые промысловики заготовили около пяти тысяч яиц, свыше двадцати тысяч тушек птицы, выловили 360 кг гольца.

Новоземельские природные богатства фактически спасли сто пятьдесят архангельских школьников от голодной смерти в тыловом городе. А скольким еще людям помогли добытые ими продукты!

▲ Единственная новоземельская лошадь. Доставка питьевой воды в поселок Белушья Губа. 1950 г.

И. К. Вылка перед промыслом на ледовом припае. Новая Земля, 1950 г.
▼ Из фондов АОКМ

A. F. 1902. 1 VII

◀ А. А. Борисов.
Во льдах Новой
Земли. 1901 г.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

Однажды к школьникам приехал знаменитый Тыко Вылка. Илья Константинович интересовался ходом промысла, рассказывал о своих походах по островам.

В одном из ноябрьских номеров журнала «Лайф» за 1943 год была опубликована статья «Авария в русских полярных водах», написанная участником конвоя PQ-17 Россом Расселом. «Яичную экспедицию» подростков он увидел такой:

«Шхуна привезла их и высадила на этот остров в 700 милях от Северного полюса. В течение двух месяцев они собирали яйца, просаливали уток, собирали гагачий пух. Затем шхуна возвращалась за собранными припасами и переправляла их на материк.

Дети были вполне самостоятельны. Поддержка дисциплины и распорядка поручена трем пятнадцатилетним комиссарам, но в этом не было нужды. Дети имели большое чутье к кооперативным началам, которые нам трудно вообразить. Каждый день они ползали вверх и вниз по скалам, как обезьянки. Они ставили свои ялики в скалистые убежища у берегов, когда отправлялись опустошать многочисленные гнезда, где несметное число уток несли яйца. Дети пылали здоровьем и были полны радостной живучести.

Когда я говорю, что они спасли нам жизнь, я хочу сказать этим, что именно так оно и было. Любопытными синими глазами они сразу увидели тяжесть нашего положения. Немедленно дети принялись за доставку провизии нашим страдающим людям. Они притащили жареных уток, круто сваренные яйца и печенье, сделанное из муки и яиц. Они даже снабдили нас просоленной рыбой и черным хлебом из собственных запасов. Что еще важнее — они научили нас, как добывать пропитание на суровом острове. Смеясь и болтая, они брали нас с собой на прогулки, указывая места, где находится здоровая питьевая вода, лучшие места для сбора яиц, учили отличать хорошие яйца от плохих и ловить силками уток».

27 сентября 1942 года от сожженного становища Малые Кармакулы тральщик «Сом» с боевым охранением взял курс на Архангельск. Экспедиция была повторена в следующем году.

Полярная трагедия

Благоприятная для немцев пустота, возникшая в союзных перевозках из-за гибели PQ-17, подсказала им идею развернуть подводные силы на советских каботажных коммуникациях. На этот раз удару подверглись морские пути, связывавшие Белое и Карское моря.

1 августа 1942 года подлодка U-601 потопила транспорт «Крестьянин», шедший в губу Белушья из Нарьян-Мара без охранения с грузом угля для кораблей. Погибли семь человек, тридцать восемь спаслись, добравшись на шлюпках до Новой Земли, путь к которой им указали... моряки подбившей их подлодки. После атаки субмарина всплыла и, опросив выживших, указала им кратчайшее направление к берегу. Подобная галантность в войне на море была исключением.

17 августа 1942 года на подходе к проливу Югорский Шар, у острова Матвеев, подводная лодка U-209 атаковала караван небольших невооруженных судов, шедших без охранения: буксирный пароход «Комсомолец» с несамоходными судами (П-4 и лихтером Ш-500) на буксире и буксирный пароход «Норд» с неисправным буксирным пароходом «Комилес» на буксире с несколькими сотнями человек и строительными грузами, следовавшими из Хабарово в Нарьян-Мар. Были уничтожены все суда, кроме «Норда», сумевшего скрыться за дымом горящих барж. Немцы расстреливали плавающих в ледяной воде людей... «из сострадания». Погибли 305 моряков и пассажиров, в том числе капитан Нарьянмарского порта П. С. Козловский и капитан «Комсомольца» П. К. Михеев. Спаслись лишь 23 человека...

Трагедия стала предметом разбирательства на бюро Архангельского обкома партии. Было решено гражданские суда без охранения в море не выпускать. (В 1968 году в Нарьян-Маре по проекту П. Я. Хмельницкого был сооружен мемориал в память о трагедии у Матвеева острова).

19 августа две немецкие подводные лодки попытались демонстративно, в надводном положении, войти в губу Белушья. А U-209, не скрываясь, появилась у входа в пролив Костин Шар (в районе острова Междушарский, совсем недалеко от Белушьей) и нагло вступила в артиллерийскую перестрелку с советскими тральщиками Т-58 и Т-39. После выхода навстречу ей из губы Белушья СКР-18 лодка в надводном положении ушла в сторону моря.

21 августа 1942 года U-456 у западного прохода пролива Маточкин Шар безрезультатно атаковала СКР-18 и Т-57 при их переходе из пролива в губу Белушья, а в ночь на 25 августа подлодкой U-601 были потоплены беспечно подходившие к Диксону транспорт «Куйбышев» и буксир «Медвежонок»...

▲ Удачная охота на припае.
Новая Земля,
1949 г.

Пароход у пирса
на Новой Земле.
▼ 1949 г.

Архипелаг нуждался в надежной обороне. Притязания Кригсмарине в Арктике были совершенно недвусмысленны.

Днем образования Новоземельской военно-морской базы считается 22 августа 1942 года — день отдания приказа командующим Северным флотом. Штат базы состоял из 1183 военнослужащих (143 человека офицерского состава, 262 — старшинского состава и 768 человек рядового состава) и 170 вольнонаемных.

Ее командование должно было организовать оборону архипелага и западного сектора Арктики от действий рейдеров, подводных лодок противника, его морских и воздушных десантов, защиту морских коммуникаций и Северного морского пути в западном секторе Арктики.

В Белушье Губе срочно сформировали структуру базы: командование, штаб, политотдел, финотдел. Силы флота составлял целый комплекс подразделений: управление участка, телефонная станция, радиостанция, ремонтно-линейный взвод, 11 полярных радиостанций (в Белушье, на Маточкинском Шаре, на мысе Столбовой, мысе Выходной, в Малых Кармакулах, на мысе Желания, в заливе Русская Гавань, заливе Благополучия, а также в Амдерме, в Югорском Шаре и на острове Вайгач), военно-морская почтовая станция № 1167, отделы тыла базы, ветеринарное отделение, базовый лазарет, военно-морская прокуратура, двенадцать постов СНиС (в губе Белушья, губе Крестовая, в проливах Маточкин Шар, Югорский Шар, два — в Костинском Шаре, на островах Пахтусова, Колгуев, Диксон, в заливах Абросимова, Литке, на мысе Меньшикова).

В Новоземельскую ВМБ вошел северный отряд кораблей: 1-я группа сторожевых кораблей — СКР-18 («Литке»), СКР-19 («Дежнев»); 2-я группа сторожевых кораблей — ТЩ-903, ТЩ-904, группа мотоботов ГУСМП («Норд», «Полярник», «Нерпа»), охрана рейда Русская Гавань (два сторожевика), охрана рейда Маточкин Шар — два СКР и береговая батарея М-28 (два 75-мм и два 76-мм орудия).

Для обороны губы Белушье с острова Великий были доставлены батарея № 240 (два 130-мм орудия), из Мурманска — батарея 6-го зенитно-артиллерийского дивизиона и сухопутная батарея № 570 (четыре 152-мм орудия). 15 сентября 1942 года в губу Белушью прибыл на самолете командир Новоземельской военно-морской базы капитан первого ранга Дианов...

С 19 сентября по 8 ноября более двух десятков военных кораблей и транспортов доставили в Белушью Губу специальные грузы для базы военных моряков. Малочисленный личный состав базы с помощью жителей становища круглосуточно производил разгрузку кораблей на необорудованное побережье. Мужчины-промысловики осуществляли охрану побережья Новой Земли на наблюдательных постах и огневых точках, обслуживали закрепленные для связи с военным командованием и островным Советом упряжки собак. Женщины и подростки заменили мужчин в промысловых артелях.

В 1942 году в различных пунктах архипелага были возведены военные объекты Новоземельской ВМБ. 10 сентября закончили строительство аэродрома у залива Рогачева (две пересекающиеся полосы размерами 160x1000 м и 100x700 м), а 16 сентября на мысе Литке поставили батарею № 240 (два 130-мм орудия).

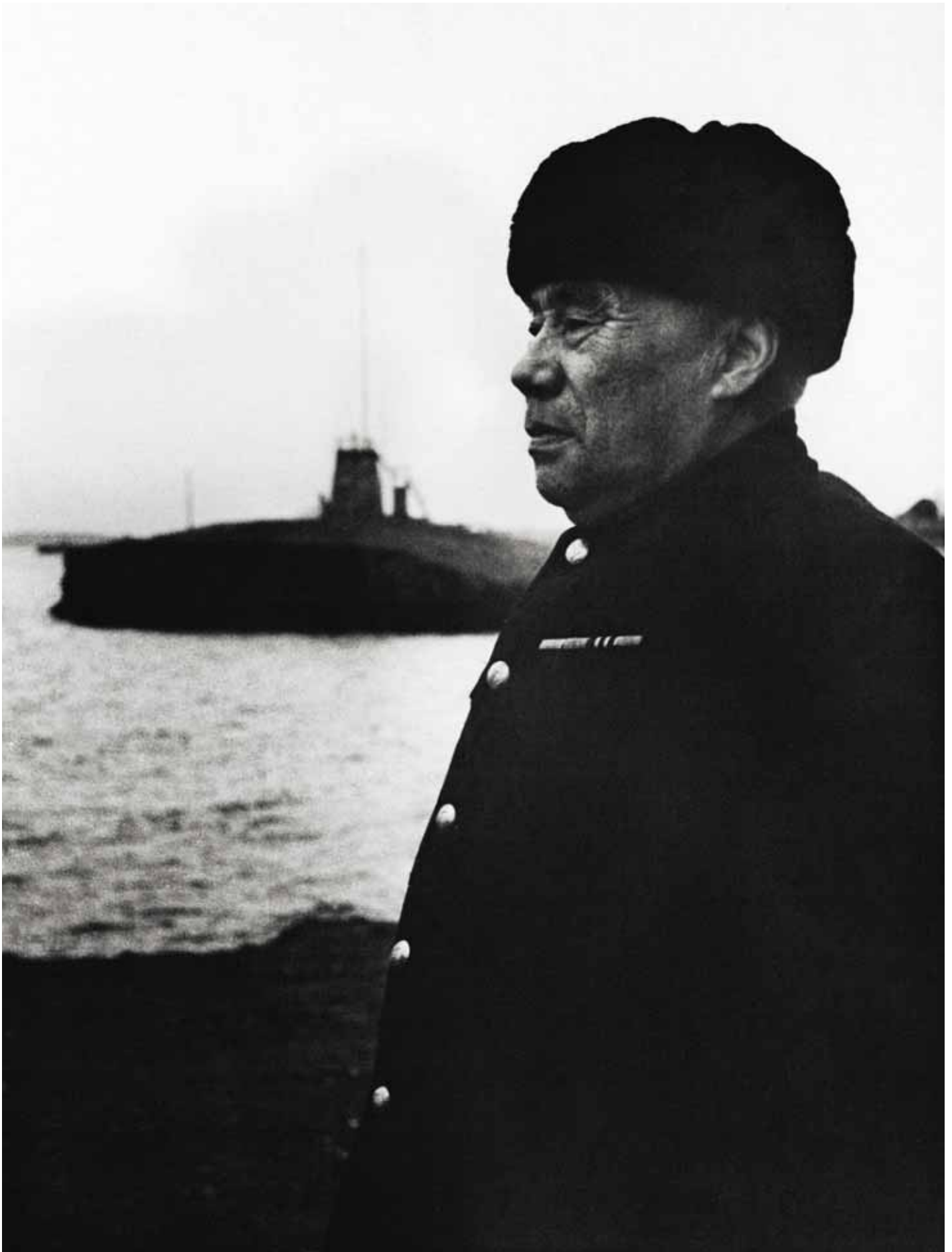
25 сентября закончились работы по сооружению морского аэродрома в бухте Самоед губы Белушье. 1 октября установили зенитную батарею № 965 (четыре 37-мм орудия) в становище Лагерное и полубатарею № 960 (два 37-мм орудия) в Малых Кармакулах. 4 октября были сооружены еще две полубатареи № 960 (два 37-мм орудия) у аэродрома Рогачево. 25 ноября на мысе Морозова поставили подвижную батарею № 570 (четыре 152-мм орудия). 10 декабря 1942 года на острове Колгуев была развернута батарея № 645 (два 102-мм орудия).

К 1 января 1943 года были закончены основные работы по строительству жилых и вспомогательных помещений и складов, но большинство военных жили в землянках до 1943 года, пока на остров не привезли в разобранном виде рубленные домики. В большинстве своем эти сооружения прослужили новоземельцам в Белушке вплоть до 1955 года — того времени, когда все ее население было морем и вертолетами вывезено в становище Лагерное. Поэтому долгие годы облик столицы архипелага с борта судна выглядел одинаково: крыши землянок, коробочки домиков, контор, складов, длинные здания школы, больницы (бывшее ранее храмом) и штаба базы, разбросанные по берегу как привелось...

Когда начиналась навигация, суда доставляли с архипелага на Большую землю заготовленные тушки птиц, яйца, гагачий пух, мясо, жир и шкуры медведей, оленей, песцов, морского зверя, а также рыбу. Лучшим охотником и рыбаком на архипелаге в эти годы был признан ненец Серафим Вылка. По пять-шесть сезонных заданий выполняли промышленники П. Журавлев, Т. Ледков, Ф. Кожин, И. Кузнецов, И. Слuzов, Г. Тайбарей.

Архипелаг военных лет вспоминает Ф. П. Колтовой, ветеран Арктического фронта. Он служил на Новой Земле в годы войны и оставил свои подробные мемуары для Музея Краснознаменного Северного флота:

И. К. Вылка.
Белушья Губа,
Новая Земля,
1954 г. Из фон-
дов АОКМ

И. К. Вылка.
Избушка Пахтусова.
1950-е годы.
Из фондов ГМО
«Художественная культура
Русского Севера»

«Сначала жили мы в палатках, позднее — в землянках, еще позднее — в деревянных домиках. В палатках волосы примерзали в подушкам. Баня была маленькая, в ней стоял большой чан, в который мы клали напильный снег и, нагревая, получали воду. Так и мылись. Каждый входил с брусом снега почти деревянной твердости. Очередь на помывку подходила раз в месяц. Обстановка была такова: мы обеспечивали наблюдение и связь, вокруг Новой Земли находились посты СНИС, с них получали донесения и передавали на Большую землю. Через нас шли туда и донесения с Диксона.

Осенью 1942 года у нас, в губе Белушьей, стояло много торговых судов, которые затем шли дальше, в Англию и Исландию. В 1942 году здесь зимовал СКР-19 («Дежнев»), после боя с карманным линкором «Адмирал Шеер». На мысе Лилье находились батарея и сигнальный пост, стрелковая рота. Несли службу, учились. Жизнь была суровая, обстановка — как на фронте. Часто проводились общебазовые учения и учебные тревоги. Неоднократно наблюдали группы немецких самолетов, которые держали курс на мыс Лилье, оттуда поворачивали на Архангельск и бомбили его. Налетов на Белушь было немного.

По некоторым сведениям, на северо-восточном побережье Новой Земли была расположена база немецких подводных лодок. Здесь, в 2,5 км к югу от мыса Желания, они отсиживались. Большой вред приносили подводные лодки, которые топили наши и союзные корабли в Карском море, в проливах, на подходе к Белушьей губе. Но все же Новая Земля оставалась нашей!

Командовал Новоземельской военно-морской базой замечательный командир и человек капитан I ранга Александр Иванович Дианов. Начальником политотдела был капитан II ранга Ушаков. Позднее командование базой приняли капитан I ранга Макин и начальник политотдела капитан II ранга Спиридонов. Начальником связи был сначала Полищук, затем — капитан II ранга Терещенко, позднее — капитан-лейтенант Андреев.

Несмотря на зимние условия, к 1 января 1943 года были закончены основные работы по строительству жилых и вспомогательных помещений и складов. Большинство военнослужащих жили в землянках до 1943 года, когда были доставлены в разобранном виде рубленые домики.

В 1944 году построили штаб базы, клуб, баню. Связь с Большой землей прекращалась с уходом последних кораблей. Почту получали редко. Ее сбрасывали с самолетов. Были случаи потери людей в сильную пургу. Силой ветра сбивало человека с ног. Замерзали насмерть, когда ходили из Рогачево в базу за хлебом.

К нашему приезду в Белушьей Губе было только четыре дома: школа, лазарет, домик И. К. Вылко, дом промысловиков и еще была избушка на угоре, где сначала помещалась вся служба связи с аппаратурой. После появились приемный и передающий радиоцентры.

Был еще такой случай. Когда мы высадились и раскинули пост на крыше школы, то первое время, часов в одиннадцать, с острова Междушарский поднимался самолет Ю-88 и делал облет базы по горизонту. Облетит и скроется в том же районе. После в тот район на боте «Мурманец» был отправлен десант. В нем участвовал и я. На острове Междушарский обнаружили большие аккумуляторные батареи для питания лодок, которые уничтожили. С того времени самолет уже больше не появлялся...»

Подводный террор

25 августа 1942 года — день короткого, неравного и легендарного боя ледокольного парохода «А. Сибиряков» с рейдером «Адмирал Шеер». Пароход затонул, не спустив флага, и успел предупредить о вражеском корабле вблизи диксоновских коммуникаций... 27 августа 1942 года произошел огневой бой героических защитников Диксона с «Адмиралом Шеером». Его рейд показал, что большинство советских транспортных судов, следующих Севморпутем через Карское море, документами скрытой связи не пользовались. Установленная для всех судов зона радиомолчания к западу от 85-го меридиана соблюдалась крайне редко. Полярные мореплаватели и авиаторы по-прежнему считали, что находятся в глубоком тылу, где им противостоит только природа...

Меж тем атаки немецких подводных сил продолжались. 2 октября 1942 года немецкая подводная лодка обстреляла мотобот «Шторм» в районе западного устья пролива Маточкин Шар. 11 октября на mine, выставленной в этом районе подлодкой U-589, подрывался и затонул СКР-23 («Муссон»).

Арктическая операция немецких морских сил «Вундерланд» в целом потерпела неудачу, но все-таки создала значительное напряжение на советских коммуникациях в Карском море, где ранее суда ходили так же, как в мир-

ное время. Именно в кампанию 1942-го года германское командование пришло к пониманию эффективности минных постановок в арктическом бассейне. Выводя лодки из восточной части Арктики, немцы предусмотрительно заминировали проливы, соединяющие Карское и Баренцево моря. Для советского командования появление мин здесь стало неожиданностью. 14 октября 1942 года пароход «Щорс», шедший в составе конвоя из Карского моря в губу Белужью, в Печорском море, на выходе из пролива Югорский Шар, подрывался на mine, поставленной подводной лодкой U-592. Экипаж судна был спасен... Выход судов из Карского моря стал возможен только после траления фарватеров британскими тральщиками.

Реальный ход подводной войны не вызывал у германского командования особой радости. Тем не менее, эти «булавочные уколы» были все-таки очень ощутимы! В марте 1943 года на Новоземельскую ВМБ, расположенную в поселке Белушья Губа, немецкие самолеты-разведчики сбросили несколько бомб. Это окончательно подтвердило, что архипелаг — не глубокий тыл большой войны, а ее Арктический фронт... Первые транспорты, начавшие навигацию 1943 года, доставили в Белушью Губу истребители «И-15 бис», которые были размещены на аэродроме Рогачево. На материке машины этого типа считались либо учебными, либо морально устаревшими. Но прибытия их сюда было достаточно, чтобы воздушные налеты противника на базу прекратились. Кстати будет сказать: зиму 1943—1944 годов в Рогачево авиаторы прожили в армейских палатках...

Авиатехник 2-го гвардейского истребительного авиаполка Дмитрий Дмитриевич Алексеев на Новую Землю попал в 1943 году: «Когда не получилось у немцев занять Архангельск и Мурманск, они готовились занять Новую Землю. Туда нас, летно-технический состав, привезли с эскадрилей истребителей «Киттихаук». И перебросили туда еще одну нашу эскадрилью бомбардировщиков. Базировались самолеты на аэродроме Рогачево. Я обслуживал истребители.

Там такие шторма, что самолеты крепили штопорами, вкручивая их в снег. В Белушьей Губе волна иногда метров двадцать высоты приходит в залив и все выбрасывает на поверхность. И то, что на поверхности, снова уносит в море. У нас там стояло четыре летающих лодки «Каталина». Крепления — чугунные со скобами, они опускались на глубину и машины привязывались к ним... Так штормом все самолеты выбросило! И «Каталины» друг об дружку — в дрова! Из четырех потом только две собрали, остальные — в лом.

Войну закончил на Новой Земле. По радио объявили. Мы расстроились — считай год в тылу просидели».

В мае 1943 года, несмотря на минусы в борьбе «волчьих стай», немецкое командование возобновило боевую деятельность в арктических водах. В июне 1943 года в Тронхейме была сформирована 13-я флотилия подводных лодок, в которую на 1 июля входило 12 «унтерботов». Задача номер один — начало боевых действий в Карском море и минирование коммуникаций между горлом Белого моря и новоземельскими проливами. До конца навигации немцы выставили в этих районах 16 минных банок общим количеством 342 мины. На одной из них, поставленной U-592, 25 июля 1943 года в проливе Югорский Шар подрывался и погиб тральщик Т-904. 27 июля 1943 года в районе Спорого Наволока (Новая Земля) артиллерийским огнем подлодки U-255 было потоплено экспедиционное судно «Академик Шокальский». Оставшиеся в живых члены экипажа во главе с капитаном И. С. Писаренко под огнем противника высадились на льдину, а затем на шлюпке добрались до берега. Погибли одиннадцать моряков и полярников.

На море продолжали разыгрываться огненные драмы и трагедии. В конце июля 1943 года в Белушью губу шел военный транспорт «Рошаль» с грузами для Новоземельской ВМБ и заполярных промышленников, его сопровождали два тральщика Беломорской военно-морской базы: ТЩ-55 и ТЩ-65. В районе мыса Лилье 30 июля сигнальщик заметил след торпеды, выпущенной немецкой подводной лодкой U-205. Командир ТЩ-65 старший лейтенант Николай Голубенцев решил заслонить своим судном транспорт с военным грузом. После мощного взрыва тральщик начал быстро погружаться в штормовое море. Спасти удалось немногих. За этот подвиг Н. К. Голубенцев был награжден орденом Боевого Красного Знамени, а три члена экипажа — орденами Красной Звезды. Останки погибших моряков ТЩ-657 мая 1989 года были перенесены с каменистой косы и торжественно перезахоронены на новом кладбище поселка Белушья Губа. 25 июля 1989 года здесь был открыт памятник героическому экипажу...

Еще одна трагедия — в тот же день U-703 потопила у входа в пролив Костин Шар дозорный тральщик ТЩ-911.

4 августа 1943 года поступило тревожное сообщение с полярной станции на мысе Выходной о том, что в районе замечена подводная лодка. Командир гарнизона капитан-лейтенант Астафьев принял своевременное и верное решение: нанести контрудар, пробомбив квадраты предполагаемого нахождения лодки противника. Но какими средствами? В это время на рейде пролива Маточкин Шар стоял транспортный морской бот «Касатка», принадлежавший Новоземельской промысловой конторе. На корме бота в срочном порядке установили два аппарата

Тыко Вылка с жителями поселка и гостями у здания Новоземельского островного Совета. Белушья Губа, 1949 г. Из фондов ОГУ «Ненецкий краеведческий музей»

для метания бомб. Членам команды были розданы десять винтовок и по тридцать патронов каждому. Капитан Василий Пустошный и руководитель военной операции Михотин рассчитывали на внезапность удара. В половине четвертого утра следующего дня полетели бомбы в глубины устья Маточкина Шара... Отвадили ганса мутить новоземельскую воду!

Война на море собирала дань с Новой Земли... В августе и сентябре 1943 года германское командование в два этапа провело операцию «Вундерланд-2». Следуя из Обской губы в Архангельск, спасательное судно «Шквал» Беломорской военной флотилии 25 августа в проливе Югорский Шар подрывалось на донной mine, поставленной подводной лодкой U-625. Погибли 46 моряков, в числе которых и капитан, старший лейтенант В. С. Тимофеев. Спаслось всего пятеро...

1 августа подводники U-255 основали на северо-восточном побережье Новой Земли временный пункт заправки разведывательных гидросамолетов. 5–7 и 11 августа летающая лодка BV-138 совершила четыре полета в направлении пролива Вилькицкого. К счастью, немцам

не удалось обнаружить целей, заслуживающих внимания. «Стая» «Викинг» (U-302, U-354, U-711) покинула район рейдирования.

28 августа 1943 года в районе острова Мон (Карское море) от торпеды U-302 погиб транспорт «Диксон», а 30 августа того же года советская подводная лодка «С-101» потопила в районе мыса Желания (Новая Земля) немецкую подлодку U-639, возвращавшуюся после постановки мин в Обской губе и рейда в Карское море.

Продолжались попытки лишить Северный морской путь его ключевых контрольных точек, его «органов зрения и слуха»: 18 сентября 1943 года вражеская подлодка разрушила полярную станцию острова Правда в архипелаге Норденшельда. Люди успели спрятаться среди камней. 24 сентября полярная станция в заливе Благополучия была полностью уничтожена огнем артиллерии субмарины и более не восстанавливалась. Полярники были вывезены с пепелища самолетами...

Драма конвоя ВА-18

Наиболее драматическим событием кампании 1943-го года стало нападение группы подлодок «Викинг-2» (U-601, U-703 и U-960) на караван ВА-18. 28 сентября этот конвой в составе транспортов «Андреев», «Моссовет», «Архангельск», «Сергей Киров» вместе с минным заградителем «Мурман» и двумя мобилизованными тральщиками отправился со стоянки у островов Комсомольской Правды в море Лаптевых. На судах находилось американское оборудование для Норильского никелевого комбината НКВД. Спустя двое суток отряд был обнаружен субмариной U-960. Охота началась!

В результате первой же торпедной атаки западнее острова Русский погиб транспорт «Архангельск», затонувший в течение пяти минут. Тральщик ТЩ-31 спас 27 человек, пятнадцать моряков погибли. Поскольку торпедный след не был замечен, командир конвоя капитан III ранга В. В. Похмельное решил, что судно подрывалось на mine, и ограничился сменой курса каравана. Сохраняя радиомолчание, командир конвоя не стал докладывать о происшествии и просить подкреплений, хотя капитаны охраняемых им гражданских судов пользовались радиосвязью совершенно открыто. Спустя час субмарина безуспешно атаковала транспорт «Моссовет». Новых попыток напасть на суда в этот день не предпринималось, но в течение ночи впереди по курсу каравана сосредоточилась уже вся «стая».

В ранние часы тральщик Т-886 обнаружил подводную лодку в надводном положении. Она, воспользовавшись преимуществом в скорости хода, спокойно удалилась. Днем U-703 из-под воды торпедным ударом в районе островов Известий ЦИК потопила пароход «Сергей Киров», еще несколько торпед прошли вблизи транспорта «Моссовет». Тральщик ТЩ-63 принял на борт команду «Кирова» (погиб один человек). Только после этого Похмельное, наконец, доложил обстановку командованию, но было уже поздно.

U-960 удалось у полуострова Михайлова торпедировать тральщик Т-896. Его экипаж погиб вместе с кораблем. После этого пароход «Андреев» самовольно вышел из ордера, ища спасения в шхерах Минина. Из Диксона на встречу каравану направили еще два корабля охранения: ТЩ-40 и ТЩ-42. При попытке спасти пароход «Моссовет» от нацеленной в него торпеды, выпущенной U-960, погиб ТЩ-42. Караван достиг Диксона 2 октября, но потеря ценного груза, находившегося на потопленных судах ВА-18, стала поводом для специального заседания Государственного Комитета Обороны. Отвечать за разгром конвоя пришлось самому командующему Северным флотом...

▲ Так поработал новоземельский сток. Жители поселка на сугробе у занесенного штаба. Выбирались наружу через чердак. Белушья Губа, 1949 г.

Школьники Белушки с учительницей.
▼ Новая Земля, 1948 г.

В 1944 году, когда ход войны уже был переломлен в пользу СССР и союзных стран, у архипелага случилась трагедия — одна из самых ужасных и памятных в истории Новой Земли. В начале августа германское командование направило группу подлодок «Грайф» (U-278, U-362, U-365, U-711, U-739 и U-957) для действий в Карском море. Субмарины заняли позиции восточнее новоземельских проливов и в районе Диксона. 10 августа одну из них обнаружили зимовщики в бухте Полынья — присутствие вражеских субмарин в этом районе скрыть не удалось. По всему Северному морскому пути была объявлена тревога. Но это не предотвратило один из самых трагических эпизодов за всю войну в арктических водах.

Вечером 12 августа 1944 года в 60 милях западнее острова Белый подлодка U-365 обнаружила караван БД-5, шедший из Архангельска на Диксон с оборудованием для арктических станций и продовольствием для зимовщиков, и торпедировала пароход «Марина Раскова», на борту которого было 55 человек экипажа, 354 пассажира и 6500 тонн груза. Три тральщика — Т-114, Т-116 и Т-118 — не смогли защитить единственное судно конвоя.

Получив предупреждение, судно и его охранение изменили курс и пошли малыми глубинами вдоль берега, рассчитывая, что немецкие подлодки побоятся действовать в прибрежной акватории. В 19.57 в 60 милях к западу от острова Белый раздался глухой подводный взрыв. Транспорт потерял ход. Командир конвоя капитан I ранга А. З. Шмелев, решив, что причиной повреждения стала донная мина, приказал, застопорив ход, приступить к спасению экипажа.

Один из трех сопровождавших караван тральщиков, Т-114, вступил в противолодочное охранение. Судно меж тем находилось под прицелом подводной лодки, стрелявшей самонаводящимися электроакустическими торпедами с небывало большой дистанции.

Спустя семь минут торпедный удар получил флагманский тральщик Т-118, через полчаса он затонул, но до этого Шмелев успел перейти на Т-114. Сосредоточив внимание эскорта на спасении экипажа судна, командир конвоя дал субмарине время для перезарядки торпедных аппаратов, после чего она снова вышла в атаку. В 0.45 пополудни 13 августа от попадания торпеды взорвался Т-114. Почти весь экипаж тральщика, включая Шмелева, погиб...

Командир Т-116 капитан-лейтенант В. А. Бабанов вместо поиска и уничтожения подводного врага бросил обреченное судно и ушел в Хабарово. При этом Бабанов даже не стал принимать спасательный вельбот, спущенный со своего тральщика. В 2.15 подлодка U-365 беспрепятственно добила «Марину Раскову» двумя торпедами.

Спасательная операция велась летающими лодками Беломорской флотилии и Северного морского пути. Она продолжалась до 3 сентября и закончилась спасением лишь 73 человек. Общие потери определялись цифрой 298 человек. Большинство среди них — женщины и дети...

В Белушней Губе даже после войны вспоминали эту трагедию. В дневнике Л. В. Бурдиковой, в послевоенные годы жившей на Новой Земле, есть запись, датированная летом 1949 года, в ней — отблеск событий пятилетней давности: «В интернате разговаривала с Журавлевым. Он сказал, что крысы на Новой Земле появились с приходом парохода «Марина Раскова». В 1944 году он направлялся на Диксон и зашел на Новую Землю. Когда стал отходить, все крысы побежали на берег. Это увидел судовой врач и посчитал недобрый знаком. Он тоже сошел с корабля. Пароход отплыл от Белушки, его сопровождали три тральщика... Спаслось совсем немного народу, человек двадцать, которых доставили в Белушье...»

«Секретные» базы Кругсмарине

26 августа 1944 года немецкая подлодка U-957, стоявшая на якоре у острова Каминского и производившая заряд аккумуляторной батареи, обнаружила гидрографическое судно «Норд», шедшее со стороны острова Кравкова. Немцы потопили судно артиллерийским огнем у острова Белуха. Погибли 18 человек, в том числе и капитан В. В. Павлов, четыре моряка попали в плен. Через месяц, 23 сентября, в Карском море эта же лодка потопила СКР-29 («Бриллиант»), шедший в охране конвоя ВД-1. Корабль вместе с экипажем затонул через две минуты... Для преследования лодки командир конвоя оставил тральщик Т-120 (капитан-лейтенант Д. А. Лысов), который утром 24-го стал жертвой U-739 возле острова Скотта-Гансена в Карском море. После попадания первой торпеды у корабля оторвало корму, но он остался на плаву и даже открыл артиллерийский огонь по показавшемуся перископу субмарины. Спустя два часа тральщик получил новое торпедное попадание, расколовшее корпус корабля пополам...

Примерно в то же время ВД-1 прибыл на Диксон. Субмарины группы «Грайф», расстреляв боекомплект торпед, прекратили преследование. Их последним «подвигом» стал захват радиостанции на мысе Стерлигова в ночь

И. К. Вылка.
Озеро Нехва-
тово.
1950-е годы.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

на 25 сентября 1944 года. Немцам удалось пленить здесь шестерых зимовщиков. Один из полярников сумел сбежать в тундру на собачьей упряжке при погрузке на субмарину. За проведение этой «героической» операции командир U-957 обер-лейтенант Шаар был награжден рыцарским крестом...

Это были последние удачи немецких подводных лодок. До окончания боевых действий в Заполярье удалось выявить созданный экипажем U-255 опорный пункт для заправки гидросамолетов (в 60 км от мыса Желания), посадочную полосу и опорный пункт на острове Междушарский, а также пункт отстоя немецких подводных лодок в бухте Белушья (остров Новая Земля).

Сегодня полярные археологи, исследуя побережья арктических земель, среди остатков экспедиционных зимовок и аварийных становищ нет-нет да натываются на следы той войны. Полярный капитан Юрий Алексеевич Настеко, исходивший Арктику вдоль и поперек на научно-экспедиционном судне «Михаил Сомов», особенно неравнодушен к теме военно-морского противостояния Германии и СССР в северных морях. Ему посчастливилось своими

глазами увидеть то, о чем ходят изустные легенды:

«Новая Земля и Земля Франца-Иосифа действительно вызывали особый интерес у военных моряков гитлеровской Германии. Комплексное сотрудничество СССР с ней в предвоенные годы имело самые широкие формы. В результате планомерной и активной работы немецкие специалисты к моменту нападения на Советский Союз имели полноценную и подробную картину арктического региона. Дирижабль «Граф Цеппелин», столь часто упоминаемый, сделал лишь малую часть того труда, который был выполнен германскими исследователями в составе многочисленных экспедиций на архипелаги полярных морей.

Конечно, германские подводные лодки шли сюда не с закрытыми глазами. Они детально представляли себе театр военных действий, опираясь на точные метеоданные и заблаговременно созданные базы снабжения. Как мореход «снимаю шляпу» перед немецкими коллегами: ходить в арктических льдах на хрупких субмаринах, не предназначенных для такого плавания, — риск, и риск смертельный. Тем не менее следы подводников Кригсмарине в 80-х годах были найдены даже в устье реки Лена. Да, от Тронхейма или Бергена далековато...

Во время экспедиционных плаваний у Новой Земли мне удалось своими глазами увидеть следы пребывания немецких моряков на архипелаге. Никаких пещер или гротов в скалах, никаких подземных аэродромов. Это сказки. Много лет занимаясь доставкой грузов в высокие широты, я знаю, какую большую проблему составляет их перевалка на берег — вся работа ведется с рейда. Поэтому пресловутые базы снабжения и пункты отстоя подлодок в Арктике — это примитивно устроенные, простейшие убежища, где можно было, как правило, укрыться от непогоды, размять ноги, набрать продуктов из продовольственных депо и запастись свежей питьевой водой.

А вот на высокие технологии немцы делали эффективный упор! Недалеко от мыса Желания, на мысе Пинегина, действовала автоматическая метеостанция, поставленная авиаторами Люфтваффе. Когда в 50-х годах командир ПСКР «Мурманск» Волков выбирал в этом месте точки для размещения островной ПВО, он наткнулся на все еще действующую метеостанцию! Аккумуляторы, дизель-генератор, сохранившаяся аппаратура, уцелевшая избушка... А на мысе Медвежий, присмотренном подводниками рейха, были обнаружены автоматическая метеостанция и остатки германской аппаратуры. Кстати сказать, восточнее мыса Желания я видел заброшенный грунтовый «аэродром подскока» советской стратегической авиации, действовавший в 50–60-е годы. О нем тоже мало кто знал, а ведь это немаленький объект. Затеряться на арктических просторах легко...

В бухте Ледяная гавань, известной как последнее пристанище великого Баренца, я осматривал остатки не большого лагеря — пункта отстоя подлодки. Это было подобие утепленной палатки для посменного отдыха экипажа, неделями жившего в стесненных условиях ограниченного пространства своей субмины. Консервные банки, бутылки, какие-то неузнаваемые железяки да остовы шлюпок с судна «Академик Шокальский» — следы пребывания здесь вражеских моряков...

Классический набор артефактов дает широко известная база немцев на Земле Александры (ЗФИ). Сейчас она активно посещается туристами. Люди, ожидающие увидеть крепость из камня и бетона, слегка разочаровываются при виде скромной фортификации столь шумевшей базы военных метеорологов...

В Малых Кармакулах, известных своей военной трагедией, о ней напоминают обломки самолета-амфибии «Каталина». На острове Междушарский, где документально зафиксирована работа автоматической метеостанции, стоянки немцев пока не найдено. На острове Большевик в архипелаге Северная Земля в 70-х годах старате-

лями был найден склад вермахтовского имущества: каски, ножи, котелки, консервы. Мы попытаемся отыскать наблюдательный пункт немцев на острове Свердруп. Отсюда враг следил за прохождением конвоев. Думаю, все, что мы найдем, — остатки войлочной палатки, рацию, аккумуляторы, битое бутылочное стекло, пустые консервные банки. Типичные следы пребывания немцев в Арктике... Ничего «секретного», ничего легендарного. Война как война».

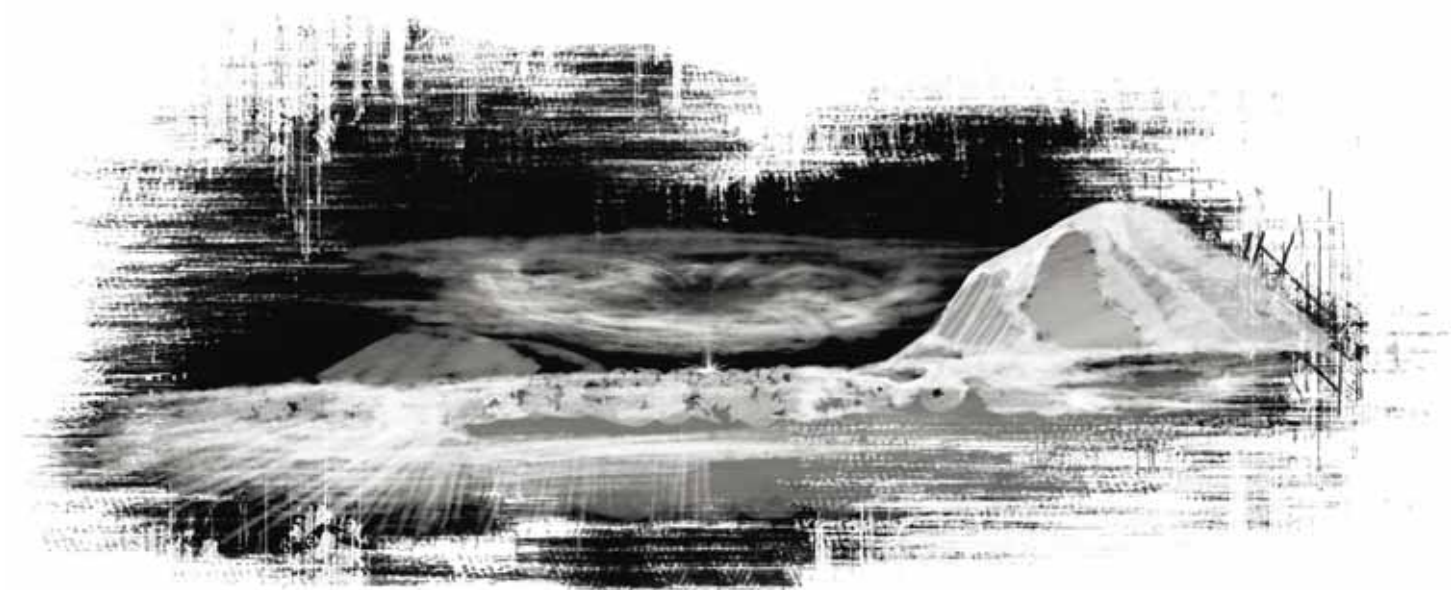
Немецкие подлодки Кригсмарине и рейдерские походы кораблей не смогли сломить упорство и мужество защитников архипелага. Каждый из них проявил свои лучшие качества.

Военный подвиг Ильи Константиновича Вылки был отмечен орденом Красной Звезды. Про Тыко уже после войны рассказывали настоящие легенды: как из винтовки сбил самолет, как зеркальцем, спеша на собаках с дальнего поста СНиС, просигналил на аэродром о подлодке, всплывшей в бухте, как тынзеем заарканил дюжего фрица из десанта, высадившегося на берег с субмарины... Что ж, люди, не видевшие в глаза ни одного немца, наверное, верили... Но если оставить шутки, то за время войны новоземельцы сдали в Фонд обороны промысловых товаров на двенадцать миллионов рублей, а ценной пушнины — на три миллиона. Все, что могли! А прокормили их море и тундра родная...

Немецкая боевая винтовка системы Маузера выпуска 1917 года № 2717 прослужила Илье Константиновичу всю войну и лишь в 1955 году, накануне переезда в Архангельск, была сдана им в Новоземельскую промысловую контору и затем вручена одному из лучших охотников архипелага. А вот тульский револьвер системы Нагана выпуска 1918 года № 384679 так и остался за Вылкой: может, приведется когда на пенсии мух пересчитать?

Память о войне на Новой Земле жила долго. В 1949 году новоземельская учительница Л. В. Бурдикова отметила в своем дневнике: «29 июля, пятница. Внезапно вбегает ученица Нина Косенкова и кричит: «Идут три торпедных катера!» Мы все быстро выбежали на крыльцо. Ученики подумали, что это немцы, а потом разглядели флаги и успокоились...»

От людей в погонах со времен войны на архипелаге осталось его новое прозвище: Край летающих собак. В ходу оно и по сей день. В ходу и жесткая трехступенчатая градация свирепости стоков — ее называют «вариантами». Так пришли сюда новое время и новый хозяин архипелага. Имя ему было — Полигон...

**Этюд шестой.
Предчувствие
Полигона
(небо, облака,
самолетная
инверсия,
1950-е годы)**

Вылочка

Педагог Людмила Владимировна Бурдикова на Новую Землю приехала в 1949 году из Архангельска, едва не умерев там от голода в годы войны. На архипелаг отправилась учительствовать. Когда город над Двиной скрылся из виду и распахнулось Белое море, заплакала: куда я еду? Приехала к людям. И тут убедилась в правоте пророческих слов писателя Леонида Леонова: «Да, здесь жить только солдатам, а не людям вообще. Новая Земля никогда не будет старой...»

Картины тех лет жизни на Новой Земле в памяти Людмилы Владимировны все еще свежи и подробны. Выразительными штрихами она рисует панорамное полотно:

«Вид на Белушье с губы — стоящие вразнобой домики и землянки, заваленные снегом. Белый берег с битым льдом припая. Ни одной дороги, никакой автотехники вообще. Весь транспорт — единственная лошадка, на которой возили питьевую воду из ближайшего озера. Вся Белушка как на ладони: промысловая контора, больница, школа, магазин, штаб-общеежитие и жилые дома да дом культуры («красный чум»). Множество собак повсюду и ни одной кошки. В поселке — тишина! Только собаки переговариваются...

Новая Земля — это почти всегда холод, сырость и ветер. Тепло выдувало из любых домов. Мерзли, на уроках сидели в пальто, замерзшие чернильницы отогревали в кулаках. Топили углем. Снег на воду пили-

ли или вырубали кусками. Освещение — восьми-нейные керосиновые лампы. Стирали так: кипятили белье в баке с иструганными кусками мыла. Сушили на улице или на чердаке дома.

Хлеб в магазине — без нормы. Но ячневая крупа — комками, затхлая, другой не было. Масло — по списку, граммов по 200 на месяц, сахару — по 400 граммов. Тушенка — по армейской банке в месяц. Зато не переводились банки крабовых палочек. Их никто не брал — наелись. В стеклянных банках — борщи, рассольники, свекольники... А вот белый хлеб местной выпечки со стаканом чая был, казалось, вкуснее всего.

На пароходах привозили колбасу, залитую мясным жиром и затаренную в бочки. Инвентарь — зашитым в мешковину. Почта — годовой стопкой писем, газет и журналов. Чай, макароны и яблоки — в фанерных ящиках. Картошка, капуста, свекла, сахар — в мешках. Так и покупали — ящиками и мешками. Цен не помню. Зарплата старыми деньгами у нас была 575 рублей. От Архангельска она почти не отличалась — игры тарифов.

Торжества и пышность свадеб, как мы их сейчас понимаем, в Белушке не были приняты. Вылка без церемоний расписывал молодых в Совете и — все: совет да любовь, плодитесь и размножайтесь. У невест не было никаких свадебных платьев — откуда? Собирались в комнате молодоженов, отмечали за столом вином да закусками, покрикивая «горько!». Примитивно? Может быть, но было очень душевно.

Люди жили, в общем-то, бесхитростно, все на виду. Участковый милиционер Басавин хлопот в Белушке не знал. Ходил по людям — где чаю попьет, где бражки поднесут: все мирно соседствовали в поселке. Когда уходили по делам, дверь не запирали — палка сторожила: никого нет дома.

Ни одного дня из восьми новоземельских лет не жалею — увидела сильных, настоящих людей-тружеников во всех проявлениях. Жили, как единая семья, — без склок и пересудов. Принимали каждого таким, какой он есть».

Вспоминает Людмила Владимировна и Илью Константиновича Вылку. Судя по ее рассказу, «президент Новой Земли» внешне среди своих земляков мало чем выделялся: скромн и негромок. И человеком он был «теплым».

«Нас, гостей с моря, Вылка встречал на пологом угоре в простецком коужушке и тобоках. (Меховое надевал только в дальние поездки по становищам, где без совика и малицы никак!) Приехали мы из Архангельска в туфельках. А на островах — снег. Тут же на пирс принесли валенки. Без них шагу не ступить!

Поздоровались с Вылкой, и он нам кивнул. Официально не представлялся, а мы его и так по книгам знали. Сказал: «Ну, девушки, работайте-работайте! Хорошо».

Вообще же, когда командированные и новые люди приезжали в Белушку, всегда первым делом шли к Вылке: надо зайти — отметить. Это было почти традицией. Он — советская власть на острове! Но власть эту представлял простой, доступный, обыкновенный человек. Не бронзовый! С некоторыми гостями поселка заходил в контору промысловиков, в школу, в больницу.

Люди шли к нему не только с проблемами, но и с планами. Он отвечал: «Хорошо-хорошо!» Бюрократии не разводил. Все запросы шли через него. Есть потребности? Тогда он говорил: «Давай бумажку!», то есть писали заявку, и он отсылал ее на материк. Все, что люди заказывали Вылке, обычно привозилось в навигацию пароходом...

Он бывал повсюду. Заходил в больницу, часто — в школу, где слушал учителей на педсоветах, спрашивал учеников: «Хорошо ли, ребята, едите?». А те хором: «Хорошо едим!» Очень он об этом беспокоился...

Люди относились к нему с большим уважением — власть в лице Ильи Константиновича их устраивала. По-человечески же говоря, это был хороший такой дядя: невысокого роста, уже лысоватый, полноватый («кубический»), ходит тихонечко, вразвалочку, говорит немного шепелявя, приветливый... (Мария Савватьевна, его последняя жена, тоже была такая славная, добрая, округлая, как кубышечка, и крепко заикалась).

*...И, наконец, ту штольню завалили
В который раз на Голубой Земле
И, молча взяв шинели, уходили
Проливом на десантном корабле...
Рождая у начальства кривотолки
И сохраняя память трудных лет,
Кололи парни на плечах наколки:
Два острова и коротко: «Нью Лэнд».*
Валерий Старков, 2008

Вылка умел слушать молча и внимательно. Матом не ругался и не ругался вообще. Никого не обзывал и плохих слов от него мы не слышали. Был покладистым и разумным.

Мы все звали его Выхочка.

Очень любил мужиков-промысловиков. Придут они к нему с просьбой переступить через охотничий запрет и добыть одного оленя (тот у них уже в санях мерзлый прикрыт), он и разрешит. С пониманием, без крючкотворщины начальствовал. Человек был свойский, понятный. Не говорун, «за советскую власть» не агитировал. Никаких разговоров об интригах я никогда не слышала. Говорили все больше о промысле и снабжении. А о чем еще? На нем все держалось...

В молодости, думаю, среди ненцев, обычно тихих и скромных, бессловесных, он выделялся тем, что совал свою голову везде и под любой топор и при этом не лез в державные дебри. Ему было нужно, чтобы люди вокруг, все те, кого он считал своими, жили уютно, мирно, а дети были сытыми. Ведь он сам воспитал, выкормил, поставил на ноги и в люди отправил десятерых детей!

Если сопоставлять его стиль работы с другими? Да, он был не очень разворотлив в делах — видели мы тех, кто пошустрей. Когда на островах появились военные, то в поселке обустроили водопровод, канализацию, уличное освещение. У них, конечно, и возможности были другие, и понятие о благоустройстве более широкое... Нехорошо было бы попрекнуть нашего Выхочку отсутствием широты кругозора — он всю жизнь провел в глухомани среди простых забот и простых людей. Ничего плохого о нем не знала да и теперь не скажу.

Ну, что еще? Любил изредка выпить. Бражку, как почти все на острове, Вылка не ставил. Угощали его спиртным только в гостях, выпив, вел себя достойно, не так, как порой другие... Жена, Мария Савватьевна, за ним тоже присматривала, беспокоилась, не попускала — мужик ведь! Так что с выпивкой у них дома было строго. Не видела ни разу, чтобы он курил. И табаком от него не пахло.

Вылка был еще крепок, хотя и в годах. Ездил на припай за нерпой и потом давал нам рубленое сырое тюленьё мясо. Свежее ели с удовольствием! Мария Савватьевна делала из нерпичьего мяса котлеты. Они без привкуса, только очень черные... Медвежье мясо в супе отдавало рыбой. Соленых гусей ели только приезжие — нравилось им.

На скалах в сезон собирали яйца и гагачий пух брали понемногу из гнезд. По светло-коричневым «богатым» шапкам с длинными ушами и пуховым рукавичкам новоземельцев потом в Нарьян-Маре было за версту видать! Нитку пряли сами. А одевались просто — телогреечно. Модничать климат не позволяет — в Белушке собаки в воду даже в теплый день никогда не лезли! Обувались в бурки-пимы из нерпичьей кожи, в валенки. Вылка ходил в высоких нерпичьих тобоках. Чаше — в резиновых сапогах. Обутом в ботинки я его не видела.

Он был хорошим предсказателем погоды. Угадывал по указательному пальцу. Поднимет, подождет и говорит мужикам: «Завтра будет пурга, холодно — не ездите!» И никто с места не тронется. По погоде он был первейшим авторитетом. Если говорил — слушались. Иначе — пропадешь. А как? Если ветер дует с гор, идти невозможно. Постоянно падаешь, бредя в этом молоке. Не видно ничего. Дышать трудно. Все время двигаться невозможно — сил не хватает преодолевать напор воздуха. Печальный случай был, когда группа солдат из Рогачево шла в Белушку. Насмерть замерзли все. Идя по их следам, находили винтовку, потом человека, потом снова ружье и еще бедолагу...

Лучше, конечно, никуда не ходить. Обычно так и отсиживались дома. Был бы чай, а вода снегом в дом ломится! Читали, дремали, разговаривали да чаевничали. Радио не работало — забивало помехами полярного сияния, одна трескотня. Таких красивых и ярких сполохов, как на Новой Земле, я больше не видела нигде — всю ночь свет ходит по небу хороводом...

Даже в такие красивые часы с этюдником я Выхку на улице не видела. На открытом воздухе он рисовал ближе к весне, когда потеплеет: сядет у дома с кисточкой — пишет. А больше — дома и по памяти. Все стены у него были в картинах...»

И. К. Вылка.
Архангельск,
1940-е годы.
Из фондов ОГУ
«Ненецкий кра-
еведческий му-
зей»

Картинки с натуры

С первых дней на архипелаге Людмила Владимировна вела дневник, записывая все, что происходило с ней и вокруг нее. Сегодня это документ времени, посуточная летопись, где меж глубоко личных строк и переживаний молодой девушки — эпические картины новоземельской жизни.

«29 апреля 1949 года, пятница. Только пришла домой, еще не успела скинуть калоши, как услышала шум приближающегося мотора. В клубе шла сессия промышленников. Все вышли на крыльцо. Самолет сделал один круг, знака для посадки ему не было. С борта сбросили дымовую ракету для определения направления ветра. Самолету, как обычно, надо было приземлиться против ветра. Весь народ толпился на снежной горе около школы. Ученики пошли на залив выкладывать знак посадки, но у них вместо «Т» получился крест, что означает запрет на посадку. Самолет резко пошел на снижение, летчик заметил этот знак уже поздно и сел на риск. Но как легко и хорошо он сел! Пробег был очень маленький. Все побежали к самолету. Вся Белушка толпилась у его борта! Вскоре открылась кабинка самолета, поставили лестницу и изнутри стали выходить солидные люди. Их было много. Им сразу же представился Вылка.

Мы решили узнать, есть ли нам почта. Подошли к толпе гостей. Они ответили, что писем нам нет. Я не смогла сдержать слезы, они катили градом: того, что мы ждали семь месяцев не было! Как они не могут себе представить, что для нас значит эта почта?! Я долго не могла успокоиться... А оттого невольно «отомстила» летчикам за не привезенную ими почту.

Экипаж пришел в столовую пообедать, сел за столик и быстро поднялся, чтобы идти к своему самолету. Смотрю, а у них картофельный суп-пюре в тарелках почти не тронут и какао — глотка не отпито. «Что, — спрашиваю, — разве невкусно?» Они в ответ: «Отлично, девушки! Спасибо за вкусный обед! Все замечательно. Нам пора...» И — в дверь. Потом оказалось, что, помогая стряпать, я перепутала сахар и соль, предложив потом пилотам сладкий суп и соленое какао...»

С продуктами на послевоенных островах, оставленных расформированной Новоземельской ВМБ в 1948 году, к началу июля каждого года становилось туговато. Праздников было на островах немного — Новый год да пароход два раза в году.

«4 июля 1949 года, понедельник. Ждем пароход из Архангельска. Он должен привезти продукты. С ними стало очень плохо. Картофеля, даже сушеного, давно уже нет. Мука белая и сахар кончились. Промышленники готовятся ехать на птичьи базары за дичью и яйцами. Ученики ходят стрелять уток, ловить камбалу. Ее ловят сеткой и длинным шестом с набитым на конце гвоздем. Рыбаки сидят у расколотой льдины, выслеживают, когда проплывет рыба, и только увидят — моментально накалывают на шест-шихало...

5 июля 1949 года, вторник. Сегодня купили у ребят кайровых яиц десять штук и гольца, из которого варим суп. Из продуктов осталось немного. Бобы, морковное пюре, тушенка, чернослив, капуста, голец, овсянка, молотое пшено, соль, масло — вот и весь ассортимент. Конторские работники уже начали ругаться, что нечего есть. А учителя молчат и живут на овсянке... Как хорошо в городе с продуктами! Хочется сушки, колбасы, свежей моркови. Здесь этого не будет. Конфет уже давно нет. Месяц живем без сахара...»

Илья Константинович, в те годы еще промышлявший нерпу у припая Белушьей Губы, иногда баловал учительниц свежим нерпичьим жиром. Свежий, он ничем не пахнет и на вкус, как сало. Постояв же чуть-чуть в тепле, начинает издавать труднопереносимый запах. Бурдиковой он был знаком по тюленине времен войны в Архангельске: кто не смог есть, тот умер...

Илья Константинович очень «уважал» это жир с кашей, смешивая то и другое в равных количествах. Впрочем, к лету многим новоземельцам приходилось садиться на такую весьма калорийную «диету». Людмила Владимировна смеется, вспоминая, что через месяц юбка стала тесновата. Зато как отъелись — спасибо Вылке!

Праздники в Белушке отмечали здешним бомондом почти по-семейному.

«18 июня 1949 года, суббота. Вечером, в девять часов, начинается выпускной вечер в школе. Приглашены многие родители и представители островного Совета: Илья Константинович Вылка с женой, Марией Савватьевной, и секретарь Совета Павел Федорович Удалов.

Пришли они только к десяти часам, уже к танцам. Народу было много. Вскоре семиклассники пригласили всех в празднично убранную комнату. На стол собрали хорошо, наварили бражки и какао. За столом сидели семьи Миллера, Романова, ненцы Пырерка, пара Козловых. Перед началом Козлов фотографировал всех за полным столом. Потом все пели, капитан Кувшинкин подтягивал. Вечер закончился танцами. Домой пошли в два часа ночи. На улице подмерзло. Светило солнце».

Человеку глубинной России это сочетание лета, полуночного солнца и заморозка покажется диким. Но это — новоземельская примета, отмеченная в дневнике Л. В. Бурдиковой:

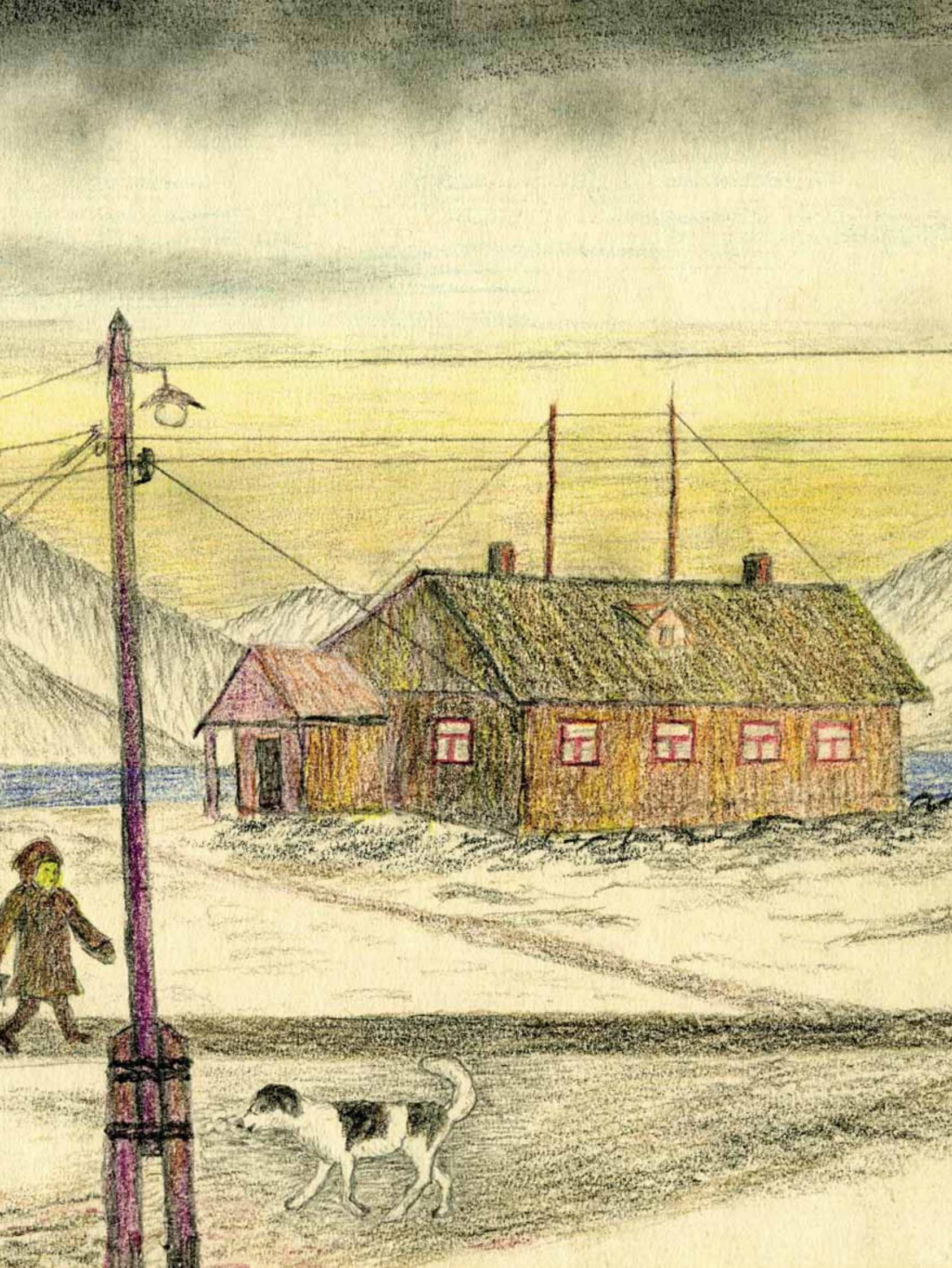

▲ Тыко Вылка ремонтирует промысловую лодку.
Белушья Губа, Новая Земля, 1955 г. Из фондов
ОГУ «Ненецкий краеведческий музей»

И. К. Вылка с новоземельцами у здания остров-
ного Совета. Белушья Губа, Новая Земля, 1953 г.
▼ Из фондов ОГУ «Ненецкий краеведческий музей»

И. К. Вылка.
Становище Ла-
герное. Новая
Земля.
1950-е годы.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

«Начался июль месяц, а на улице очень холодно. На губе — лед, сверху — вода и туман. Высокие места, холмы уже чернеют. Сугроб перед окном растаял, мосточки около штаба сухие. Из-под снега шумно бегут ручьи, но его еще много. А через десять дней картина потеплела!

У берега на льду — сильные трещины и плавающие льдины, а на скалах расцвели яркие цветы: розовые, голубые, белые, желтые колокольчики. Все цветы настолько мелкие, что не за что взяться рукой. Приходится отрывать от камня с корнем и землей, целыми пучками или же одни только венчики остаются в руке. Букет из таких цветов не составишь... Изредка зеленеет травка.

Пионеры с юга страны шлют письма на острова с адресом «В одну из школ Новой Земли» или «Новая Земля, город Белушье, райком комсомола». Видели бы они, эту «столицу» архипелага с ее единственной школой! Когда мы создали комсомольскую организацию, у нас не было ни билетов, ни значков, ни учетных карточек... А еще в письмах нам нередко задают вопрос: «Сообщите, как вы озеленяете свой город, что сеете, что садите?» Так они представляют себе Новую Землю, где в середине лета — снег и подмораживает ночами... Цветы появляются одновременно с таянием снега. С прогулки шли болотом, промочили туфли, щебнем изрезали галоши».

Спустя полвека, на пике «зеленой» борьбы с Полигоном, архитекторы, взявшись рисовать проект храма в Белушке, не удержатся, чтобы не нарисовать возле него густые кусты...

Сундук «президента»

О семейном быте Вылки Людмила Владимировна Бурдикова рассказывает с теплотой. Вся жизнь проходила на виду, не пряталась! Разве что дома сугробами с верхом заметало (через чердак или, крышу взломав, порой наружу выбирались!)

«Говорили, что Илья Константинович взял Марию Савватьевну к себе похозяйничать, да так и оставил ее у себя. Она приехала с дочерью Ритой на Новую Землю сезонной рабочей — то ли на ловлю гольца, то ли на сбор яиц кайры, то ли на обработку туш морского зверя. Работала в одной из бригад поваром. Вылке тоже готовила обеды. Он в то время жил один.

Свою прежнюю жену, Анну, красивую неночку с крупными глазами, Вылка выгнал, и она жила тут же, в поселке. Я спрашивала: «Илья Константинович, за что вы ее так?» Он отвечал: «А она очень моряков любит!» Когда уезжала в 1956 году из Белушки, бросилась в море с парохода и утонула... Остался ее сын, мальчик Сережа, которого пассажиры сдали в Нарьянмарский интернат. Он вырос хорошим человеком, получил образование, преподавал рисование в сибирской школе...

А потом вот Мария Савватьевна появилась в жизни Ильи Константиновича. Все время говорила: «Вот если Батяка умрет, так не знаю, как мы будем жить...» Жалела она его. Риту Илья Константинович удочерил... Сына Илью, жившего на Вайгаче, он к себе не звал, говорил про него недовольно, мол, пьет он много. Хотя промышленник тот был хороший. Я помню его молодым, ловким, рукастым парнем и жену его, красавицу-неночку Дашу, помню...»

Мария Савватьевна Вылко, вспоминая прожитые годы, так рассказывала искусствоведу Ольге Вороновой о себе и о муже: «Я приехала на Новую Землю после войны вдовая с четырехлетней дочкой. Сватать меня начали, а я долго сомневалась, стоит ли идти за ненца замуж, говорят, они пьют сильно. «Нет, — отвечают, — это хороший человек, все его уважают». «Ну, — говорю, — пусть сам придет». Пришел он, такой спокойный, тихий. «Пойдешь, — спрашивает, — за меня замуж?» «Пойду, — отвечаю, — если на условия мои согласишься. А условия мои такие. Первое: дочку мою не обижать, я ребенка на мужика не променяю. Второе: все деньги мне отдавать, хозяйство я вести буду. Третье: вина не пить». А он улыбается: «Будешь хорошей женой, твой ребенок моим будет. Я шестерых чужих детей поднял, одного уж как-нибудь не обижу. Зарплату сама ходить получать станешь, я только расписываться буду. И вина пить не стану, только что сама подашь-угостишь».

Жили хорошо, ладно жили, все — как он говорил. По воскресеньям да еще после бани я ему водочки давала. Бутылка у меня всегда в сундуке стояла, он сам никогда не брал. Только однажды приятель к нему

▲ Дом И. К. Вылки в поселке Лагерное.
Новая Земля, 1957 г. Из фондов ОГУ
«Ненецкий краеведческий музей»

Заготовка дров
в Маточкином Шаре.
▼ Новая Земля. 1956 г.

зашел, слышу — снял сапоги, в носках крадется, крышкой сундука гремит. «Что это, — кричу, — ко мне воры в сундук полезли?» Он улыбается, говорит приятелю: «Она сама нам даст, у меня жена хорошая». Но я не дала. «Нет, — говорю, — Батяка, пусть лучше я плохая буду. Я его ни Тыко, ни Илья не называла, а звала Батькой».

Дом Тыко Вылки — три комнаты, кухня, кладовая. Дверь из сеней в комнаты завешена от холода шкурой — в доме по новоземельской привычке берегли тепло. В кухне висят гусиные крылья-венички, стоят ведра со снегом. Над печкой растянутыми на палках сушатся нерпичьи шкуры. Под столом — ящик, в котором живут щенки. Там же у Тыко сидели и найденные в тундре гусята.

«При мне, — рассказывала Мария Савватьевна, — в доме был порядок. Уеду куда — многого не до- считуюсь потом. Все запасы, какие оставляю, все съедят. Соседки говорят: «Без тебя дверь не закрыва- лась».

Если она упрекала за что-нибудь Тыко, тот отмалчивался. Бывало, жаловалась на дочерей, внучек, снох (родственников у Тыко было много, после смерти Прасковьи он еще дважды женился, одна жена умерла, другая ушла к молодому, и обе оставили ему детей). Он в ответ улыбался: «Зря ты на них говоришь, хорошие они. Все люди хорошие, разные только. Ты на себя посмотри: шумишь, кричишь, а на самом деле — хоро- шая...»

Самым таинственным местом в доме Тыко Вылки был сундук в его рабочем кабинете. Каждый, кто при- ходил на прием к островному начальнику, ожидал своей очереди именно на нем, разглядывая немудреный интерьер помещения. Л. В. Бурдикова описывает его так:

«Домик Вылки в Белушьей Губе был прост и невелик — сруб из бруса примерно пять на пять метров. Где работал, там и жил. Возле дома — сани-нарты. Тут же — собаки упряжкой лежат в небольшой будке. При- стройка под уголь и дрова. Прямо с улицы без всякой приступки — сени-тамбур, где всякое хозяйственное снаряжение, верхняя одежда, обувь, баки, ведра, кухонька (полноценной кухни не было ни у кого) и — че- рез внутреннее крылечко — две комнаты. В одной — кабинет, а в другой спальня. Небольшая печка. Свет — керосиновые лампы, другого в Белушке не было. Электростанция работала час-полтора вечером, свет слабый, тусклый — только осмотреться, читали под самой лампой.

В рабочем кабинете — стол, стулья, этажерочка с книгами и журналами (модно было держать такие), сундук у входа справа. Слева — дверь в жилую комнату. Мебели почти никакой: шкаф, диванчик, несколь- ко стульев. Помещения были оклеены оберточной бумагой, обоев не было. Газетами не клеили — на Новой Земле они были в дефиците. Пол затертый-зашарканный, как у всех. Пахло жильем, дымком, собачьей кор- межкой и тюленьим жиром. Все очень скромно и непритязательно, без материкового лоска.

Нас, молодых учительниц, когда приходили к Вылке по делам, всегда очень интересовал загадочный сун- дук у входа — старинный, деревянный, деревенский, такой добротный, размерами метр на семьдесят санти- метров и высотой такой, что мы, сидя на нем, ногами побалтывали.

Однажды спросили: «Илья Константинович, а что у вас в сундуке?» Он говорит: «А там есть, есть кое-что!» И открыл нам свой сундук с выпуклой крышкой. Внутри было много научных книг с подписями, видимо, подаренных Вылке кем-то. Видела книгу Михаила Водопьянова, который во время одного из поле- тов по Арктике пережидал у Вылки плохую погоду. Лежали там еще карты СССР, географические атласы, коробочки с орденами и медалями, рисунки и картины, штурманские инструменты и много всяких мелких вещей, дорогих и памятных для Ильи Константиновича. Показывал он и знаменитую карту Новой Земли, нарисованную им собственноручно в молодости».

Земля обетованная

Архангельские художники на Вылку при его жизни поглядывали снисходительно: самодеятельный мастер-дилетант, бредущий окружным путем по снежной целине, минуя торные дороги. А он такой был — один на весь край. Как неклонируемый талант «наивного искусства» Нико Пиросмани: уникум Грузии! Горя в том нет. Интересный энциклопедическим многообразием своей натуры, Тыко Вылко ничуть не обижался на ту снисходительность и на то, что братья по кисти нос задирают да выставки задвигают в дальний угол. Время рассудит... И писал в своем домике-мастерской на углу захолустных архангельских улиц. Себя в пол- лотна вкладывал.

▲ Собаки Новоземелья добры
и преданы человеку.
Белушья Губа, 1954 г.

Новоземельская школа.
Белушья Губа,
▼ 1949 г.

И. К. Вылка.
Море.
1950-е годы.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

Да, картины — концентрированная энергетика художника. Пейзажная фотография перед ними почти всегда — жалкая фиксация факта. А Новоземелье Вылки — мягкое, четко расчерченное пространство природной гармонии, населенное животными, птицами и людьми, углубленное созерцание первозданного мира...

В его ранних работах — акварельная эпика, охватывающая распаханые просторы, в поздних — те же новоземельские окоемы, оживленные действием. Меткое наблюдение, драматургия действия!

Фигура человека — не портрет (Тыко так и не пришел к этому жанру), она — знак, символ... И даже Русанов в многообразном творчестве Вылки — художественном, фольклорном, мемуарном — фигура, скорее, эпическая, поднятая над реальными событиями до уровня мифологического персонажа, нежели соответствующая исторически точным фактам...

Пейзаж в картинах Вылки — не размах и ширь, а ландшафтная среда обитания, наполненная логикой. А человек на сюжетных его полотнах — ключ к пониманию его родины.

Перебирая его картины, понимаешь, что написаны они человеком, выросшим в этих льдах, а не заброшенным в них прихотью судьбы или зовом сердца. Взгляд на Арктику у Вылки иной, нежели, скажем, у Борисова. На страницах этой книги, дорогой мой читатель, ты можешь воочию сравнить их...

На картинах Борисова да и у другого полярного живописца, С. Г. Писахова, — художественные образы стихии, угрозы смерти, устрашающей красоты. Эмоциональный удар. Холодок с мурашками. Взгляд на Арктику со стороны. У Вылки — созерцание, полное спокойствия. Даже седовская трагедия на его полотне буднична: ведь на этом мир не заканчивается... Это «внутренний» взор. Картины его беспечальны, а Новоземелье на них — край обетованный...

Память Едэй-Я

В записках Тыко Вылки есть удивительные наблюдения, которые мог сделать только человек с хорошей памятью и долгой жизнью. Илья Константинович знал свою Новую Землю до последнего камешка. Спустя годы один и тот же залив мог нарисовать по памяти так, как он выглядел в начале века, и в современной конфигурации.

«На Новой Земле я прожил более 75 лет. На моих глазах произошло много изменений в природе новоземельских островов.

Ледники на Новой Земле отступают. Особенно изменился ледник залива Вилькицкого. В 1910 году его язык почти доходил до Зеленой реки, а теперь не достигает реки примерно на 12 километров. Самый залив стал вдаваться глубже в сушу и потому стал длиннее в два раза, а то и больше. Может быть, залив был покрыт ледником?

Ледник в южной Сульменовой губе, который В. Русанов назвал «Шумным», в 1910 году падал в залив крутым барьером. Толща льда, уходящая в воду, достигала 55 метров. Теперь этот ледник до воды не доходит примерно на два метра, и толща льда его уже не такая, как 50 лет назад.

Ледник около озера Крестовой губы падал в него отвесной стеной, и на озере плавали айсберги. Теперь он до озера не доходит, и спускается не тяжелой отвесной массой, а более полого.

На Новой Земле есть интересные озера, про которые ненцы говорят, что они «дышат». В них уровень воды изменяется через определенные промежутки времени. Озера Тирчлаха-Иилы-Тоя состоят из двух смежных соединяющихся озер, и уровень воды в них качается, как на весах. Ненцы знают, что рыба с водой переходит из одного озера в другое, знают, при каком уровне воды надо ловить ее.

Многие островки, которые я знал 50 лет назад, теперь исчезли. В заливе Литке были три высоких, скалистых островка причудливой формы. Ненцы называли их «Три русских», они стояли, как три человека. Теперь их осталось только два, третий разрушился. А островок был приметный, высокий.

Против устья реки Савиной тоже был остров, довольно большой, на котором во множестве гнездились чайки. Теперь от острова остались отдельные камни.

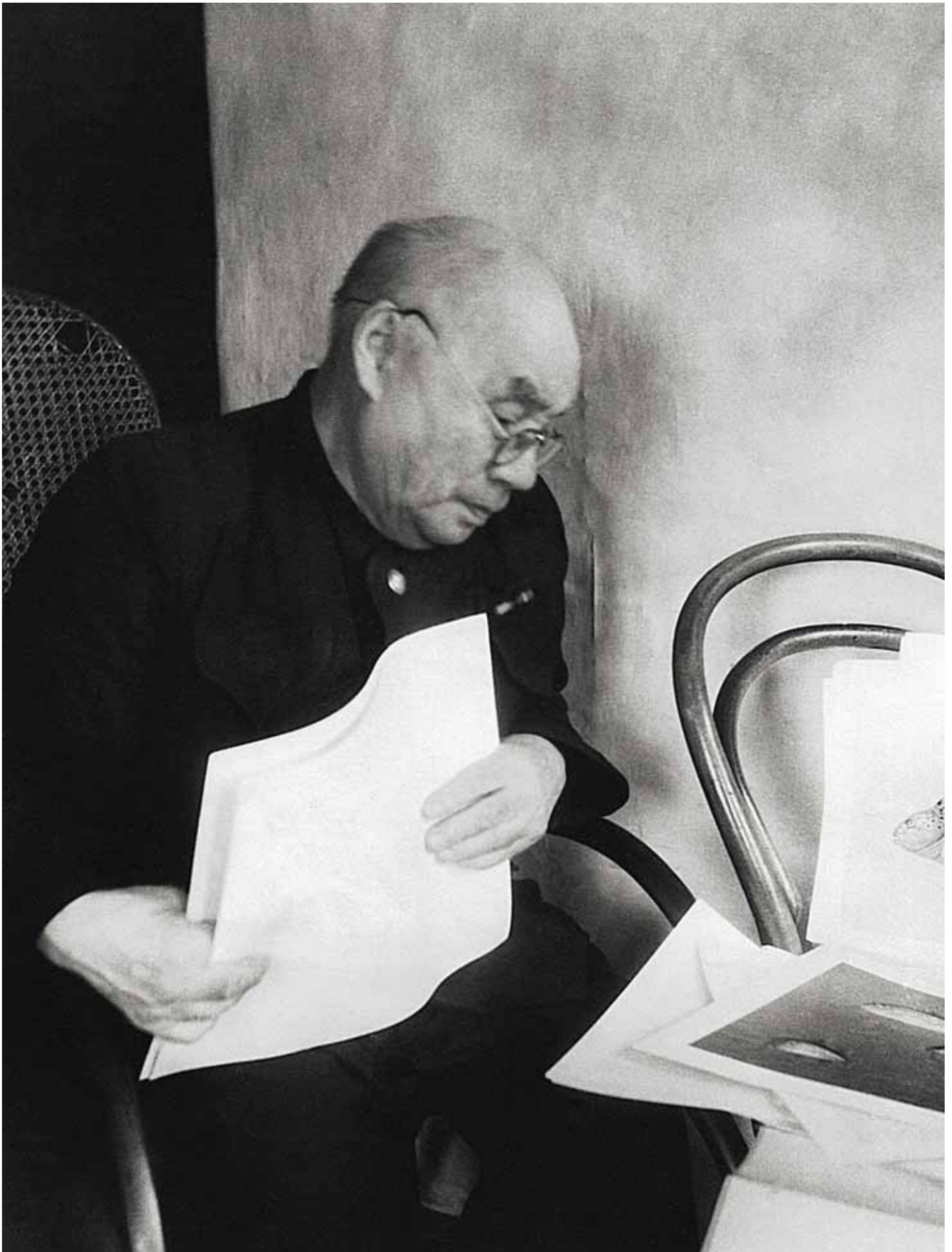
Во многих местах на Южном острове Новой Земли, там, где 30 лет назад круглый год лежал снег, а то и лед, теперь весной и летом растет трава и даже цветут цветы.

▲ Тыко Вылка в рабочем кабинете. Белушья Губа, Новая Земля, 1940-е годы.
Из фондов ОГУ «Ненецкий краеведческий музей»

Поселок Лагерное у пролива Маточкин Шар. Дом И. К. Вылки крайний слева
▼ в первом порядке. Новая Земля, 1956 г.

Тыко Вылка рассматривает зоологические альбомы. Архангельск. 1960 г. Из фондов ОГУ «Ненецкий краеведческий музей»

Надо все это изучать, а также разрешить вопрос о вечной мерзлоте на Новой Земле. Промерзает там земля с поверхности, а копнешь глубже чем на полметра — земля не смерзлась. Никогда не встречал я там вечной мерзлоты, а я искал ее немало.

Ненцы говорят: «Теплая наша Новая Земля».

Хальмер-Ю — долина мертвых

Не любил Илья Константинович быть пешкой в чужой игре. Особенно когда это делалось беспардонно и глупо. В середине 50-х годов между Архангельским облисполкомом и руководством Коми АССР возник спор из-за поселка Хальмер-Ю. Он располагался на территории Ненецкого национального округа, а заправляли там, по сути, генералы угольной промышленности. Удельное княжество.

Кому-то стукнуло в голову послать туда разобраться Тыко Вылку. Человек мудрый, неконфликтный, наблюдательный выводы сделает верные. И послали его в инспекционную поездку.

Вернулся с угольных копей Илья Константинович совершенно подавленным. В забой его, разумеется, не пустили — в шахте работали заключенные. Но Вылку расстроил сам вид шахтерского поселка. Дошатаые бараки у огромных терриконов пустой породы. Эта гора курилась и исходила чадным, вонючим дымом. Сквозь угар страшно проглядывала железная красная звезда, облезшая и ржавая. Колючая проволока. Металлический хлам кучами. Разрытая без смысла земля... Потрясенный Вылка набросал этот ужас на рисунке, который потом, видимо, уничтожил. Рассказывал усталым голосом, в котором было немало обиды и непонимания:

— Зачем меня туда послали? Меня в Москве большие люди уговорили отдать мою землю, чтобы войны на земле больше не было. Я их понял: война — это смерть для всех. А зачем для горячего камня тундру губить? Тундре больно, плачет тундра...

Слезы текли по его щекам. Говорил долго, сбивчиво... Потом написал депутатский запрос, чтобы не губили тундру, чтобы ненцы на своей земле действительно были хозяевами.

Бумага совершила круг по инстанциям и вернулась с циничным ответом: шахта Хальмер-Ю вместе с поселком передана в ведение комбината «Воркутауголь»...

Может быть, боялся и не хотел себе признаться в немыслимых аналогиях: когда-то его народ обманывали водкой, забирая промысловый товар, а теперь, прикрывшись законными бумагами, отбирают и саму родную землю? Худо, когда у человека опускаются руки. Но еще страшнее, когда гаснет вера...

Спустя еще полвека угля в Хальмер-Ю не стало. Производство упразднили. Административно закрытый поселок вычеркнули из списка живых населенных пунктов России. Он превратился в руины. Власть подписала бумагу: на сем месте быть ракетному полигону. Люди, которым некуда было ехать из поселка-мишени, ютились в жалких бараках. Вышибала их оттуда вооруженная милиция.

Первая же крылатая ракета, пущенная в ходе учений с борта стратегического ракетноносца, попала в крыльцо местного Дома культуры... Никаких намеков — так уж случилось.

И еще одно нехорошее совпадение, дорогой мой читатель: Хальмер-Ю в переводе с ненецкого — «долина мертвых»...

Наковальня архипелага

Говоря о Полигоне, избежим спекуляций на столь непростой и специфической теме. Время показывает, что любая правда — ружье о двух концах, не надо торопливо хвататься за нее — отовсюду пальнуть может! Изложим факты, не утрируя ситуацию эпитетами и наворотом образов. Жизнь новоземельцев всегда была только чередой фактов, и лишь Тыко Вылка покрыл эту посконную сермягу истинной радугой своих красок...

Страшолюдный Хальмер-Ю в судьбе Ильи Константиновича был неким прологом к судьбе его Едэй-Я — Новой Земли, которой он так больше никогда и не увидел.

Как ни прятали контрразведчики тайны будущего полигона, народ слухами пропитался очень быстро. Секрет, шило в мешке и радиацию скрывать бессмысленно, где-нибудь да покажут они свои уши. Новоземель-

0.5. 1906. 22. VI

◀ А. А. Борисов.
Медведи на
льду у берегов
Новой Земли.
1906 г. Из фон-
дов ГМО «Ху-
дожественная
культура Рус-
ского Севера»

цы планы военных обсуждали без горячки — своих забот полон бот, а уровень техно-
логий оружия нового поколения превращал любые кухонные размышления на эту тему
в сон разума.

— Слыхал, в Черной губе, бают, флотские станут взрывать какое-то ядерное оружие?

— Верно! Просверлят в земле дыру, закопают поглубже ядро с динамитом и кэ-эк ба-
бахнут!

— Э, что атом, что матом... Наше дело — зверь да рыба! Не суй нос в чужой вопрос...
Сказано окошки бумагой крест-накрест заклеить — клей!

Дальше следующей навигации новоземельцы сети своей мечты никогда не забрасы-
вали... Малую родину они любили, не стуча пяткой в грудь, без истерик — просто жили
от милости ее. Приземленное отношение к жизни создало стойкую психику здешних жи-
телей, их удивительно кроткое восприятие трудностей и испытаний, приходящих штор-
мом с любой стороны света. А он надвигался стремительно и бесповоротно. Имя этой
буре, перелопатившей расстановку сил в целом мире, — атомная эра. Новая Земля стала

в ней полигоном для испытаний отечественного ядерного оружия.

Почетный академик РАЕН, вице-адмирал Евгений Александрович Шитиков стоял у истоков создания
этого полигона, предыстория которого проста, логична и понятна. В ней и объективные предпосылки, и че-
ловеческий фактор:

«Послевоенная кораблестроительная программа, принятая в СССР в 1945 году, еще не учитывала воз-
можность использования ядерного оружия в борьбе на море. Вопрос приобрел большую актуальность
в связи с разработкой торпеды с ядерным зарядом. Действовавший Семипалатинский полигон для ее испы-
таний не годился. Стали искать место для морского полигона.

Первоначально мыслили выбрать район для разового испытания. Остановились на северном направле-
нии. Послали туда рекогносцировочную группу. Ее внимание привлекло побережье Кольского полуострова.

Однако главком ВМФ Николай Герасимович Кузнецов отверг это предложение, заметив: «Необходимо
исходить из того, что военно-морское ядерное оружие будет совершенствоваться. Разовым испытанием это
дело не закончится. Нам нужен свой постоянно действующий полигон, но в более удаленном от материка
месте. Ищите!»

И нашли — далеко не пошли! Новая Земля — уникальное место на планете, больше чем Бельгия и Гол-
ландия вместе взятые, — показалась идеальным пространством для создания полигона. С одной стороны
Баренцево море с незамерзающими портами, а с другой — почти всегда замерзшее Карское море. Отсюда
— яростные ветры. Морозы здесь по арктическим меркам не такие уж и сильные, но по величине отрица-
тельной температуры, помноженной на силу ветра, — ужасающие.

Именно удаленность острова от крупных населенных пунктов и его малонаселенность имели решающее
значение при выборе места нового полигона.

Историю выбора архипелага под полигон излагает генерал-лейтенант в отставке Евгений Никифорович
Барковский. Некоторое время он, начальник гарнизона, совмещал обязанности начальника Спецстроя и по-
лигона. По строительным делам его первым помощником был полковник Д. И. Френкель.

«Мной было предложено изучить вопрос о создании полигона на островах Новой Земли, хорошо знако-
мых мне по службе там в 1943—1944 годах, — говорит Е. Н. Барковский. — Предложение тщательно про-
работали, Н. Г. Кузнецов с ним согласился и вынес его на рассмотрение Совета Министров. Для окончатель-
ного определения места испытаний была сформирована Государственная комиссия.

Сроки, определенные нам правительством для подготовки к подводному ядерному испытанию,
были крайне сжаты — на это отводился год. А все приходилось начинать с нуля, учитывая к тому же,
что зимой из-за суровых климатических условий строительные работы на Новой Земле вести прак-
тически невозможно. Определенные сомнения по срокам высказывал И. В. Курчатов. На одном из со-
вещаний он поднял меня и спросил: «А успеют ли моряки подготовить место испытаний?» Я ответил,
что при согласованной работе с Академией наук и другими взаимодействующими ведомствами мы,
конечно, справимся. Курчатов обещал максимальную поддержку во всех вопросах и, надо признать,
слово свое сдержал.

Государственная комиссия рекомендовала базу полигона разместить в становище Белушья, аэродром
— в Рогачево, а в качестве боевого поля использовать губу Черную. Эти предложения и были представ-

лены в правительство, которое их одобрило. 31 июля 1954 года вышло закрытое постановление Совета Министров СССР за номером 1559-699 об оборудовании на Новой Земле «Объекта-700». Днем рождения полигона принято считать 17 сентября 1954 года. В этот день подписана директива Главного штаба ВМФ со штатной структурой новой воинской части. Вновь организуемое строительство получило название «Спецстрой-700». Первым начальником полигона был назначен Герой Советского Союза капитан I ранга подводник В. Г. Стариков.

В течение года стратегический «объект» подчинялся командующему Беломорской флотилией. Затем приказом Главкома ВМФ № 00451 от 12 августа 1955 года этот объект был выведен из подчинения флотилии и «во всех отношениях» подчинен начальнику Шестого управления ВМФ.

В июле 1954 года я был вызван к главнокомандующему ВМФ, и Николай Герасимович объявил, что я назначаюсь начальником строительства Спецстроя-700 и одновременно начальником полигона (до определения его организационно-штатной структуры).

С получением приказа я сразу же убыл на Новую Землю. Здесь предстояло силами тринадцати строительных батальонов начать и в основном завершить поистине грандиозную работу: развернуть строительство центральной базы. Она включала причалы, научно-технический комплекс, служебные и жилые помещения, а также аэродром в Рогачево и подготовку испытательной акватории в губе Черная».

Комиссия вышла на тральщике к Новой Земле, намереваясь осмотреть в первую очередь все, что осталось от существовавшей в годы войны военно-морской базы, а также губу Черную, которая находится на юго-западном побережье южного острова. Северный остров вообще из рассмотрения исключался.

Впоследствии адмирал флота Н. Д. Сергеев вспоминал:

«Прибыли на Новую Землю. Здесь нам пришлось передвигаться где на собачьих, где на оленьих упряжках, чтобы досконально изучить острова. Самого знаменитого из островитян, «президента Новой Земли», талантливого человека Тыко Вылку мы застали в становище Белушья...

И получили большую помощь от него. В частности, с его помощью прорабатывался вопрос об отселении малочисленного местного населения (до десятка семей), проживавшего на берегу предлагаемых мест испытаний...

После проведения гидрологических измерений комиссия установила, что губа Черная является в своем роде уникальным местом для таких испытаний, ибо водообмен между ней и Баренцевым морем был весьма небольшим, и расчетный выход радиоактивности в море ожидался крайне незначительным, да и тот прижился бы новоземельским течением к береговой черте. А потому распространение загрязненной радиацией воды за пределы территориальных вод и к материку практически исключалось. Одновременно комиссия определила и место основной базы полигона — на побережье губы Белушья.

Эти предложения госкомиссии были включены в постановление Совета Министров, которое стало правовой основой для развертывания на Новой Земле морского атомного полигона с соответствующими границами и с определенным режимом допуска. Одновременно правительством была поставлена задача на проведение в 1955 году первого в стране подводного ядерного испытания...»

«А и Б построим на губе...»

В губе Черной кроме постоянных объектов надо было создать опытные инженерные сооружения: пирсы (два ряжевых и один бетонный), противодесантные заграждения и прочее (все проверялось на взрывостойкость).

На Новую Землю шел поток материалов и строительных конструкций. Пирсов для разгрузки не было. Судовыми стрелами на наскоро построенный причал выгружали щитовые конструкции, тракторы, металл и продовольствие.

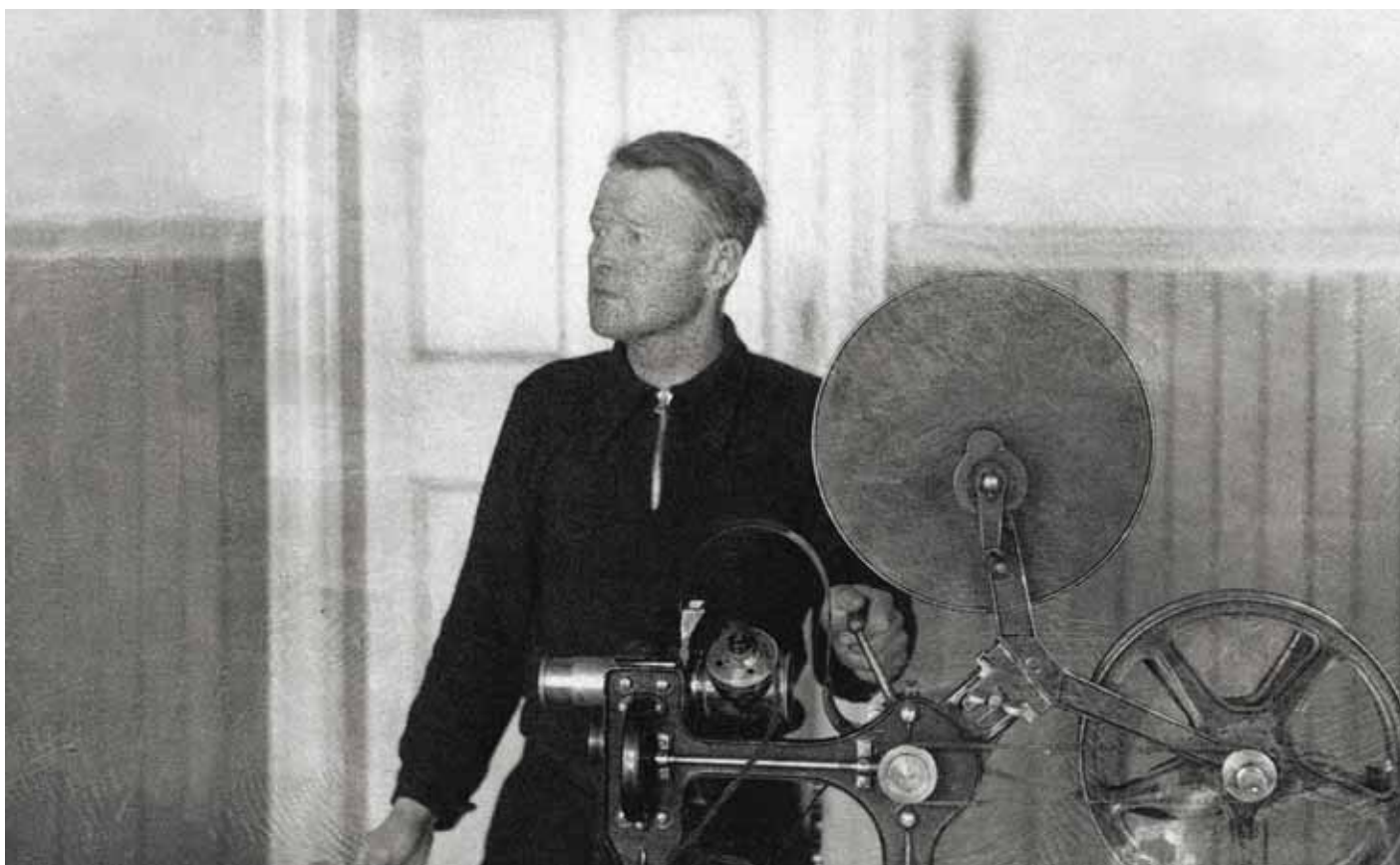
Пока не подошли лесовозы с качественной древесиной и пиломатериалами, заготавливали плавник — не только для строительства, но и на дрова. Готовясь к приемке лесоматериалов, бонами оградили часть акватории и выгружали их потом прямо в воду, а потому очень быстро — опыт архангельских лесозаводов пригодился новоземельцам новой волны!

Бетон готовили в примитивных условиях. Недостаток проектной документации возмещали типовым строительством. Основным типом постройки стала деревянная щитовая казарма и аналогичные ей домики. По-

▲ Разгрузка парохода с рейда.
Новая Земля,
1956 г.

Перед просмотром кинофильма в
«красном чуме». Белушья Губа, Новая
▼ Земля, 1954 г.

лигон был местом людным, и всем была нужна теплая крыша над головой. Устраивались с размахом, капитально, надолго.

Пик строительства пришелся на лето 1955 года. Лето на Новой Земле начинается, когда уже потеряна последняя надежда на него, ведь в июне еще лежит снег. Немудрено и не заметить, как оно, короткое, мелькнет!

Капитан I ранга в отставке В. А. Тимофеев стал одним из тех, кто привел в губу Черную бригаду опытовых кораблей. (Жертвенные корабли — память им флотская!). Виктор Алексеевич вспоминал:

«Осенью 1954 года испытание боевого ядерного заряда для торпеды Т-5 на Семипалатинском полигоне закончилось неудачно — подрыва самого заряда не произошло. И на правительственном уровне было решено повторного испытания там не проводить, а испытывать боеголовку сразу в морских условиях.

В июне 1955 года группы испытателей стали прибывать на Новоземельский полигон. За короткое полярное лето была проведена воистину адова работа, и к концу августа, благодаря неимоверным усилиям личного состава нашего управления, полигона, Спецстроя-700, бригады опытовых кораблей, все было готово к испытаниям.

На испытательной акватории были расставлены эсминец седьмого проекта «Гремящий», три эсминца типа «Новик» («Реут», «Куйбышев» и «Карл Либкнехт»), два базовых тральщика проекта 53у (Т-218 и Т-219), четыре подводные лодки (XXIV серии Б-9, IX-бис серии С-19 и две немецкие подлодки VII серии С-81 и С-84), а также два транспорта. На некоторых кораблях были размещены различные конструкции, предусматривающие противоатомную защиту оружия и технических средств, что позволяло и на старых кораблях испытать новинки военно-морской техники».

В период своего становления полигон имел три зоны: «А» (губа Черная), «Б» (губа Белушья), «В» (Рога-чево). Тогда еще считали, что далее на север он расширяться не будет. Но развитие темы ядерного оружия привело к открытию новых перспектив в истории Новоземельского полигона...

К концу августа 1955 года были построены основные сооружения первой очереди полигона. В зоне «А» — командный пункт, штаб, столовая, поселок для испытателей, 19 береговых приборных пунктов и стендов, два ретрансляционных пункта автоматики управления, гидротехнические, инженерные и опытовые сооружения противодесантной обороны.

В зоне «Б» строители сдали в эксплуатацию радиохимическую, физико-техническую, медико-биологическую и кинофототехническую лаборатории; специальное сооружение для сборки заряда; служебные, складские, жилые, бытовые помещения.

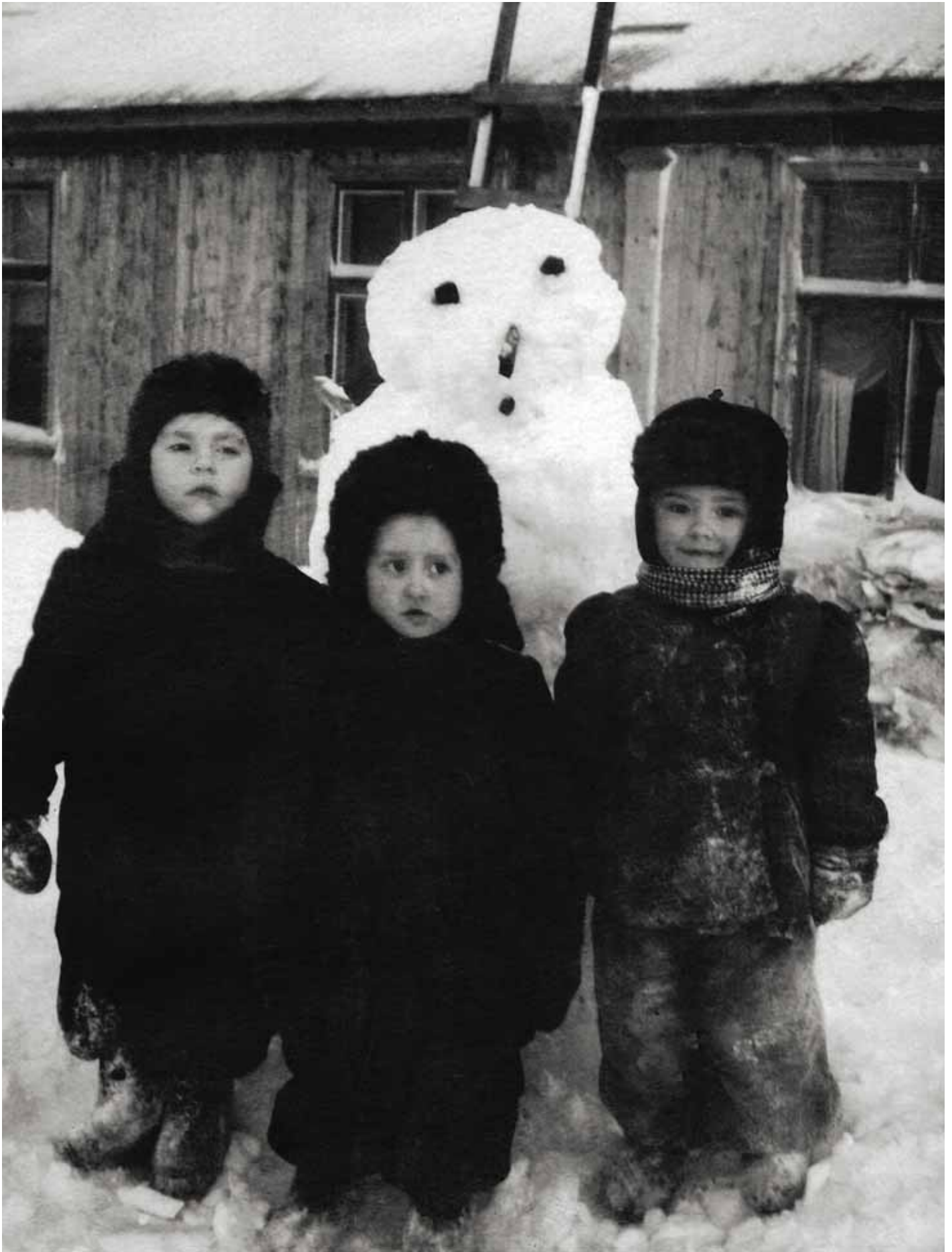
В зоне «В» был введен в строй аэродром с металлической полосой, предназначенной для взлета и посадки самолетов истребительной реактивной авиации (это была смешанная эскадрилья специального назначения, в задачу которой входили кино съемки, забор проб воздуха, слежение за радиоактивным облаком и т. д.). На этом же аэродроме базировались эскадрилья транспортной авиации и вертолеты.

Для гидросамолетов был использован старый гидроспуск в Белушьей и построен новый в губе Черной. Если в войну гидросамолеты вели разведку, то при атомном испытании они выступали в качестве мишеней.

Всей авиацией на первом испытании командовал генерал-лейтенант П. Н. Лемешко. Ему и его подчиненным трудно пришлось в непривычных климатических условиях. Ветеран заполярного неба, командир эскадрильи Ан-2 Нарьянмарского авиаотряда Иван Васильевич Казаков рассказал об одной ночи, уничтожившей всю новоземельскую авиацию:

«В 1956 году ураганный ветер со скоростью 167 км/час изуродовал и разломал все самолеты и вертолеты. Что там легонький Ан-2, когда тяжелый Ли-2 пушинкой, кувыркая через кабину, унесло за два километра в сопки! Те машины, что стояли на штормовых креплениях-штопорах, изорвало в клочья. Ветер сдул с них закрылки, элероны, рули. Ан-2, заброшенный в сопки, издали смотрелся, как притаившийся заяц: фюзеляж и две лопасти торчали «ушами». Самое легкое ранение было у самолета, получившего повреждения от удара стремянки. Вертолеты стояли, как горшки: без лопастей и рулевых винтов... Такую картину я увидел, прилетев на Новую Землю. Наш Ан-2 оказался единственным исправным воздушным судном на всем архипелаге.

Поступила телеграмма: по возможности выполнять перевозки людей, невзирая на правила полетов. То есть летай, как хочешь, — хоть стриги, хоть брей, все правила по боку... Редко когда авиаторам дают такой карт-бланш...

◀ Последнее поколение коренных новоземельцев XX века. Поселок Лагерное, 1956 г.

Вся Новая Земля осталась без авиации, а жизнь ядерного полигона, о которой мы только догадывались, должна была идти вперед, и крупным шагом. С нами постоянно летал чекист со звездой Героя. Во время погрузки «особняк» вежливо просил нас покинуть борт: секретность! Мы понимали — так надо. И не возражали: меньше знаешь — крепче спишь»...

В Белушке и Рогачево находились 525-й дивизион кораблей и судов специального назначения, 580-й отдельный транспортный авиационный отряд. Шла подготовка к приему 1950-го истребительного авиационного полка и других частей, в том числе большой бригады опытовых кораблей.

На боевом поле для расстановки измерительной аппаратуры и объектов испытаний требовался транспорт, но его не было. Приходилось все время выпрашивать машины и тракторы у строителей, а у них свой жесткий план. Из-за этого срывались графики подготовительных работ. Обстановка была нервная.

Частая смена командования говорит о том, что нелегко руководить таким соединением, как атомный полигон на Новой Земле: из четырех первых командиров трое пробыли в этой должности менее года. Наибольший вклад в развитие полигона внес вице-адмирал С. П. Кострицкий, командовавший им более семи лет.

Окончательное постановление Совета Министров СССР о проведении первого испытания на Новой Земле было принято 25 августа 1955 года. Задача личного состава полигона состояла в регистрации параметров ядерного взрыва и фиксации поведения военно-морской техники во время его.

Край летающих собак

18 апреля 1955 года было принято решение, определившее судьбу коренных жителей Новоземелья. Согласно ему Министерство торговли СССР и исполком Архангельского областного Совета депутатов трудящихся были обязаны «закрыть к 15 июля 1955 года на острове Новая Земля фактории Белушья, Литке, Красино и промысловые участки Абросимово, Лилье, Поморка, Вальково, Пропащая и Круглое, а население переселить в поселок Лагерное в проливе Маточкин Шар».

Военными строителями на Новой Земле командовал контр-адмирал П. В. Фомин. Личностью он был легендарной, об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что один из поселков городского типа на Новоземелье вполне серьезно планировали назвать Петрофоминском в честь Петра Фомина. Именно он, Фомин, при участии председателя островного Совета И. К. Вылки и директора Новоземельской промконторы А. М. Палеева разработал поэтапный план переселения новоземельцев. Предполагалось сначала отселить промышленников с факторий и становищ Карского побережья в отдельно выстроенный поселок, а затем ликвидировать промысловую контору и вывезти всех жителей архипелага на материк.

Министерству обороны было предписано «построить в поселке Лагерное к 1 июля 1955 года здания общей площадью 3350 кв. метров и отремонтировать существующие здания». Переселяющимся выплачивали единовременное пособие. Вместе с тем охотникам-промысловикам было разрешено в свободное от проведения испытаний время заниматься промыслами в зоне полигона, отведенной военным постановлением Совета Министров СССР от 31 июля 1954 года № 1559-699.

Военные строители в кратчайшие сроки возвели в 1955 году на берегу Маточкина Шара уютный и комфортабельный по местным меркам поселок, о каком народ и не мечтал. Четкая планировка, новенькие теплые дома, уличное освещение... К тому же иная, более «милосердная», роза ветров. Новоземельцы до сих пор вспоминают поселок Лагерный с теплым чувством: наконец-то и они зажили как люди! В поселке работали электростанция, промышленная контора Зверторга, были школа-интернат, больница, баня, прачечная. Это был настоящий городок, приспособленный для арктической жизни, от которого ныне остались лишь развалины...

Илья Константинович 24 октября 1955 года направил на имя главкома Северного флота адмирала Горшкова благодарность за поселок, построенный для новоземельцев:

«Только во сне могли увидеть жители Новой Земли в царское время то, что мы сейчас видим наяву. На месте одиноких чумов выросли благоустроенные жилые поселки, имеющие электроосвещение, радиофика-

И. К. Вылка.
Вертолет над
озером Под-
грядным.
1950-е годы.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

цию, паровое отопление. На том месте, где в 1908 году стояла палатка известного полярного исследователя Русанова, сейчас построен большой благоустроенный поселок, а школа-интернат обеспечена сотнями тонн каменного угля, годовым запасом топлива...»

Народ в Лагерное со всем движимым имуществом перевозили вертолетами Ми-4 — к 15 июля 1955 года все были уже здесь. Ненужных собак военные у населения скупали — для предстоящих опытов на Полигоне. Иногда четвероногих просто выменивали у мальчишек на конфеты. Часть собак была расстреляна — взять с собой их люди не могли, как не могли и бросить бесхозными...

Есть разные версии относительно короткой эпопеи Лагерного, в котором было собрано все население Новой Земли. Одни считают, что поселок был всего лишь промежуточной базой между прошлым и будущим новоземельцев, которых сконцентрировали там перед исходом из архипелага. И это выглядит весьма правдоподобно. Отправлять «новоземельский ковчег» на Большую землю было проще, заранее собрав людей в одном месте, нежели, рискуя впасть в немилость погоды, вывозить их на материк, объезжая все становища и фактории.

Ненцам и поморам, промышлявшим на архипелаге, предлагалось на выбор переселиться в Архангельск, Нарьян-Мар или в Амдерму. Населению компенсировался ущерб от смены среды обитания — Министерство обороны оплачивало стоимость оставляемого жилья, моторов, карбасов, лодок, промыслового инвентаря, ездовых собак.

Есть и другое мнение на этот счет. Дескать, жителей Новой Земли попросту выгоняли с обжитых ими мест. Отдельные исследователи упрекают Илью Константиновича Вылку за «вселенскую скорбь новоземельцев, утративших свою родную землю». Но эти упреки, по меньшей мере, некорректны. «Президент» Новой Земли Тыко Вылка был «государевым человеком» и, значит, поступил как человек с государственной позицией, хотел он того или нет...

Взрыв-полюшко

До поселка Лагерный голос новорожденного Полигона 21 сентября 1955 года донесся дрожью слабого ветерка. Говорят, мало кто обратил на это внимание. У дома Тыко Вылки даже ездовые собаки не почесались...

Над дальними-дальними горами встало молочно-белое облако, скоро распустившееся по ветру. И — все: ни звука, ни трясения земли... Для страны же это была торжественная минута, знаменовавшая создание в условиях изолированного расстоянием архипелага полноценного полигона для испытаний оружия нового поколения. О всем прочем, что к тому прилагалось, тогда не думали.

Капитан I ранга в отставке Виктор Прохорович Ахапкин присутствовал при первом ударе боевого атома, и его рассказ — лучшее свидетельство того, что с этого дня часы на островах архипелага стали отсчитывать иное время в его жизни. Ее хозяевами здесь отныне и на многие годы вперед стали другие люди. Им теперь принадлежало право создавать летопись Новоземелья — летопись Полигона:

«20 сентября 1955 года все было готово к испытаниям. С опытовых кораблей уже сняли весь личный состав, но внесла свои коррективы погода. Над полигоном легла плотная пелена тумана, причем по прогнозам — на длительный срок. На командном пункте нарастала нервозность: ждать, когда распогодится, руководство не желало, но и лишаться ценных оптических наблюдений не было резона. Все были раздражены. Неожиданно начальник объединенной метеослужбы полковник Н. П. Беляков выдал новый прогноз на 21 сентября, сказав, что в тумане появится окно. Все приободрились.

Ранним утром 21 сентября казалось, что прогноз не оправдается. Видимость оставалась практически нулевой. И вдруг с аэродрома Рогачево идет доклад: «Туман уходит. Самолет с группой аэрофотосъемки готов к взлету». Ну а дальше все пошло четко, как по часам. На подлете к губе Черной самолет выдал сигнал на штабной корабль «Эмба» о готовности к работе. По команде с корабля отключается первичная система предохранения боезаряда, включается регистрирующая аппаратура, затем через определенные промежутки времени снимаются очередные ступени защиты «изделия». В 8.00 по сигналу «Ноль» осуществляется подрыв боезаряда, который был опущен в воду на глубину примерно десять метров с тральщика проекта 253-Л.

▲ И. К. Вылка в рабочем кабинете. Белушья Губа, Новая Земля, 1954 г.
Из фондов АОКМ

Тыко Вылка с семьей.
Белушья Губа, Новая Земля,
▼ 1945 г. Из фондов АОКМ

Мы, находящиеся на береговом командном пункте в 8-10 км от эпицентра взрыва, вначале увидели вспышку в воде и одновременно почувствовали легкое сотрясение почвы. Раздался негромкий хлопок, поверхность моря над местом взрыва закипела, вспучилась, и тут же начал подниматься водяной столб, внутри которого горящие газы образовали ярко светящийся стержень. Буквально через мгновение на вершине столба образовалась шапка, а от его подножия во все стороны пошли большие волны. Еще 3-4 секунды этот мощный водяной гриб рос, и затем обрушился вниз огромными массами воды, а образовавшееся из паров белое облако двинулось по ветру. В месте выхода «султана» рождались все новые и новые высокие волны. Зрелище было грандиозное и незабываемое. Поднявшийся столб воды полностью закрыл от нас испытываемые корабли, и как ударная волна воздействовала на них, видно не было».

Евгений Александрович Шитиков, наблюдавший за этим взрывом, описывает события не менее ярко:

«Наша киногоруппа находилась на берегу примерно в семи километрах от места подрыва. При взрыве эсминца «Реут», поставленный в расчетную зону поражения, попал на границу «султана», «подпрыгнул» и мгновенно затонул. Проведенное позже водолазное обследование показало, что его нос и корма сильных повреждений не имели, средняя же часть представляла собой грудю искореженного металла. От тральщика-стотонника, с которого был опущен боезаряд, вообще ничего не осталось. При взрыве погиб ближайший к эпицентру эсминец — он утонул на месте. Остальные корабли остались на плаву, и киногоруппа поспешила к ним на катере.

«Султан» встал мгновенно и застыл, за исключением верхней части, где не спеша стала образовываться грибовидная шапка. Столб от внутреннего свечения был белый-пребелый. Такой белизны я никогда не видел. Казалось, что он поставлен тут навечно, будто вышел джинн из бутылки и замер, не зная, что делать дальше. Потом «султан» начал медленно разрушаться сверху, опадать. В небе осталось облако, схожее с обычными облаками. Мы не почувствовали ударной волны, прошел какой-то ветерок, и только. Зато очень хорошо был виден бег подводной ударной волны по поверхности воды. Как только облако взрыва отнесло от акватории испытаний, поспешили успеть на корабли-мишени до их затопления.

На открытых палубах, надстройках и боевых постах опытовых кораблей кроме регистрирующей аппаратуры были размещены и биологические объекты: около сотни собак, примерно пятьсот коз, овец и мелких лабораторных животных. При подводном взрыве мгновенные (сверхкороткие) гамма- и нейтронные излучения поглощала вода, но продукты радиоактивного распада в значительной степени были вынесены в воздушную среду. Самой коварной должна была быть базисная волна. Однако в ходе данного эксперимента направление ветра было противоположным стоянке кораблей. А поскольку базисная волна была отогнана ветром, то и число пораженных радиацией животных было небольшим.

И последнее — о дозах радиации, полученных в этот день участниками испытания. Я, пробыв весь день на кораблях и акватории боевого поля, получил всего 2,5 рентгена...»

Новоземельский полигон заработал. Тем временем ракетно-ядерное оружие стремительно развивалось. Этот прогресс определил будущее Новоземелья, которое из окраинной глухомани вдруг превратилось в высокотехнологичный, жестко структурированный и однозначно засекреченный «архипелаг Средмаша». Так именовалось Министерство среднего машиностроения, занимавшееся ядерными оборонными программами. У него были свои планы на развитие островов.

Прощание с Маткой

На очереди стоял вопрос об испытаниях сверхмощных зарядов. Он решался в ЦК КПСС и Совете Министров СССР — уровень высочайший, так ведь и значимость вопроса — государственная! Совместным постановлением от 17 марта 1956 года № 357-228 было назначено в том же году испытать на Новой Земле 25-мегатонный термоядерный заряд. По тем временам — рекорд! Что там первый «взрывчик» на 3,5 килотонны?

К этому времени было принято решение о формировании Северной экспедиции № 7. Ей предстояло оборудовать четыре опытных поля: три — на восточном берегу губы Черной и одно — на берегу губы Ми-

И. К. Вылка.
Северное сия-
ние.
1950-е годы.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

тьюшихи, что на Северном острове. Первоочередной была обозначена задача создания опытного поля именно там, в Митюшихе. 23 апреля передовой отряд из 53 человек во главе с П. Ф. Фоминым высадился на пустынный берег этой губы. Никаких факторий там не было, ближайшая изба находилась много севернее, в губе Крестовой. Здесь и было выбрано опытное поле для ракетных стрельб.

Северная экспедиция № 7, работая практически круглосуточно, подготовила его к 20 июля 1956 года. В новые районы испытаний доставили 20 тысяч тонн груза. На строительстве было занято около 1500 человек, привезенных с материка. За четыре с половиной месяца они провели рекогносцировку местности на Северном и Южном островах, произвели посадку и привязку на местности спецсооружений боевого поля, построили на боевых полях комплекс защитных сооружений, выполнили монтаж оборудования и приборов. Всего было построено 320 объектов — производственных, жилых, бытовых и вспомогательных сооружений.

Первого мощного взрыва побаивались, так как расчеты показывали ожидаемое избыточное давление. Взрывная волна могла быть ощутима не только в Белушке, но и в Нарьян-Маре и даже в Архангельске! Однако спешные приготовления полигона летом 1956 года оказались напрасными. По просьбе Минсредмаша Президиум ЦК КПСС 31 августа 1956 года принял решение перенести проведение испытаний «специзделия» ориентировочно на 1957 год. Планировавшееся переселение жителей Новоземелья на Большую землю из поселка Лагерное, находящегося в 55 км от боевого поля, также было отложено. Это вызвало недовольство новоземельцев, поскольку их личные планы трещали по швам — люди зависли в неопределенности. Вправду говорят, что нет ничего хуже ожидания и погони. Внятного ответа об исходе новоземельцы, конечно же, получить не могли — секретность исключала любые щели для утечки информации. Разведки иных стран сна не знали, а американские самолеты-разведчики регулярно ходили краем полярных владений СССР: всех их полигон волновал до чрезвычайности! Там решалась судьба мирового противостояния...

Высшие материи — не собачий корм! Вместо промысла — досужие домыслы. Остановка в пути на Большую землю была для новоземельцев совсем некстати. Они сидели на чемоданах в полном неведении, словно позабытые всеми на планете.

Надо сказать, что охотники и рыбаки без особого восторга переселялись «в одну кучу» — промыслать на новом месте было труднее. Стесненность в промысловом деле — гарантированная скука в кошельке, а добираться до нетоптанных мест — время и дорога. На общих собраниях люди рубили правду-матку до седла и дальше. Кто-то возмущался убытками до сорванного промысла, кто-то настаивал на полной оплате всех неудобств.

Надо отдать должное военным, они большие вопросы закрывали и шли навстречу пожеланиям коренных новоземельцев. Когда на общем собрании жители Новой Земли приняли обращение в адрес Архангельского облисполкома с требованием компенсировать причиненные им военными убытки на сумму 387 тысяч рублей и решить ряд срочных вопросов, связанных с нуждами промысла из-за задержки переселения на материк, областная власть требования поддержала. Военные отреагировали незамедлительно:

«Согласно принятому решению об отселении населения Карской стороны, грузы Североторга и Архангельского ОИЖ, а также учителя и медицинский персонал в срок до 15 октября средствами ВМФ будут доставлены на фактории, расположенные на побережье Баренцева моря. Имущество промышленников, отселенных с Карской стороны, принятое войсковой частью на хранение, будет передано его владельцам. Закупленные собаки возвращаются промышленникам. Для нужд интерната и больницы промышленникам выделено бесплатно 300 тонн угля и 300 кубометров дров из имеющихся на месте. Всему местному населению за вынужденный отрыв от промысла будет произведена выплата суточных, за питание в период с 15 июля по 1 октября — в размерах, установленных постановлением от 15 марта 1956 года. Охотникам и промышленникам разрешен промысел на острове Новая Земля с установлением запретных зон для охоты...»

Подписал документ генерал-лейтенант инженерно-технических служб Комаров.

«Гамбургский счет», поданный новоземельцами, оплатили мигом, выдав людям 17500 рублей за имущество и 16700 — в качестве среднемесячного заработка. (В масштабах Полигона такие суммы — копейки). Вряд ли все остались довольны — дешевы государственные цены, но это было гораздо лучше, чем ничего. Преисполненные терпения готовы были и к новому витку судьбы...

Илья Константинович, почтенный пенсионер, собрал свои небогатые пожитки и уехал на постоянное жительство в Архангельск. И отношения с новыми хозяевами Новоземелья строили уже совсем другие люди, знавшие, что и почем. Они и сами были военно-морской, офицерской закалки, а потому умели и концы найти, и людей в руках держать, и своего добиться...

Будем честны: заниматься хлопотным, нервным делом переселения новоземельцев на Большую землю 70-летнему человеку было уже не по годам. Здесь требовались молодая напористость и, если хотите, амбициозность, умение решать государственные и жизненные задачи в условиях совершенно нового времени.

Дела Тыко Вылки здесь, на родной его земле, были окончены. И он впервые оказался предоставлен самому себе. В письме родным, еще жившим в Русаново, он сообщал о ближайших планах:

«Теперь мы все поедem на материк. На Новой Земле охотники не будут. Новая Земля будет запретная зона. Нас будут переселять с 15 июня по 15 июля. К этому времени готовы все мы... Которые выехали в прошлом году, живут в Нарьян-Маре. Ледков Виктор Ильич женился на красивой ненке, в яловых сапогах ходит... Я, наверно, первым пароходом уеду в Архангельск жить в самом городе. Увидимся где-нибудь на материке. 5 мая 1956 года».

Последний пароход

Отметив в феврале на Новой Земле свое 70-летие, Илья Константинович в Лагерном сдал дела новому председателю островного Совета Николаю Бурдикову, вступившему в должность последнего «президента» Новой Земли 25 октября 1956 года, и отправился на покой в Архангельск. Бурдиков со сложной и многокомпонентной задачей переселения справился прекрасно.

Постановлением Совмина СССР № 724-348 от 27 июля 1957 года были намечены мероприятия по отселению гражданского населения с островов архипелага Новая Земля и отводу новых земель под полигон. В частности, Совету Министров РСФСР и Архангельскому облисполкому было отдано распоряжение в срок до 1 ноября 1957 года переселить с архипелага на постоянное местожительство в другие районы Архангельской области «гражданское население в количестве 298 человек», упразднив там островной Совет депутатов трудящихся, а также школу-интернат, больницу с фельдшерским участком, отделение милиции, узел связи, «красный чум». Было приказано закрыть и Промторгконтору Министерства торговли РСФСР с промысловыми участками и факториями, расположенными на островах Новой Земли, и списать с охотников-промысловиков задолженность этой конторе в сумме 212 тысяч рублей.

Министерство обороны СССР обязали построить для переселенцев в г. Архангельске пять восьми-квартирных брусчатых домов с котельной; на о. Колгуев — пять двухквартирных брусчатых домов, баню, прачечную и электростанцию; в Амдерме — один восьмиквартирный дом, а также выплатить отселяемым на материк за счет собственных средств пособие в размере 300 рублей (на о. Колгуев — 1000 рублей) на каждого человека.

Вот и все...

Людмила Владимировна Бурдикова вспоминает о последних днях коренных новоземельцев на архипелаге:

«Военные после закрытия Новоземельской базы вновь появились у нас в 1954 году. Привезли солдат на строительство. Что они собирались строить, мы не знали. Знали, что будут испытания — взрывы и взрывы... Воспринимали это как нечто отдаленное. Вылочка был информирован не больше нас...

Приходило небывало много кораблей, на берег сходили сотни людей, на причале складировались грузы, регулярно летали военные разведчики. В горах построили глубокий тоннель — минут десять ехать на крытом грузовике. Нас всю зиму возили туда в казармы учить неграмотных солдат. Здоровенные вологодские парни Устав прочитать не могли! Они там и жили — в горе.

Первый ядерный взрыв был, говорят, виден из Кармакул — над горами поднялось странное облако. Ни звука, ни хлопка — ничего. А в Амдерме заклеивали окна бумагой, там и взрыв слышали. До Лагерного же было слишком далеко. Мы узнали все позже.

Когда сказали, что надо переселяться в поселок Лагерное, никто особо и не возражал. Надо, значит, надо — переехали. Вещей у новоземельцев немного было, все в ящики упаковали. Что оставили насовсем — за все военные заплатили. Промысел все эти мероприятия, конечно, нарушили, а иначе и быть не могло.

Приплыв на пароходе в становище Лагерное, нашли здесь отличный городок, выстроенный военными. И ведь никак не думали, что тронемся отсюда куда-то. А в Архангельске тем временем для нас уже строили дома.

В 1956 году приехали руководители из Нарьян-Мара и Архангельска, спросили Вылку, кого бы он оставил вместо себя. Илья Константинович, собравшийся на пенсию, выбрал моего мужа — тридцатилетнего Николая Бурдикова. Вылка любил молодых, работающих ребят. Доверял им. Руководители с материка согласились — стоящий человек, справится. Поселок тоже проголосовал стопроцентно.

Из Лагерного на материк мы, насколько помню, выехали 26 сентября 1957 года, в Архангельск прибыли через три дня. Выгружались на Красной пристани. Под вещи переселенцев сразу подали армейские грузовики. Люди уже знали адреса своего жительства. Все было проведено четко и организованно.

В Нарьян-Маре островитяне поселились в «доме врачей» на улице Смидовича. Приехав в Архангельск, мы узнали, что дома для нас пока не готовы. Новоселья ожидали полгода, проживая в бараках в районе Та-лаг. «Новоземельские» восьмиквартирные дома были поставлены военными строителями на улице Суфтина под нечетными номерами от первого по девятый. В каждой квартире размещали по две-три семьи. Сегодня там почти никого из нас не осталось. Другие люди живут.

Детям в Архангельске все было непривычно: автомобили, трамваи, каменные дома в пять этажей! Столько растительности! Столько шума! Столько людей! Да и взрослые поначалу как-то даже сторонились нового окружения, жили такими бирюками. Что говорить — не все они видели даже захолустный тогда Нарьян-Мар, про который говорили: «два забора — три доски».

Ребятне приходилось трудно. Они выросли в островной изоляции. Скромные, нетребовательные, спокойные, исполнительные, послушные, чистые душой и помыслами... Думаю, что они ощущали себя попавшими на Луну. Но приспособлялись быстро — детский ум приживчив. Однако многие начали болеть. На ребяташек обрушились корь, скарлатина, свинка, ветрянка. Да и взрослым материковые инфекции попортили крови. Обидно, что многие потеряли себя на новой для них земле, да так и не нашли...

Илью Константиновича в Архангельске я уже не видела. Говорили, что скучает по родине. Да мы все скучали по тем местам! Говорили, мол, совесть Вылку за что-то мучила... Я думаю, что это все выдумки. Государство все решает за нас, и с этим не спорят. С родиной же прощаться насовсем, конечно, тяжело...

Последний «президент» архипелага Николай Бурдиков за год до смерти сказал своей жене: «Знаешь, сейчас я бы вернулся на Новую Землю...» Так захотелось ему той тишины и покоя...

А тогда, в сентябре 57-го, к Лагерному подошли грузопассажирские пароходы «Чиатури» и «Акоп Акопьян». Люди поднялись на них, и все до единого разместились в каютах. В тот день, 27 сентября, новоземельцы навсегда покинули свою малую родину. Перестрелять ездовых собак рука у промысловиков не поднялась. Тут ни отчаяние, ни водка не помогут... А потому провожал островитян лай оставленных на берегу псов. На выходе с рейда пароходы догнал отчаянный смертный вой... Немного ума у новоземельских лаек, но чувство беззаветной любви не обмануло — их бросили на произвол судьбы. Собачья доля...

В 1957 году на высшем уровне было решено не гнаться за США, где тремя годами раньше произвели четыре ядерных взрыва мощностью до 15 мегатонн. Советский Союз в развитии ядерного оружия пошел по пути постепенного повышения тротилового эквивалента с тем, чтобы превзойти американцев через несколько лет. А значит, и рвать штаны на широком шаге было незачем. Смерть инициатора 25-мегатонного проекта А.П. Завенягина стала еще одним фактором, притормозившим продвижение ядерной программы испытаний. Поэтому в 1956 году полигон на Новой Земле молчал. Ждали августа-сентября 1957 года — на это время было намечено испытание изделий мегатонного класса на боевом поле полуострова Сухой Нос (район губы Митюшихи).

В газетах 3 сентября 1957 года было опубликовано сообщение о районе, опасном для плавания судов и полетов самолетов в период с 10 сентября по 15 октября. Разрешение на испытание получили...

В расписании авиарейсов Новая Земля отныне значилась как Амдерма-2, а почта отправлялась по адресу Архангельск-55 (Белушье) или Архангельск-56 (Рогачево).

24 сентября 1957 года состоялись испытания опытного изделия мощностью более мегатонны с воздушным ядерным взрывом на высоте два километра. Так на полигоне начала действовать зона «Д». В Лагерном в тот день из рам повывлетали стекла. На безлюдном берегу выли осатаневшие собаки...

Лишних глаз на Новоземелье уже не было — территория была чиста для будущего. Полигон уверенно вступил в права нового хозяина архипелага. По расчетам, при нормальной метеорологической обстановке он мог проводить около 85 испытаний ежегодно... За свою историю полигон освоил пять видов

испытаний ядерного оружия: подводные, наземные, подводные, воздушные и подземные — в штольнях и скважинах.

Всего на Новой Земле в период с 21 сентября 1955 года по 24 октября 1990 года (до объявления действующего моратория) было проведено 132 ядерных взрыва.

Испытания осуществлялись на трех технологических площадках: в губе Черной (зона «А» — серия атмосферных ядерных взрывов, три подводных и пять подземных ядерных взрывов в скважинах), в проливе Маточкин Шар (зона «Д» — 36 подземных ядерных взрывов в штольнях), в губе Сульmeneва (зона «Д-2» — серия воздушных ядерных взрывов).

Подводные взрывы были прекращены в 1961 году, наземный был произведен только в 1957 году, последний подводный — в 1962-м, и в том же году были закончены воздушные испытания. Подземные испытания прекратили в 1990 году (американцы — на два года позднее).

Ядерный взрыв для ученого — очень информативное явление, но этого инструмента физических исследований российские ученые сейчас лишены. Работать с натурными материалами — плутонием и высокообогащенным ураном — в лаборатории нельзя. А вот на полигоне без ядерного энерговыделения ряд испытаний возможен. Сегодня они регулярно проводятся на Новой Земле (это лабораторные исследования, методика и техника этих экспериментов иная, чем при натурных испытаниях).

Мало кто сегодня знает и помнит, что в 1959–1960 годах в СССР действовал мораторий на ядерные испытания. Может быть, эта новость, сошедшая с полос всех газет, утешала Илью Константиновича на склоне лет? Теперь ужасный Нга не будет трясти его родную Едэй-Я...

**Этюд седьмой.
Большая земля —
маленький
человек
(дерево, кумач,
1960-е годы)**

Архипелаг в наследство

Идя по земным следам Тыко Вылки, в музейных фондах довелось встретиться с полярными раритетами, оставшимися потомкам в память от Ильи Константиновича. Чем жил, то и завещал без сожаления. Остальное разошлось по людям или утрачено по жизни...

Бинокль с одним окуляром. Солнезащитные очки. Передававшийся по роду охотничий нож в ножнах из нерпичьей шкуры с медвежьим клыком. Кожаный мешочек для соли, приспособленный под футляр для бинокля. Картины. Переписка. Тоненькие тетради фольклорных сочинений и дневниковых записей. Толстые папки писем со всех концов СССР. Несколько фотографий и казенных бумаг. И — мешочек с геологическими образцами...

Да, Новая Земля — это богатейшая кладовая полезных ископаемых. Пусть сегодня этот архипелаг — Полигон, но будущее Новоземелья — за геологическим промыслом. Сомнений в этом нет и быть не может. Перспектива — за сокровищами островных недр!

Геологи всех времен обращали свой взор на заполярный архипелаг. В 1807 году туда отправилась с геологическими целями экспедиция В. Лудлова, обследовавшая западное побережье архипелага. В 1895 году поисками полезных ископаемых в Маточкином Шаре, Малых Кармакулах и на маршруте через Южный остров занималась экспедиция Ф. Н. Чернышева. Геолого-географическое

обследование Крестовой губы, Матшара и залива Пухового проводила в 1921 году Северная научно-промысловая экспедиция Р. Л. Самойловича.

Та настойчивость, с какой проводилась серия геологических экспедиций, пытавшихся создать базовое представление о характере происхождения архипелага и потенциальных богатствах его недр, говорит о пристальном внимании отечественной геологии к подземным кладовым Новой Земли. В 1925 году академическая экспедиция М. А. Лаврова прошла по долине Русанова, на Гусиной Земле, на острове Междушарском и в бассейне реки Савиной геоботанические изыскания вел А. И. Зубков.

Особенно ярким в плане геологоразведки стал на Новой Земле 1931-й год. На островах архипелага работали экспедиция Всесоюзного Арктического института (команда Д. Г. Панова), прошедшая от губы Серебрянки до губы Митюшихи; группа В. А. Куклина, исследовавшая маршрут от губы Черной до полуострова Русанова; отряд М. М. Ермолаева, работавший на южном побережье Маточкина Шара. Тогда же геологи во главе с Г. В. Горбачким прошли с изысканиями от губы Крестовой до губы Северная Сульменева.

Управляющий Северным геологоразведочным трестом А. Панов фиксировал опыт организации первых партий и экспедиций на Новую Землю:

«В 1932 году Северный крайком ВКП (б) укрепил руководство геологоразведочных партий в крае, проведя своим постановлением от 20 апреля 1932 года специальную мобилизацию коммунистов и комсомольцев. Северным крайисполкомом издано постановление, обязывающее местные органы представлять на условиях найма для переброски геологоразведочных партий необходимый гужевой транспорт (лошади, олени, лодки), а также рабочую силу.

На островах Новая Земля (Северное полярное море) была снаряжена экспедиция в составе пяти поисково-разведочных (на цветные металлы), двух геологосъемочных и двух топографических партий. Рогачевский отряд занимался углем, Русановская, Матшарская, Митюшевская партии — поисками цветных металлов, Литкенская партия — геосъемкой и картой, Северо-Матшарский отряд и Медная с Тарасовской партии вели топографическую съемку.

Новоземельская экспедиция, будучи погружена на сильнейший пароход Совторгфлота «Вологду», отправилась из Архангельска 15 июля. До места назначения добралась практически без задержек в пути, но в процессе работ попала в полосу штормов и бурь...»

Неблагоприятные климатические условия, отмечал Панов, постоянно меняющиеся породы и вечная мерзлота приводят к невыполнению плана по разведке. В числе причин этого отмечались и отсутствие спецодежды, и острый недостаток буровой стали и крепежных материалов, и неквалифицированность рабочей силы.

«В верховьях реки Серебрянки, по сообщению П. А. Брача, в правом берегу, напротив горы Снежной, обнаружена медь. На осыпи по склону к реке в кварце найдены крупные кристаллы галенита и халькопирита. По сообщению геолога В. В. Чернышова, на южном побережье губы Пропашей, в передней части течения реки Каменистой, встречается черное шунгитообразное вещество с раковистым изломом. Прослой хорошо прослеживается на простирании до 200 метров (далее скрыто осыпями). В случае положительных результатов по химанализам месторождение, несомненно, будет иметь промышленный интерес.

Познание геологии Новой Земли в экспедициях 1932 года стоило жизней наших товарищей. В Литкенской геологосъемочной партии при работе на малоисследованном леднике Глетчерич старший коллектор при переходе вброд горного потока, не зная его силы, был сбит с ног и утонул. Труп не найден. В Митюшевской поисково-разведочной партии при работах по поиску месторождений цветных метал-

*Прощайте, островов моих стада!
Я — женщиной поломанная ветка.
Прощайте, льдом помятые суда,
Прощай, моя ледовая разведка.
Прощай, патруль! Во снах не посещай.
Беглец твой, право, памяти не стоит.
Залезу в гроб гражданского плаща
И пропаду в пустынях новостроек.
Юрий Визбор, 1980 г.*

лов чернорабочий попал в трещину ледника и разбился насмерть. Труп не найден. В Медной поисково-разведочной партии при сильном шторме моторный карбас потерпел аварию и был выброшен на берег в 70 км от становища Белушья губа. Спаслись все, кроме одного чернорабочего. Тело не нашли...»

С 1933 года началось массированное геологическое изучение Новоземельского архипелага. Это стало следствием индустриализации страны, требовавшей создания стратегической минерально-сырьевой базы. Ожидания оправдывались теорией: Новоземельский архипелаг считался продолжением Уральских гор, богатых своими подземными кладовыми. До Великой Отечественной войны через острова прошли геологи экспедиций В. Д. Александрова (1932–1933), Б. В. Милорадовича (1933, 1936), Г. В. Горбачко (1933), И. Ф. Пустовалова (1933), Б. А. Алферова (1933, 1934), Н. Н. Мутафи (1933), Л. В. Введенского (1934), В. А. Куклина (1934), М. М. Ермолаева (1934), А. А. Петренко (1936), С. В. Колесника (1936). В 1937 году даже была организована геологическая экскурсия для участников XVIII Международного геологического конгресса, обошедшая все Новоземелье.

В довоенные годы норильский никель, флюориты Амдермы, вайгачские полиметаллы, чукотские олово и золото озвучили Крайний Север гулом комбинатов, шахт и приисков. Новая Земля промышленной прописки не имела — слишком далека и мало изучена. Прошло время. Найденные на архипелаге полиметаллические и железные руды, горючие сланцы, черный пирит, асфальтит, бурый каменный уголь дают надежду на то, что будущее Новой Земли — не только в потаенной славе ядерных исследований, но и в индустриальном освоении ее полезных ископаемых. Ведутся работы на Павловском свинцово-цинковом серебросодержащем месторождении, обозначились контуры Рогачевско-Тайнинского марганцево-рудного района, Безымянского рудного полиметаллического узла, шельфовых углеводородных залежей Арктики. Все так же — промыслами — будет прирастать архипелаг к России!

В послевоенные годы, начиная с 1947-го и вплоть до наступления новоземельской ядерной эры, сюда вновь и вновь шли разведчики недр. Северный и Южный острова исследовали геологические экспедиции Б. С. Романовича (1947, 1949, 1951, 1954), Э. В. Эпсита (1949, 1950, 1952, 1953), К. К. Демюкидова (1950), Г. А. Беякова (1950), Г. Б. Митича (1953), В. И. Бондарева (1954, 1956), В. И. Смирнова (1956)... Полтора столетия новоземельской геологии. Нашлось в этой долгой истории скромное место и Илье Выхе.

Вспоминая события 1909 года и поход с Владимиром Русановым, собиравшим материал для обоснования концепции геологического строения Новой Земли, он записал:

«Остановились в заливчике Южной Сульменевой губы. День отдыхали, стояли на месте. Русанов ходит, камешки собирает. Санко пимы свои сушит. А я хожу по берегу, горы рисую. Однажды я нашел каменных червей. Показал Русанову. Он рассмотрел и сказал: «Очень хорошо. Учить бы тебя надо. Завтра дам тебе молоток и мешочек»... Он долго объяснял мне, как произошли такие камни. После таких слов Русанова я совсем забыл о промысле и думал только о грамоте.

Пока я ходил рисовать, нашел много каменных «лимонов». Один «лимон» я положил в мешочек и еще нашел каменную змею и по пути к шлюпке встретил Русанова. Показал ему находки. Он спросил: «Где нашел? Пойдем-ка туда!» Он сказал: «Ты очень полезный для экспедиции человек». И еще спросил: «Вот эта сопка от уровня моря какой высоты будет?» Я сказал: «Наверно, метров триста будет» Мы поднялись на сопку, и Русанов сказал: «Только на два метра ошибся. Молодец. Теперь всегда буду тебе верить...»

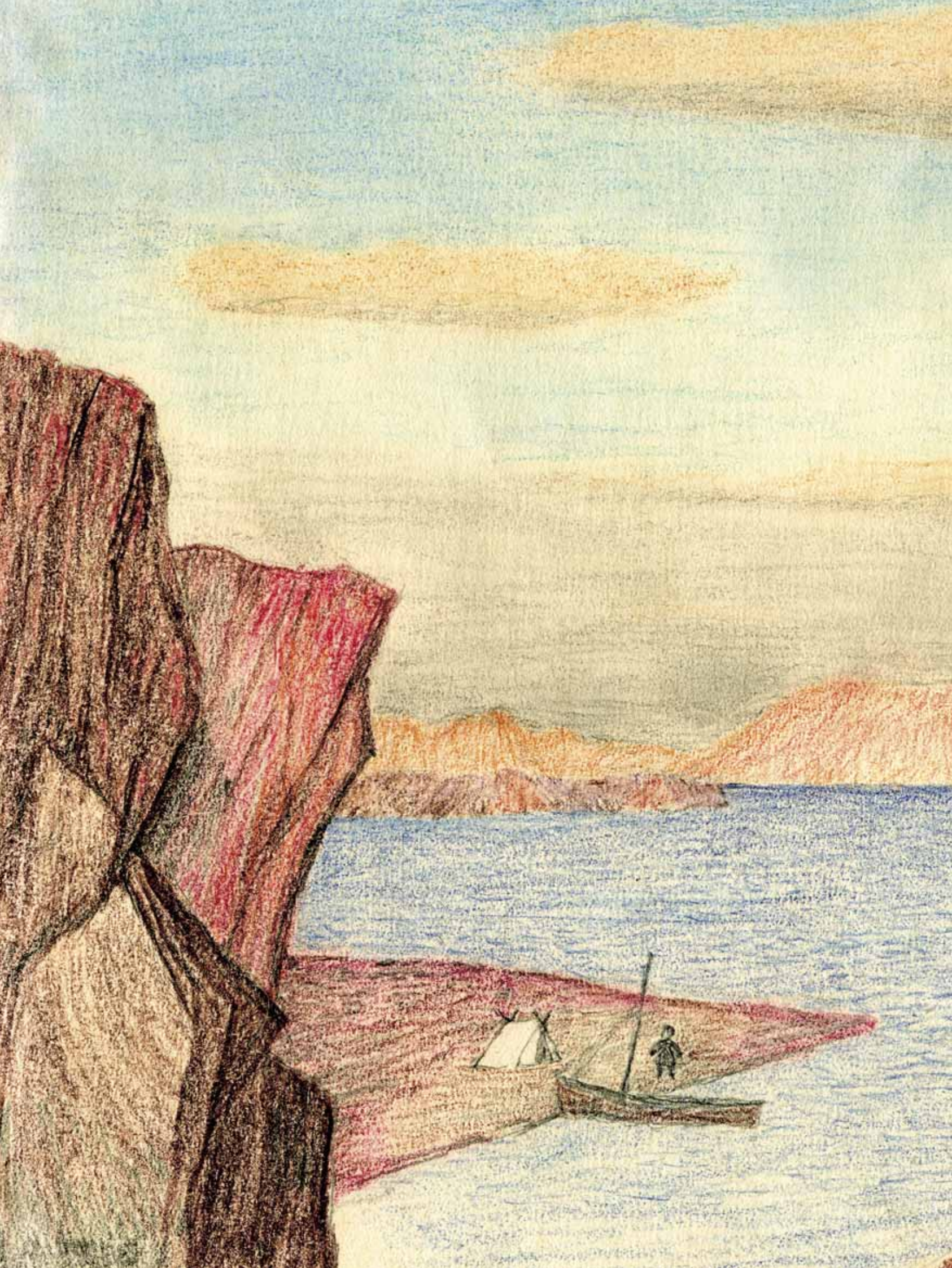
Многое из материалов исследований Русанова так и осталось неопубликованным, но, по общему признанию специалистов, его концепция геологической истории Новоземелья оправдалась, рудные прогнозы подтвердились последующими геологическими изысканиями...

Геологом Тыко Выха не стал, но окаменелости собирал и хранил. Недавно в фондах Ненецкого окружного краеведческого музея сотрудники обнаружили мешочек с неописанной геологической коллекцией, подаренной округу Ильей Константиновичем.

Беспокоен, пылив и деятелен был в юности этот человек. Мудр и открыт в преклонные годы. Богатств он за свою некороткую жизнь не скопил, хотя и был «президентом», стоял у власти аж тридцать два года. Сам он о времени своего пребывания во власти говорил: «Почти как в пушкинской сказке: ры-

И. К. Выха — кавалер ордена Трудового Красного Знамени. Архангельск, 1956 г. Из фондов ГМО «Художественная культура Русского Севера»

ТЫКО
ВЫАКО

И. К. Вылка.
Место стоянки
Русанова.
1950-е годы.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

бак жил у синего моря тридцать лет и еще три года. А мне полугода не хватало только...»

Он оставил нам в наследство архипелаг — обитаемый, обжитой, покрытый географическими названиями и точно прорисованный на современных картах. Любил Вылка этот суровый и прекрасный край, о иных и не помышлял. Новоземелье — не пропащая земля, как может иным представиться в прекраснотушных заблуждениях. По сей день это территория государственной значимости, стратегический ядерный полигон, передовая линия отечественной науки. На каменной тверди архипелага ковался ядерный щит Отчизны. Не заржавел он и поныне. Негусто населена та земля, но у России — на особом счету.

«Старой лодкой на архангельском берегу...»

Осенью 1956 года после юбилейных празднований 70-летия Ильи Константинович ушел на заслуженный отдых. Перебрался в Архангельск, где поначалу жительствовавал на временных квартирах, потом переселился в специально выстроенный для него военными и выкрашенный в небесно-голубой цвет одноэтажный домик на пересечении Костромского (ныне Космонавтов) проспекта (168, флигель 1) с улицей Вологодской. Те, кто не знал адреса, писали просто: г. Архангельск, Тыко Вылке. И письма доходили!

Сегодня сложно сказать, пришелся ли Архангельск середины пятидесятих по душе Илье Константиновичу. Большой город с населением в сотни тысяч человек, конечно, не шел ни в какое сравнение ни с Белушкой, ни с Лагерным. Трамваи, автобусы, автомашины; людные перекрестки проспекта Павлина Виноградова в центре города; базарная толча Поморской улицы на ее истоке, у реки; своеобразная архитектура... Думается, Вылка просто принял Архангельск таким, каким он был. Да и жить поселился не среди городского шума, а с краешку, на ягодные Мхи, не шибко ухоженные, поросшие невесть чем — травой, мелкоколесем, застроенные сараюшками-развалюшками, утопанные кривыми стежками-дорожками. Здесь было тихо и уютно, хоть и не так просторно глазу тундровика-вындера.

Знакомствами Ильи Константинович обижен не был. Бирюком не жил. К нему шли, его узнавали, и он людей и не сторонился — был всякому человеку и обществу приоткрыт. В просьбах старался не отказывать — привык быть полезным. И сам понемногу пропитывался обычаем городской культуры... Бывая в музее, стоя у стендов, открывал для себя ценность былого, с ним самим за долгую жизнь случавшегося. Раньше, кажется, и значения тому не придавал: было — сплыло... Везде был желанным гостем, всюду нес золотое слово памяти. Полюбил Архангельск своего человека Тыко Вылку, а он потихоньку жил-вживался в провинциальный город.

В Архангельске Илью Константиновича встречали одетым в темно-синий флотский китель, туго обтягивавший коренастый, широкоплечий торс. В поморской столице он скоро стал узнаваемым. И не удивительно. До конца дней сохранил он свою новоземельскую самобытность. Она находила отражение во всем. Даже в его шутках. Говорят, когда ему предложили квартиру в каменном доме, он отказался, заметив, что «в деревянном чуме воздух лучше».

Он был своеобразен во многом, Скажем, ни такси, ни трамваев в Архангельске не признавал. Лишь раз, как вспоминают старожилы, сел в трамвай: когда из тундры привезли в областной центр старика-ненца 109 лет от роду. Слепнул дед. Хотели глаза ему подлечить в городе. Ильи Константинович покатал его на трамвае пятого маршрута, дважды по Архангельску обернулись с заездом в корабельную Соломбалу. Когда-то Вылку в Москве поразил именно трамвай: «Дом бежит сам по себе. Весь день я катался на трамвае. На всю жизнь удовольствие было...» Этим и старого ненца потешить хотел. Говорил, что тому понравилось...

Художник и скульптор Валентин Михалев посетил своего старого знакомого в его архангельском жилье: «После переселения ненцев с Новой Земли Вылке предоставили в Архангельске маленький деревянный домик. Я не раз приходил к нему. За оградой гуляли пять вызывающих жалость северных оленей. Рядом стоял стог сена, лежала кучка ягеля, привезенного из тундры, бегала лайка, а на крыльце дома сидели Ильи Константинович и Мария Савватьевна. В душе у меня осталось гнетущее впечатле-

▲ Тыко Вылка за работой в своем кабинете. Архангельск, 1958 г. Из фондов ОГУ «Ненецкий краеведческий музей»

Н. П. Борисов, племянник художника А. А. Борисова, с Тыко Вылкой. Архангельск, 1955 г.
▼ Из фондов ОГУ «Ненецкий краеведческий музей»

ние от его нового обиталища: все выглядело по-музейному искусственно и вызывало большую грусть. Ванне с «дождичком» он был рад только потому, что рады этому были жена с дочкой. Именно они купили в дом диван, буфет, красивую посуду, патефон. «Они у меня как большие господа живут», — улыбался Тыко Вылка. В свою же комнату он поставил лишь железную койку, стол, стул и мольберт.

Как ни парадоксально, художник Вылка никогда не имел творческой мастерской. Он работал в тундре на природе, в чуме, у себя дома. Как-то он пришел ко мне, прихватив с собой три работы в самодельных рамочках, и разложил их по полу. «Вот, новые картины принес вам показать». Это были его последние новоземельские пейзажи, нарисованные по памяти. Синее море и низкое солнце, похожее на оранжевый апельсин. Горы под голубым снегом. Яркое-желтое северное сияние над маленьким чумом. Трогательными и печальными показались мне эти живописные холсты. Печальными оттого, что в них отразились тоска и боль художника, вынужденного покинуть свои места...»

Вылка много и часто гулял по Архангельску. Не домогосподствовал — привык, как медведь, много ходить. Один ходил, как охотник новоземельскими тундрами...

Тыко Вылка:
«Живу хорошо.
Пишу. Рисую».
Архангельск,
1959 г. Из фон-
дов ГМО «Ху-
дожественная
культура Рус-
ского Севера»

Нескучный час

Частенько заглядывал Илья Константинович в Архангельский областной краеведческий музей. Когда по делу, а когда и так, с разговорами о том-сем. Хранитель музея Роза Андреевна Пичугина вспоминает, что, бывало, заходил к ним Тыко вместе с писателем Евгением Коковиныным и сказочником Степаном Писаховым. (Так, втроем, они и снялись на память в фотостудии, усадив застенчивого Коковина посерединке).

«Коковин у нас все как-то больше отмалчивался, скромно посиживал в уголке или приносил что-то для музея, молча совал и — убегал из центра внимания. Беседу поддерживал больше Писахов. А Илья Константинович часто рассказывал о Новой Земле, о ее красотах, о том, как там жили, как он рисовал... «Когда погода тихая, солнышко светит, дождика нет, ветра нет, — говорил, — беру краски, беру кисти, беру холст, иду в тундру, ложусь на какой-нибудь бугорок сухой моховой, повыше, смотрю на золотое море и так лежу и пишу...» Он так немножко смешно, по-своему говорил. Но нам это нравилось — такой свой, домашний, добрый и светлый человек был...»

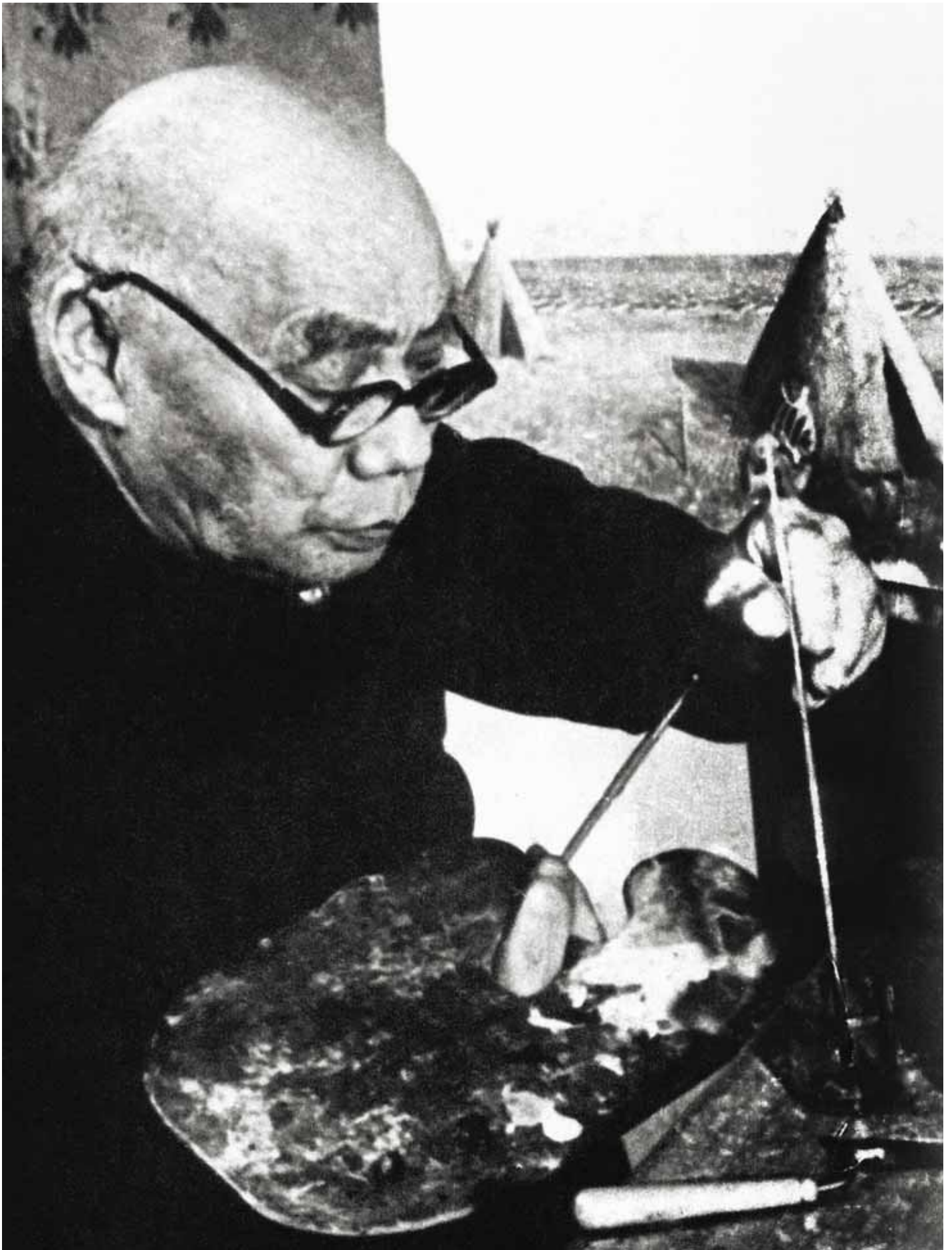
С Писаховым его связывали прошлое, общие знакомые, которых к тому времени уже не было. Два старика. Один — маленький, как подросток, сплошь заросший кудлатой бородой и буйным волосом, второй — повыше, лысоватый, в очках, опущенными вниз усами похожий на тюленя. Они гуляли по городу, нередко сживали на скамеечке у дома Писахова, стоявшего на углу Поморской улицы и Петроградского (Ломоносова) проспекта, их часто замечали прогуливающимися по двинской набережной... «Приезжим сначала показывают Архангельск, а потом нас с тобой», — смеясь, говорил другу Писахов.

Скорее всего, именно под влиянием Степана Григорьевича Вылка начал записывать ненецкие сказки и песни, сочинять свои, переводить их на русский язык, обратился к сокровищнице русской поэзии, взявшись сделать ее достоянием своего маленького народа. Он начал писать его историю, читал доклады в этнографической секции Северного отделения Географического общества, пытался нащупать корни появления людей в Новоземелье, которое самоеды встарь называли Няро-Я — Божественная Земля...

Скульптор Валентин Михалев в Архангельске взялся лепить бюст Ильи Константиновича. Он рассказывал:

«Впервые я увидел Вылку в 1943 году на Новой Земле. Наш «Седов» стоял на рейде. Как же нам радовались ненцы на берегу! Рассказывали о себе, о своей жизни и все время поминали: «Тыко, Тыко, Тыко...»

Позировать он согласился охотно. Время свободное было, и возможность посидеть лишние часы с другим художником, пусть и начинающим, радовала его. Никогда не опаздывал, приходил за полчаса, загодя, ждал на пороге — моим временем дорожил больше, чем своим. Приносил с собой малицу,

да что там малицу, всем был готов помочь в работе. И не только мне — он каждому хотел доброе сделать, доброе после себя оставить. Когда позировал, пел — я его просил об этом.

Он очень любил Север. И тосковал по новоземельским домам...»

Старейший фоторепортер Русского Севера Валентин Евлампиевич Гайкин с теплотой вспоминает Илью Константиновича, которого как-то фотографировал для одного из центральных журналов:

«Участок земли, где стоял его домик, был по тому времени городским пустырем. Большие дома еще не обступали окраинные улицы старого Архангельска. Но в 1960 году там начиналось строительство, и место, где жил Илья Константинович, хотели расчистить под него, то есть дом его попадал под снос. Вылка жил тогда в ожидании нового переселения. Не привелось...

Я часто видел Илью Константиновича в 1958–1960 годах, когда он выходил на прогулку. Гулял каждый день. Шел по Вологодской улице до набережной Северной Двины. По пути обязательно минут пятнадцать-двадцать отдыхал на крылечке двухэтажного деревянного дома, где помещался какой-то медицинский диспансер.

У реки тоже часто сидел. Обычно на камушках у забора городского яхт-клуба. По пути ни с кем не заговаривал. Шел, о чем-то думая, поглядывая по сторонам. Всегда один...

К личности его тогда относились просто: ну, Вылка и Вылка... Мы ж всегда спохватываемся после дела, а узнавать человека поближе, делить с ним радость общения надо вовремя. Чтобы помнить потом...»

«Здравствуй, паа линдуко!»

Одинок Вылка не был. «Хорошо живу в Архангельске, но шумно...» Мария Савватьевна всегда была рядом с ним. Когда Вылка работал у себя, гостей отшивала — нечего делать, занят Батяка, на пенсии он теперь! А народ, наслышанный об Илье Константиновиче, живой легенде Севера, шел к нему едва ли не каждый день. Иногда — просто посмотреть, без особого дела и нужды. Таким он не очень радовался, а вот старым друзьям был всегда рад. Не забывают старика — хорошо!

Приемные дети его разбрелись по свету, всяк своей дорожкой пошел. Сыновья Афанасий и Иосиф выучились в Ленинграде, стали людьми самостоятельными. Но умерли рано — в 30-е годы. Иван, некогда шустрый и верткий пацанчик, повзрослев, стал отличным промысловиком, с Новой Земли переселился на Вайгач, там похоронил горячо любимую жену и насмерть запил.

«Здравствуй, сын Иван. От тебя получил записку, не письмо, ничего не написано... Эта записка чуть не расстроила. Как я старался устроить своего сына в Арктику на работу! Ты грамотный, можешь работать везде, руководить промыслами... Теперь идет борьба с пьянством. Многих хороших работников за пьянство отправляют на худые, тяжелые работы. Ледков Алеша за пьянство себя погубил, свою жизнь. Теперь не знаю, где находится. Вся эта пьянка для меня очень неприятна... Где сейчас работаешь — там же работай, никуда не уходи. Не переезжать, а трудиться нужно там. На Вайгаче дел хватит. Тебе надо новоземельский пример показать по промыслам...

Я живу на старом месте, после 1 апреля, наверно, будет новая квартира, дадут на Костромском проспекте... Все мелкие дома ликвидируют, строят новые каменные дома. Зимой был пожар. Был сарай — сгорел, чуть мой дом не сгорел. Говорят, здесь опасно жить. Если еще случится пожар, получится огненное море — все деревянные постройки сгорят.

Теперь картин не пишу. Покупателей не стало. Так, на хлеб, живу на 800 рублях. В сберкассе денег не стало. Обо мне не думайте, живите там хорошо... Новоземельские охотники постепенно все выезжают в Арктику... Тыко Вылка, 26. III. 60 г.».

С какой болью пишет Илья Константинович о своем земляке Алеше Ледкове, утопившем в водке свою жизнь! И о скольких таких он мог бы рассказать... Отрыв от родных мест не прошел даром для новоземельцев. Конечно, кто-то из них к делу пристал, кто-то и на новом месте по привычке обустроился. За таких можно было быть спокойным. А вот о тех, чьи судьбы не сложились, болело сердце у старого ненца, большую часть своей жизни отдавшего людям, заботе о них.

Последнее из обнаруженных писем Ильи Константиновича к сыну, похожее на завещание старого промысловика, датировано 23 июня 1960 года. За три месяца до ухода... Он словно сам собирался в Дорогу.

▲ Архангельские легенды 50-х: Степан Писахов, Евгений Коковин, Тыко Вылка. Архангельск, 1958 г.
Из фондов ОГУ «Ненецкий краеведческий музей»

Тыко Вылка любил гулять по этим улочкам.
▼ Архангельск, 1951 год

«Ваня! Будь бодрым работником, на всех работах пример покажи. По-новоземельскому работай на промыслах для блага великой нашей Родины. Подтяни вайгачских охотников. Я получил твое письмо. Это жизненное письмо. Сердцу сразу стало веселее.

Вы хотите в следующую зиму ехать на мыс Дыроватый? Там хорошо — морской зверь, песец, птицы, рыба. Ты собак расти, пять щенков, — на первое время хватит. Необходимы сети для нерпы, пешня, лопата, сети для рыбы — все нужно. Пилы и топоры — строить новые избы. Нужна лодка...

Ты будешь охотиться, заработаешь, купишь мотор подвесной... Я теперь спокойно буду жить. Ты обо мне не беспокойся. Твой отец Вылка».

Внук Алеша, которому Илья Константинович писал нежные стариковские письма, вырастет в интернате, пойдет кривой дорожкой, попадет в тюрьму и до конца своих дней будет маяться никому не нужным человеком. А пока вот дедушка Тыко, подвинув ближе круглую зеленую лампу, с выдумкой рисует ему письмецо. Страшный, как нгылек-черт, мужлан с торчащими ушами — это сам, ласковый дедко Илья. Из рта округлым облачком приветствие: «Здравствуй, паа линдуко!» («малышоночек»).

«Желаю тебе доброго здоровья... Живите в Варнеке. Скажи папе: никуда не пойдем, нам надо работать. В Архангельске жить трудно: водки много, пива много. Паа линдуко, пока целую. Живите там. Твой дедушка».

Полные дедовской нежности и отцовской строгости письма найдет на Вайгаче журналист и писатель Виктор Толкачев и передаст их на хранение в Ненецкий окружной краеведческий музей.

«Живи весело, играй. Я как-нибудь карандаши тебе пошлю. Я ходил к художникам, говорил: мой внук тоже хочет писать рисунки. Они говорят: пусть рисует. Молока больше кушай, быстрее вырастешь. Когда пойдете на Дыроватый, там много уток, молодые гаги, турпаны. Кушай печенки нерп. Твой дед Вылка».

Окраинный житель

Тук-тук в дверь деликатным пальчиком. Знать, Мария Савватьевна допустила кого-то, расспросив заикающимся от природы шепотом.

— Как поживаете, Илья Константинович?

— Хорошо. Сейчас пишу. Рисую.

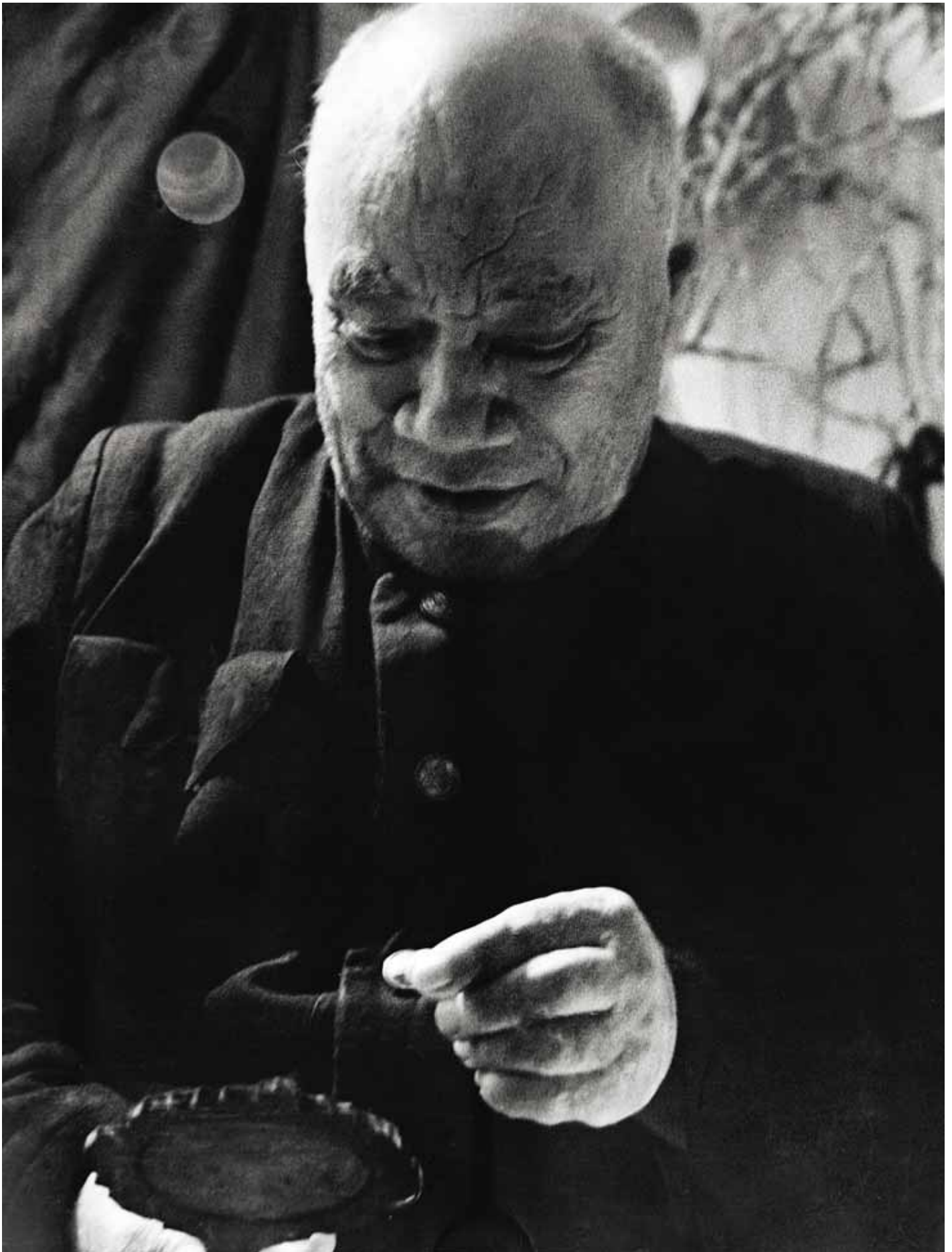
Все стены — в картинах. На гвоздиках — вещи из новоземельского быта, прибывшие к архангельскому жилью. Уютно, дельно в домашней мастерской Тыко Вылки. Как в добром становище. Проста и аскетична обстановка, ничего лишнего: стол, лампа, стул, хозяйские кисти, краски, карандаши, этюдник, письма стопкой, этажерка с книгами, окно, смотрящее в свежую архангельскую зелень... Тут и без всякого чая тепло и уютно сидеть на грубом табурете, согреваясь памятью о родине среди вечных льдов, глядящих с картин... Память его была все еще острее ножа, по ней писал Новоземелье — островитяне качали одобрительно головами, узнавая родные места.

Почтальон письма носил ежедневно — люди обращались к Вылке отовсюду. Кто просил нарисовать картину на заказ, кто — поделиться воспоминаниями о Новой Земле, о Русанове, кто — ненецкими сказками и песнями, кто умолял выдать справку о работе на Новой Земле для оформления пенсии и льгот.

Не отказывал, привычно подмахивая бумаги своим каллиграфическим автографом. Из облизполкома со временем стали вежливо, но настойчиво убеждать не писать таких справок: они юридически недействительны, пусть люди обращаются в архивы. Илья Константинович расстраивался, переживал, не в силах понять очевидного...

О своей жизни при случае рассказывал много, и все уже знали: если начал старик Вылка говорить — обязательно расскажет про Русанова и Калинина. Михаила Ивановича поминал всегда тепло — тот слово дал и исполнил. «Весь груз, понимаешь, привезли в Белушью. Весь пришел, до последнего гвоздика. А Папанин карбас обещал, карабин обещал — а я шишку получил!» Сложно складывались отно-

Тыко Вылка в художественной мастерской Г. Семакова. Архангельск, 1959 г. Из фондов ГМО «Художественная культура Русского Севера»

И. К. Вылка.
Рыбачьи промысловые лодки и палатки.
1910 (?) г.
Из фондов ГМО
«Художественная культура
Русского Севера»

шения Ильи Константиновича с чрезвычайным и полномочным представителем Главсевморпути в западном секторе Арктики Иваном Дмитриевичем Папаниным. Человек больших масштабов, он занимался глобальными вопросами освоения северных территорий, оставляя за рамками интересов частные проблемы народов Крайнего Севера. Это Вылку коробило...

Не ломался, когда просили выступить перед людьми. Принимал любопытных пионеров у себя дома, читал лекции в Доме офицеров, на лесопильных заводах, в пединституте... Куда только его ни приглашали — живая легенда!

Гостям с Крайнего Севера «новоземельский президент» в отставке был всегда рад. Заглянул к нему в 1959 году и нарьянмарский журналист, прозаик Александр Канюков с поэтом-земляком Алексеем Пичковым.

«Мы прослышали, что Илья Константинович живет где-то на Вологодской улице. Больше мы ничего не знали, даже не знали, каков он на лицо. И удивительно, нам никакого труда не составило найти его дом. Мы спросили у первого встречного:

— Не скажете, где живет Илья Константинович Вылко?

— Вылко, Вылко... Не Тыко ли Вылко спрашиваете?

Мы утвердительно кивнули.

— Идите дальше. В конце улицы его дом.

А продавщица ларечка «Мороженое» на наш вопрос даже удивленно брови вскинула: «Так он же тут живет, вон за тем старым домом! Он тут часто прогуливается и ко мне в ларек заглядывает, только не берет мороженого, говорит: «Я уже много наелся снега на Новой Земле».

Мы были приятно удивлены, что архангелогородцы так хорошо знают Тыко Вылко, который жил здесь всего лишь каких-нибудь два-три года.

В коридоре нас встретил грузный старик, седой, лысый, широколобый. Извинился, что в доме жарко и он прилег отдохнуть на оленьей шкуре на полу, устроившись под рабочим столом. Не спросив, кто мы и зачем пожаловали к нему, сразу же велел раздеться. Уже в кабинете, обвешанном картинами, он стал подробно интересоваться нашей родословной, откуда мы приехали и чем занимаемся.

Когда мы переступали порог этого дома, естественно, волновались и чувствовали себя неуверенно. Но здесь, в кабинете, в разговоре с глазу на глаз с Ильей Константиновичем наша скованность сразу улетучилась.

Узнав, что мы живем и работаем в Нарьян-Маре, он тут же пошутил:

— Ну, вы, оказывается, не простые люди, из ненецкой столицы приехали.

О Нарьян-Маре спрашивал подробно, с каким-то особым интересом. Как нам показалось, ему очень приятно было то, что, наконец-то и на ненецкой земле вырос город.

— Вот ведь как хорошо, — повторял он, — не избушка, а город целый... Ну и ну! Раньше, бывало, избушку кто новую поставит на пустом месте, и тому радуешься, а тут — город!

Хотя в доме не было ни жены, ни дочери, Илья Константинович как-то незаметно для нас сумел вскипятить самовар, собрать на стол, и теперь наша беседа за чашкой чая потекла еще непринужденней... Собеседник он был любознательный, умный, много повидавший и знающий. Он тогда был уже очень болен, но держался бодро, не жаловался на свои недуги. Особенно запомнились его глаза: они были поразительно молодые, и столько в них таилось доброго лукавства и смешинки...»

Солнце в больничном окне

Возраст давал себя знать. Все чаще Илье Константиновичу доводилось заглядывать в архангельскую больничку — то одно, то другое починки требовало. Докторам верил, больничный режим соблюдал, как вышколенный рекрут. Об одном «медицинском» эпизоде повествует неоконченная рукопись профессора больницы им. Н. А. Семашко Г. А. Орлова, датированная январем 1984 года:

«В один из дней в больнице за обедом кто-то довольно громко сказал: «В седьмую палату Вылку положили. Илью Вылку. Знаете? Да в нашем краю все его знают! Недавно о нем писали в газете — выступал на сессии областного Совета. И портрет его там чуть не во всю страницу. Читал, может, кто ста-

▲ И. К. Вылка с родственниками. Архангельск, 1958 г. Из фондов ОГУ «Ненецкий краеведческий музей»

И. К. Вылка на экскурсии в Архангельском областном краеведческом музее, в отделе природы. 1954 г. Из фондов АОКМ
▼

тью? Так вот он в больнице. Интересно, что с ним случилось? Кто лечить будет?» Седьмая палата в хирургическом отделении двухместная, но в ней часто собирались больные посмотреть телевизор, радио слушать. А сейчас там лежал Вылко. Соседом его по палате был боцман с тральщика. На другой уже день в обеденный час все увидели Тыко. Он шел по длинному коридору вразвалку, невысокий, коренастый. Больничная пижама была ему велика и сидела на нем неуклюже. Поражало его округлое лицо с выдающимися скулами. Высокий лоб был изборожден морщинками, сходящимися к переносице. На темени — венец седых волос. В узких прорезях глаз под тяжеловатыми веками светились черные хитринки. Тыко постоянно улыбался доброй улыбкой, которая как бы пряталась в уголках рта за по-детски пухлыми губами, и весь вид этого немолодого уже человека источал душевность и благожелательность. Одна рука его покоилась на широкой черной косынке, из-под края которой высывались короткие, заметно распухшие пальцы. Идя в столовую, он всем, кто попадался ему навстречу, кланялся в приветствии, здоровался коротко, степенно.

Интересен и своеобразен был его рассказ о болезни, когда его расспрашивали о ней врачи. У него был панариций, инфекцию он занес через рану на пальце от какого-то морского зверя (тюленя, нерпы или морского зайца).

Вылко же смеялся: «Закуску я ловил! А наживку взял от плохой нерпы, палец повредил крючком от снасти, вот рука и заболела. Хоть бы не пропала — нужна ведь еще она мне очень!»

Он охотно рассказывает о себе, о своем народе, о тундре, об оленях, о жизни на Новой Земле, о знаменитых друзьях-полярниках:

— Ненец — это значит «человек». Сам я — хасава (мужчина) из рода Вылка. Раньше ненцы жили родами, и каждый род кочевал в определенных районах тундры. Мои предки, кроме оленеводства, занимались промыслом зверя и рыбы. Селились по реке Коротаихе до ее устья. За моржом ходили на острова, в том числе и на Новую Землю. Большой род ненцев — Ям Тысни — тоже занимался промыслом морского зверя («ям» по-ненецки — море). Часто чумы наших двух родов раскидывались рядом, и мы роднились многие десятилетия. Сообща сдавали в царское время в Пустозерский острог ясак: оленьи шкуры, шкуры моржей и тюленей, песцов и лисиц. Старики-ненцы рассказывали, что меры ясака не было никакой, и от того очень разорялся ненецкий народ. Большие оленьи обозы с товарами ходили в Шенкурск на ярмарку. Там жители тундры покупали себе нужные для обихода товары: посуду, одежду и оружие.

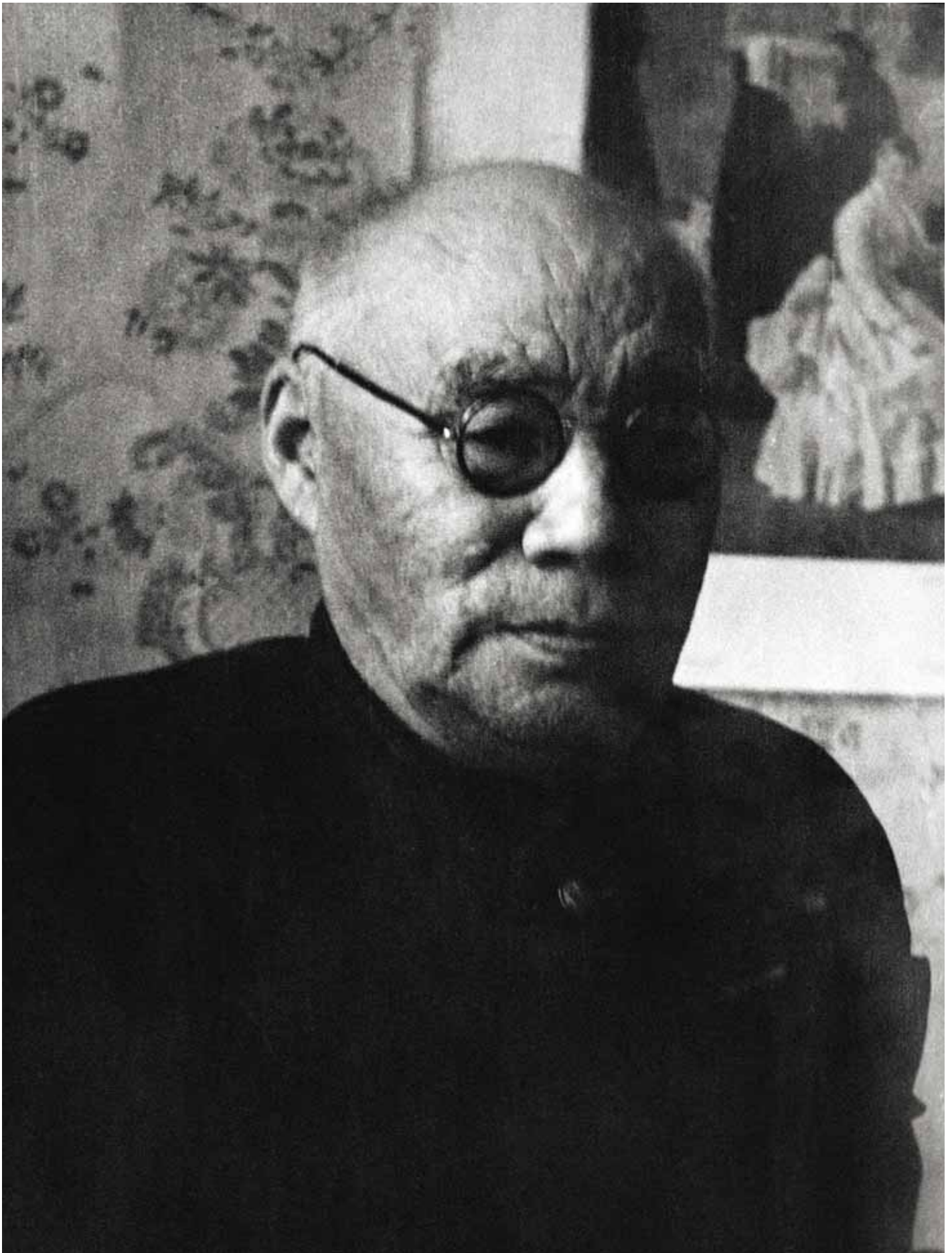
Илья Константинович рассказывал, что от стариков узнал, как на ярмарке шла меновая торговля: отрезы цветного сукна, ситца, топоры, посуда обменивались русскими купцами на ненецкие изделия: пимы, малицы, липты, на песцовые и оленьи шкуры. Оленьи шкуры и замша чаще всего были предметами обмена. За песцовую шкуру давали медный чайник. Никогда эти обмены не были выгодны ненцам. Никогда купцы не оставались в накладе. Муку, масло, проволоку, ножи, кольца, бусы, медные украшения для упряжи можно было получить только за хорошую пластину замши, за оленью шкуру...

Испокон веков ненцы трудились в тундре вместе с русским народом и перенимали у него обычаи, способы промысла зверя, рыбы и часто селились вместе с русскими. Вылко рассказывал о первых шагах Советской власти в ненецкой тундре, о большевиках-ненцах, об ученом ненце Алексее Пырерке, о Иване Павловиче Выучейском — председателе Ненецкого окрисполкома, члене ВЦИК, о том, как открывались ненецкие школы и как появился первый букварь на ненецком языке «Ядей Вада» («Новое слово»).

Илье Константиновичу уже за семьдесят перевалило, но рассказы его всегда сопровождались жестикующей и были такими живыми, будто сам он только вчера совершил переход с материка на Новую Землю. Очень ярко передавал он все то, что пережил в своей большой жизни.

Как-то рассказал о шаманах. При этом вышел на середину комнаты, стал сосредоточенным, поднял одну руку вверх, а другой ударил по ней, имитируя бубен. И поет по-ненецки. Слышны были только унылые протяжные слова и звуки вроде ру, ру, ру...

— В каждом роду в тундре были свои шаманы (тадибеи), — говорил потом Вылко. — Тадибеем могли быть и мужчина и женщина, почувствовавшие в себе особую, сверхчеловеческую силу. Тадибеи — врачеватели, они же и предсказатели судеб, выбора дорог при кочевье. Тадибей — советчик при выбо-

И. К. Вылка.
Губа Белушья.
1950-е годы.
Из фондов ГМО
«Художествен-
ная культура
Русского Севе-
ра»

ре жениха, невесты, конечно, тадибей и лекарь: у него есть пензер (бубен) из оленьей кожи. Шаман сам выбирает молодого оленя-самца и сам обрабатывает кожу для бубна. В семействе тадибея никто не должен брать пензер. Одежда тадибея — это обычно замшевый балахон, увешанный разноцветными лоскутами из сукна, бубенчиками, побрякушками. Он деревянной колотушкой стучит в пендер, чтобы призвать к себе духов. Под звуки бубна тадибей начинает, пританцовывая, петь песню и выкрикивать слова.

— У тадибеев песня простая, — пояснял Илья Константинович. — «Повелители солнца, месяца и звезд, придите и помогите мне. Ру, ру, ру... Братцы звезды и облака, возьмите его с собой и сжальтесь над его недугом. Ру, ру, ру... Йе, йе, йе!

Тыко сам сочинял песни. Пел он много, вдохновенно, хрипловатым голосом с перебивками. Песни его, как и все ненецкие, были о том, что видит он, что чувствует...

В больнице Илья Константинович не расставался с альбомом и набором цветных карандашей. Нередко свои рассказы он иллюстрировал набросками на бумаге, очень своеобразно отражая в них контуры карбаса в море, тюленьи туши. Но красивее всего у него получались рисунки птичьих базаров: черно-белые гагары и кайры на прибрежных скалах были как живые, кажется, взмахнут крыльями и взлетят с белого листа. Для своего врача-хирурга он сделал прекрасный рисунок и назвал его «Северная Сульменова губа». На нем — бухта морская, в середине ее — льдина, на ней морж лежит, а вблизи — человек в карбасе. Скала, как столб, и около нее — туша забитого моржа, по берегу охотник в ненецкой малице идет. На переднем плане рисунка еще три туши морского зверя изображены. Вдали — упряжка собачья. Скалы заснеженные закрывают горизонт.

Рисовал Тыко быстро, уверенно, почти не повторяя штрихов. Лицо его при этом становилось сосредоточенным, углублялись складки на лбу и переносице. Казалось, изображает он на бумаге такое, что сейчас стоит у него перед глазами: знакомое, родное, близкое. Седьмая палата две недели была как лекторий: не было времени для отдыха Илье Константиновичу, вечно у него люди. Стоило кому-то увидеть, что в палате зажегся свет, она тут же наполнялась моряками и рыбаками, зверобоями-поморами.

Незаметно для всех больных и даже для самого Ильи Константиновича пробежали две недели пребывания его в хирургическом отделении. Он спокойно перенес операцию на пальце, болезненные перевязки, уколы. И вот настал день, когда пришла в седьмую палату крупная, наверное, от волнения заикающаяся женщина — жена Вылки и стала быстро собирать его домой. Выздоровел Тыко и уходил из больницы».

От берега...

Уходить из жизни Вылке не хотелось. Но понял — время пришло. Сожалел об одном:

— Эх, еще бы картин пять написать! Там догонять пойду...

— Кого ж? — уточнял у Ильи Константиновича фотокорреспондент ТАСС по Архангельской области Сергей Васильевич Курилов, снимавший жизнь Северного края с 1930-х годов.

— Русанова догонять, ждет меня Владимир Александрович...

Нет, не заговаривался старик. В ясном уме до последнего дыхания был. Чувствовал, внутренним взором художника видел он тот мир, куда вскоре предстояло ему отправиться, оставив людям все, что имел и нажил. Это были его мир и его время, от которых он уходил, оставляя слишком быстрый атомный век.

Целый год перед этим он мучился болями в желудке. Врачи не скрывали — рак. От операции Вылка отказался, посчитав, что она — не спасение, а только повод для лишних мук. К чему? И так пожил — хватит... Свой выбор он сделал осознанно. За девять месяцев тяжелой болезни Ильи Константинович так ни разу ни с кем и не заговорил о своем нездоровье. Лишь в последние два из них боль была сильнее терпеливого Вылки... Ночами бредил, метался на постели. Но в больницу собрался только 20 сентября, за неделю до ухода.

Вымыл и сложил в коробку кисти. Сидя в одиночестве, долго-долго пел старинные ненецкие песни-прощания. Навестил всех друзей и знакомых в Архангельске, кланялся — прощался. Гемп спросила,

не поняв: «Куда вы, Илья Константинович?» — «Пока — в больницу, а там, наверно, дальше, искать Русанова, опять вместе будем идти во льдах...»

Люди, услышав это, немели. А он низко кланялся им, пожимая их руки. Долго-долго пил с Писаховым чай и при этом мечтал о 2000-м годе: что-то там будет, какой-то станет жизнь, лет сорок всего-то обождать бы да посмотреть... Пришел домой и лег без сил. В больницу его отнесли на носилках...

Когда его не стало (28 сентября 1960 года), архангельские новоземельцы, и не только они, собрались вместе — проводить Илью Константиновича. Стояла осень. На расцвеченном золотой листвой Кузнечевском кладбище недалеко от входа, слева, была вырыта могила. Моросил нудный архангельский дождь, привычный для этой поры.

Тело выносили из городской больницы. В гробу, одетый в темно-синий морской китель, лежал маленький округлый человек, умолкший навсегда. Ни рассказать, ни спеть, ни что-то сделать хорошее для людей он больше не мог. Собравшись нести Вылку в последний путь, спохватились: где награды?! Бросились домой. Взяли орден Красной Звезды, орден Трудового Красного Знамени и пять медалей...

Люди мокли под дождем и плакали. На гражданской панихиде произносили соответствующие слова. Гроб на руках вынесли на проспект Павлина Виноградова, и полкилометра он плыл по главной улице Архангельска. Потом кумачовую домовину поставили в машину, и процессия медленно двинулась ко кладбищу.

Молоток ходко вогнал четыре гвоздя в крышку. Покачиваясь на веревках, закатно пламенеющая лодка опустилась в яму и стукнулась в берег вечности. Из-под прощального взмаха рук в доски цвета спелых углей глухо бухнули комья... Тыко Вылка ушел.

Осталось имя, остались картины, осталась солнечная доброта. И негасимая свеча памяти... Он бы удивился.

Теплая земля (четыре гвоздя, 28 сентября 1960 года)

«Живу я в большом городе. Выхожу на берег большой реки, прикрываю глаза и слышу прибой большого моря. И крик чаек зовет меня за это море, где синее моя Новая Земля...»

В последний год своей жизни он затеял писать фантастическую повесть: на Новой Земле по влажно парящей норке лемминга люди догадались о близости нутряного тепла планеты. Начали копать, сверлить, бурить, сделав колодец-шахту глубиной в километры. И из недр пошло на остров живое тепло, согревая заledenелую Новую Землю. И стали люди на ней сажать картошку и капусту, стали расти на ней огурцы и яблоки... Главного героя, нашедшего волшебную норку на Едэй-Я и построившего шахту, звали Русанов...

В 1934 году на безымянном островке неподалеку от таймырского берега Харитона Лаптева полярники нашли почерневший столб с надписью «Геркулес. 1913 год». Чуть позже в шхерах Минина на другой островной стоянке были обнаружены старая одежда, патроны, компас, фотоаппарат, ножны охотничьего ножа, серебряные часы, полуистлевшие матросские книжки и фото молодой женщины... В ней узнали Марию Петровну, первую, давно умершую, жену Русанова. А на обложке блокнота с расползшимися от воды записями разобрали лишь одно: «В. Русанов».

Илья Константинович понял, что со старым его другом случилась страшная беда. Но ни на одной из картин русановской гибели не изобразил.

Шаг Седова навстречу смерти — да. Но Русанов остался в его картинах навсегда живым. Отсутствующим на полотне, но — живым...

Когда пришел последний рассвет Вылки, молодая его душа рассталась с уставшим телом. У двинского берега, подпертого новоземельскими льдами, ее ждал человек, несколько не постаревший за полвека, — белолицый, рыжебородный, веселый: «Идем, Илья! Идем на Север!»

И он впервые босым ступил на синие льды, теплые льды родного океана. И на шаг опередив того, кого ждал всю жизнь, пошел, забирая на свет Нгер-Нумгы все быстрее и быстрее, не чуя легких ног.

Теплый ветер с архипелага разглаживал морщины. Теплое солнце, касаясь инея седых волос, молодило их вороним цветом. Горизонт точильным кругом своим наводил остроту выцветшим глазам, и виделись им уже снежные горы-чумы Новой Земли, ее ножевая синева, ее мощный изгиб напряженного лука, заряженного громадой карских льдов.

Вылка шел, бежал, летел, дыша светом и радостью ступить на родную и теплую землю Едэй-Я...

Р. С.: от автора **(дорожный** **набросок на** **снегу, 2008 год)**

Вылкин корень не мертв. Живая ненецкая фамилия. Вьется родовым древом подобно русским петровым-сидоровым...

В тундровой поездке в одном из поселков довелось подпирать стенку на сходе местной общественности с начальством. Пар выпускали, как обычно, навалившись на чиновников: с криком, со швырянием словами, с обидами и попреками. Дорвались! Не хватило у меня на это терпения — вышел. Мутит иногда от наивной «правды жизни»...

Возле крыльца скучал парнишка. Разговорились. Фамилия его оказалась обычной для этих мест — Вылка. Учится в школе, любит рисовать, хочет «на художника» поступить, да не знает — куда.

Сборище за стенами как-то враз кончилось. Клубы пара вырвались на морозную улицу из распахнутых дверей: наговорились до испарины! Народ счастливо закуривал, щуря глаз в небо. Начальство — широким шагом к вертолету: по коням, мужики! Разговор с Вылкой оборвался на полуфразе. Я пошарил по карманам: где же визитка?! «Запомни телефон... Будешь в Архангельске — позвони: смогу — помогу».

Он быстро записал номер пальцем на бархатистом снегу... Я на махах помчался к вертолету: век наш не-суетен — просто жизнь считана поминутно. Так!

Расстались — как ножом отмахнуло. Занесло ли буранами, стерлось ли в памяти, отпало ли еще по какой прихоти... Мало ли!

Телефон мой молчит. Другие звонки — другие люди...

Где ты, Вылка?

*Голубино — Красная Горка (Пинежье) — Архангельск,
декабрь 2008 года*

Графика жизни Тыко (Илья Константиновича) Вылки (1886—1960)

15 (27) февраля 1886 года — родился в становище Белушья Губа на Новой Земле.

1896 год — получил первые уроки рисования у художника А. А. Борисова.

1904 год — начал самостоятельно рисовать.

1909—1911 годы — проводник в экспедициях ученого, исследователя Арктики В. А. Русанова.

1910 год — участник выставки «Русский Север» в Архангельске. Несколько пейзажей с этой выставки были отправлены архангельским губернатором И. В. Сосновским в подарок императору Николаю II.

1910—1911 годы — московский период жизни. Отвезенный В. А. Русановым в столицу, занимается у художников В. В. Переплетчикова и А. Е. Архипова, а также учится русскому языку, изучает математику, географию, ботанику и зоологию.

1911 год — выставка рисунков и картин в Музее кустарных ремесел в Москве.

1911 год — в связи со смертью двоюродного брата вынужден вернуться на Новую Землю и по национальному обычаю жениться на его вдове, оставшейся с шестью детьми.

1912 год — последняя встреча с В. А. Русановым. По семейным обстоятельствам отказался от участия в экспедиции на парусно-моторном судне «Геркулес».

1914 год — из-за ссоры с губернскими чиновниками вынужден переехать с семьей со становища Белушья Губа на берег Карского моря.

1924 год — избран председателем Новоземельского островного Совета депутатов трудящихся с административным центром в становище Белушья Губа.

1927 год — участник юбилейной выставки искусства народов СССР, посвященной 10-летию Великой Октябрьской социалистической революции, открывшейся 7 ноября в помещении ВХУТЕМАСа.

1929 год — выступил с докладом в Комитете Севера при ВЦИК. Состоялась встреча с председателем ВЦИК М. И. Калининым.

1936—1937 годы — время обучения на общеобразовательных курсах, организованных Архангельским облисполкомом.

1946 год — персональная выставка в Архангельском областном краеведческом музее в связи с 60-летием со дня рождения.

1955 год — переезд в поселок Лагерное на берегу Маточкина Шара.

1956 год — вышел на пенсию и переехал на постоянное место жительства в Архангельск.

1956 год — состоялась персональная выставка в Архангельском областном краеведческом музее, посвященная 70-летию со дня рождения.

28 сентября 1960 года — умер в Архангельске. Похоронен на Кузнечевском (Вологодском) кладбище города.

Награжден орденами Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, медалями СССР.

Художественные произведения И. К. Вылки хранятся и экспонируются в Русском государственном музее (г. Санкт-Петербург), в Архангельском музее изобразительных искусств (г. Архангельск), в Ненецком окружном краеведческом музее (г. Нарьян-Мар), в Историко-мемориальном музее М. В. Ломоносова (с. Ломоносово Холмогорского района Архангельской области), в Музее Арктики и Антарктики (г. Санкт-Петербурге), в Доме-музее В. А. Русанова (г. Орел).

Сухановский
Алексей Феликсович

Тыко Вылка. Сын Полярной звезды

Этюды жизни Ильи Константиновича Вылки, ненецкого художника, сказителя и «президента Новой Земли», рисованные на полотнах его родины

Продюсер проекта «Библиотека Печорского края»
И. Ю. Слободянюк

Литературный редактор
Т. С. Попова

Художник
В. В. Строков

Художественный редактор
Д. В. Бегун

Корректор
Т. С. Базанова

Технический редактор
А. В. Анисимов

Редактор фототеки
М. В. Чиркин

Выражаем благодарность за помощь в создании этой книги личному составу Арктического регионального пограничного управления ФСБ РФ (начальник А. В. Корецкий), коллективу Архангельской гидрографической базы (начальник Б. И. Левицкий), коллективу Архангельского областного краеведческого музея (директор В. А. Любимов), коллективу Архангельской областной научной библиотеки им. Н. А. Добролюбова (директор О. Г. Степина), коллективу Государственного архива Архангельской области (директор В. К. Ананьин), коллективу Государственного архива политических движений и общественных формирований Архангельской области (директор Т. В. Титова), коллективу Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» (директор М. В. Миткевич), коллективам лесных отелей «Голубино» и «Красная Горка» (руководитель А. П. Гладкобородов), коллективу ОАО «Нарьян-Марский объединенный авиационный отряд» (генеральный директор В. П. Афанасьев), коллективу Ненецкого окружного краеведческого музея (директор Е. Г. Меньшакова), личному составу Объединенного Арктического авиационного отряда ФСБ РФ (командир А. В. Ермолов), коллективу Музея авиации Севера (директор Л. Е. Горохова), коллективу Северного государственного музея мореплавания (директор Т. А. Маслова), коллективу Северного управления Федеральной службы гидрометеорологии и мониторинга окружающей среды (руководитель Л. Ю. Васильев), коллективу Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Архангельской области (начальник С. Н. Степура), а также лично Ю. А. Настеко, А. А. Афонину, П. В. Боярскому, Е. П. Бронниковой, Л. В. Бурдиковой, В. Е. Гайкину, А. Драбкину, Н. А. Дудолодовой, Д. В. Ефремову, Ю. В. Каневу, О. Корытову, З. Д. Кулешовой, Н. В. Ожигиной, Н. Н. Паршиной, Р. А. Пичугиной, С. Б. Поповой, Г. Е. Седовой, Т. Г. Тарбаевой, Е. И. Тропичевой, К. Чиркину, К. В. Шимко.

В книге использованы фотографии и репродукции А. А. Афолина, Л. В. Бурдиковой, А. А. Быкова, З. З. Виноградова, И. К. Вылки, В. Е. Гайкина, П. Кузнецова, С. В. Курилова, Я. И. Лейцингера, М. П. Нечаева, А. А. Поплавского, А. Ф. Сухановского, М. О. Цшохера, В. Н. Чиркина, а также картины А. А. Борисова, И. К. Вылки, С. Г. Писахова из фондов ГМО «Художественная культура Русского Севера». Фото на стр. 252 и суперобложке NASA/Visible Earth

Издатель
Издательство «СК-Россия»

Генеральный директор
И. Ю. Слободянюк

Главный редактор
А. Ф. Сухановский

Финансы
Е. Н. Рогозина

Группа спецпроектов:
С. Ю. Дмитриев,
Н. З. Калашник,
Д. Л. Трудов,
С. И. Слободянюк

Россия, 163045, Архангельск, ул. Гагарина, д. 8, корп. 1
Телефон/факс (8182) 62-61-58, 62-61-64
info@sk-russia.ru, www.sk-russia.ru

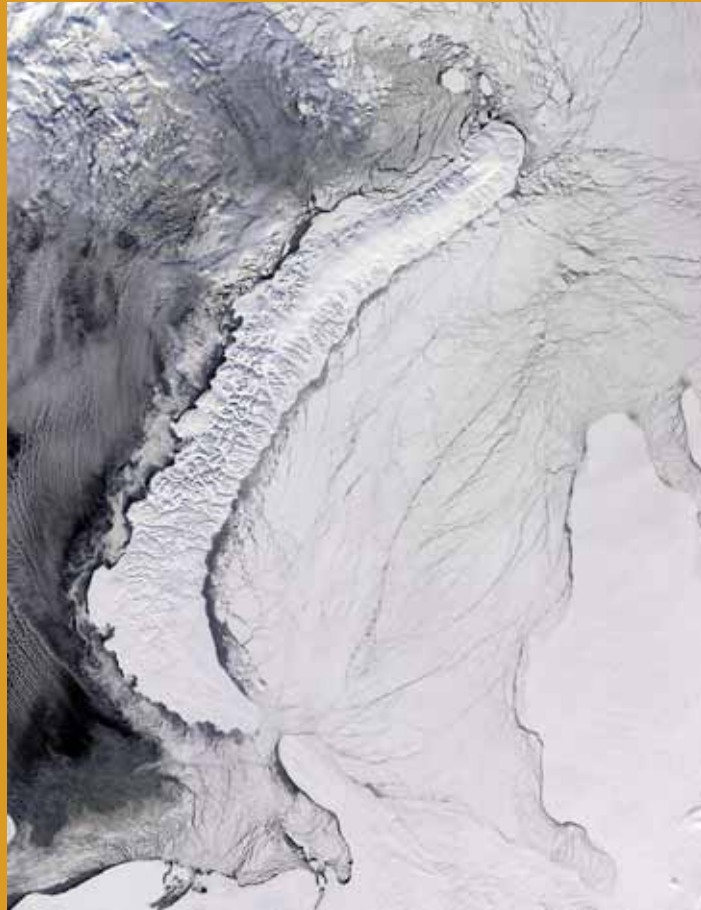
Подписано в печать 23.12.2008 г. Формат 223х297.
Бумага LumiArt silk. Гарнитура Литературная.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Отпечатано в типографии AB Spauda, Литва.

© ООО «Издательство «СК-Россия», 2009 г.

ISBN 5-901992-19-9

9 785901 992197

Тыко Вылка видел суровую красу
своей родины, Новой Земли, оком
художника: «Айсберги в море плывут,
как гуси. Цветики у нас особо яркие,
а воздух прозрачный, и при солнце
снег и льды на горах искрятся
и румянеют. Птицы на скалах
о чем-то разговаривают, радуются,
спорят. Ушкуй — зверь большой.
Мясо и шкура у белого медведя
тяжелые, а шаг у него легкий, мягко
ступает, я у него шагу учился...»